

З. АВАЛОВЪ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГРУЗІИ

КЪ

РОССІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901

Любови Яковлевнѣ Гуревичъ
съ истиннымъ уваженіемъ
отъ автора
2 сент. 1901 г.

З. АВАЛОВЪ

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГРУЗІИ

КЪ

РОССІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1901

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Присоединеніе Грузіи къ Россіи было политическимъ событіемъ первостепенной важности. Именно со времени этого присоединенія, Россія становится на путь, который, можетъ быть, приведетъ ее къ берегамъ Персидскаго залива. Будущее всегда гадательно, но достаточно возможности *такого* будущаго, достаточно обладанія тѣмъ, что Россія теперь имѣетъ за Кавказомъ, чтобъ видѣть всю многозначительность событія, съ котораго, собственно, начинается распространеніе русскихъ владѣній въ этой части Азіи.

Присоединеніе Грузіи не было цѣлью, къ которой издавна и сознательно стремились; не приходилось бороться съ встрѣчнымъ вліяніемъ другихъ

европейскихъ державъ; Россія не имѣла въ Грузіи никакихъ экономическихъ интересовъ; не могла она ее привлекать и въ видахъ «исправленія» границъ; но сама Грузія нуждалась въ помощи Россіи и, не удовлетворяясь протекторатомъ, искала болѣе тѣснаго единенія. Въ отвѣтъ на эти исканія, послѣдовало присоединеніе Грузіи. Тяготѣніе послѣдней къ Россіи и составляетъ отличительную черту всего событія. Не послѣдовательныя усилія русской дипломатіи; а настойчивое исканіе русскаго подданства со стороны грузинскихъ царей повлекло за собой присоединеніе Грузіи.

Оправдательные мотивы (польза, выгода etc.) были подобраны лишь въ самый послѣдній мигъ. Словомъ, идея присоединенія принадлежитъ Грузіи, ея царямъ; но, *какъ* она будетъ присоединена, на это дала отвѣтъ Россія. Задача настоящаго очерка — обрисовать событіе, въ его главныхъ очертаніяхъ, указать на нѣкоторыя условія, вызвавшія присоединеніе, и на обстановку, въ какой оно совершилось.

Выясняя обстоятельства политическаго сближенія Грузіи съ Россіей и разсматривая форму, въ какую

отлилось это сближеніе, авторъ естественно долженъ былъ коснуться противорѣчій и шероховатостей, неизбѣжно сопровождавшихъ присоединеніе полуфеодальной страны къ могущественной и строго централизованной Имперіи.

Вполнѣ понятныя и законныя желанія Грузіи пришлось просто на просто устранить, потому что исполненіе ихъ не вязалось ни съ характеромъ русской государственности, ни съ осуществленіемъ дальнѣйшихъ политическихъ задачъ Россіи въ Передней Азіи. Именно, грузины стояли на средневѣковой точкѣ зрѣнія *привилегіи*, они желали присоединенія на извѣстномъ *условіи*, въ формѣ *договора*. Все это искони было чуждо Россіи, которая еще за три вѣка до того отказала Новгороду въ вѣчѣ и колоколѣ—во имя единства государства и равнаго подчиненія его частей власти. Затѣмъ, желаніе грузинъ сохранить и въ условіяхъ русскаго подданства кое-что изъ стараго устройства (именно, царя) противорѣчило неизбѣжной потребности въ диктатурѣ: управленіе Грузіей начала XIX вѣка, въ связи съ внѣшними осложненіями и войной—требовало героическихъ средствъ администраціи.

желанія грузинъ были неисполнимы въ такихъ условіяхъ.

Теперь, когда мы озираемся назадъ, намъ это ясно. Но люди, видѣвшіе присоединеніе Грузіи, думали, конечно, иначе. Необходимость присоединенія полнаго, безусловнаго мотивировалась не такъ; съ другой стороны, желаніе присоединиться на извѣстныхъ условіяхъ подсказывалось всѣмъ, издавна сложившимся міровоззрѣніемъ грузинъ, ихъ преданіями. Противорѣчіе это устранили: сразу же рѣшено было присоединить Грузію, какъ простую провинцію. Такое радикальное рѣшеніе вопроса было *тогда* далеко не безболѣзненно; всякое крупное политическое дѣло требуетъ жертвъ, и тогда Грузіи пришлось принести эту жертву. Но теперь можно сказать, что *такое* рѣшеніе вопроса въ самомъ началѣ — было благодѣтельно: привилегія рано или поздно была бы отнята, т. е. ее бы пришлось отнять, какъ нѣчто такое, чего Россія вообще не любитъ. А чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; тѣмъ скорѣе предается забвенію то, что обречено на умираніе.

При этомъ пониманіи, крутое рѣшеніе вопроса

о Грузіи въ самомъ началѣ—слѣдуетъ признать счастливымъ шагомъ, хотя, конечно, пришлось многое ломать, многія права нарушить.

Вдобавокъ, старыя политическія традиціи, какія могла завѣщать феодальная Грузія, довольно скоро стушевались на фонѣ иного, гораздо менѣе отсталаго строя. Вступивъ въ составъ Россіи, Грузія сразу шагнула изъ глубины среднихъ вѣковъ въ новое (конечно, относительно!) время—политическая организація ея осталась гдѣ-то на томъ берегу, берегъ этотъ съ каждымъ годомъ все удалялся, наконецъ, скрылся вовсе—а память о старой Грузіи не могла родить и не родила изъ себя новыхъ политическихъ убѣжденій и новыхъ исканій.

Такъ или иначе, присоединеніе Грузіи къ Россіи было для первой большимъ шагомъ впередъ, для второй—крайне цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, повлекшимъ за собой рядъ новыхъ успѣховъ. Но то, что теперь кажется такимъ простымъ и естественнымъ, что съ такой ясностью выражено въ этой милой легендѣ о добровольномъ присоединеніи Грузіи къ единовѣрной Россіи, на самомъ дѣлѣ, складывалось вѣками мучительныхъ усилій и осуществи-

лось среди многихъ трудностей, въ обстановкѣ тягостной и напряженной.

Въ предлагаемомъ этюдѣ рѣчь идетъ о присоединеніи одной лишь Восточной Грузіи — наиболѣе важномъ событіи въ исторіи сліянія грузинскихъ земель съ Россіей. Послѣдняя страница этой исторіи — упраздненіе автономіи княжества Мингрельскаго произошло на глазахъ еще живущаго поколѣнія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько историческихъ замѣчаній.

I.

Въ 1901 году истекаетъ сто лѣтъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи; но, строго говоря, не всей Грузіи, а той ея части, которая играла болѣе видную политическую роль въ XVIII в., т. е. соединеннаго царства Карталинскаго и Кахетинскаго. Если же имѣть въ виду всѣ части грузино-абхазской монархіи, окончательно раздробившейся въ XV вѣкѣ,—части, и послѣ связанныя единствомъ культуры и религіи,—то присоединеніе Грузіи въ этомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ нельзя будетъ пріурочить къ одному какому-нибудь моменту, а придется разсматривать это присоединеніе, какъ серію историческихъ событій, какъ послѣдовательную утрату независимости отдѣльными грузинскими царствами и владѣніями, въ связи съ поступательнымъ движе-

ніемъ Россія въ Передней Азіи; къ событіямъ этимъ примыкаетъ, въ дальнѣйшемъ, отвоеваніе отъ Турціи тѣхъ грузинскихъ земель, которыя были отторгнуты въ теченіе предыдущихъ вѣковъ. Къ первому ряду фактовъ относится вступленіе въ составъ Имперіи соединеннаго царства Карталинскаго и Кахетинскаго, царства Имеретинскаго и княжествъ: Гурійскаго, Мингрельскаго, Абхазскаго и Сванетіи. Ко второму циклу придется отнести: отвоеваніе области Ахалцыхской и Адчары. Это — пріобрѣтенія Восточныхъ войнъ истекшаго столѣтія. Земли, отошедшія такимъ образомъ отъ Турціи, составляли прежде часть грузинской монархіи, а потомъ особое вассальное княжество или такъ называемое атабекство (Саатабаго), игравшее видную роль въ судьбахъ Грузіи, пока оно не превратилось въ передовой постъ турецкой имперіи. Въ настоящее время изъ старыхъ грузинскихъ земель одна лишь Лазика принадлежитъ еще Турціи.

Впрочемъ, присоединеніе частей такъ называемой Турецкой Грузіи къ Россіи насъ ни мало не интересуетъ. Это не болѣе какъ эпизоды русско-турецкихъ войнъ. Что же касается присоединенія самостоятельныхъ до-того грузинскихъ владѣній, то здѣсь наибольшее значеніе выпадаетъ на долю присоединенія царства Карталино-кахетинскаго, такъ какъ политическое событіе это, первое по времени,

повлекло за собой, какъ неизбѣжное послѣдствіе, судьбу остальныхъ частей Грузіи. Итакъ, каковы пути, приведшіе царство Грузинское къ манифесту 12 сентября 1801 г.?

Историческая перспектива необходима; надо знать общій ходъ грузинской исторіи, и, въ особенности, политическую обстановку XVIII столѣтія, иначе намъ не понять, почему возможна была такая скорая и рѣшительная развязка въ самомъ началѣ XIX вѣка.

II.

Ограничиваясь рамками нашего тысячелѣтія, мы можемъ въ немъ разобраться, взявъ за вѣхи важныя историческія событія, совершавшіяся въ Передней Азіи. Мы видимъ, что всякій разъ, когда является здѣсь какой-нибудь крупный собиратель земель, когда слагается или усиливается какое-нибудь мощное—хотя бы недолговѣчное—политическое тѣло, монархія изъ числа «міровыхъ»,—Грузія оказывается или стѣсненной, или порабощенной. Напротивъ, когда Передняя Азія представляетъ картину разложенія и политическаго упадка, Грузія возрождается, расцвѣтаетъ, крѣпнетъ,—пока стихійный поворотъ исторіи снова не пресѣчетъ нормальнаго развитія страны.

Тотъ, сравнительно небольшой, промежутокъ, ко-

гда (въ текущемъ тысячелѣтіи) Грузія является настоящей державой (конечно, средневѣковаго склада) съ силой и значеніемъ,—лучшая пора эпохи грузино-абхазскихъ монарховъ—по времени совпадаетъ съ періодомъ разложенія сельджукскаго государства въ Персіи (т. е. приблизительно, XII вѣкъ). Эпохѣ этой предшествуетъ расцвѣтъ сельджукской монархіи—и въ это-то время Альпасланъ совершилъ вторженіе въ Грузію; тяжело пришлось ей и при Маликшахѣ, когда могущество сельджукидовъ достигаетъ высшей точки (1072—92).

Послѣ Маликшаха наступило благопріятное для Грузіи время, когда, вслѣдствіе династическихъ несогласій и распрей атабековъ, совершалось распаденіе сельджукской монархіи; въ Малой Азіи образовалось царство Иконійское, воспрянулъ униженный халифъ Багдадскій, въ цѣломъ рядѣ провинцій власть сдѣлалась наслѣдственной и независимой, сложились сильныя мѣстныя династіи въ Фарсѣ, Лурпстанѣ, по сосѣдству съ Грузіей—изъ Ганджи распространилось могущество пехлеванидовъ.

Восточный Иранъ не отставалъ отъ Западнаго въ смыслѣ политической путаницы и отсутствія единства.

Только благодаря этимъ условіямъ, возможенъ былъ тотъ подъемъ политическаго могущества и культурное оживленіе, которые дѣлаютъ XII вѣкъ

золотымъ вѣкомъ грузинской исторіи. Тогда-то, въ вѣкъ Давида Возобновителя и Тамары окончательно сложилась традиція православной монархіи Багратидовъ, традиція, къ которой и позже готовы были вернуться, но которой такъ мало благопріятствовали дальнѣйшія обстоятельства.

Завоеваніе Персіи монголами началось въ 1219 г. Скоро дошла очередь до Грузіи: она была разорена, уничтожена. Ясно, что политическая обстановка круто измѣнилась. Въ половинѣ XIII вѣка великій ханъ Мангу поручилъ управленіе Ираномъ Гулагухану, съ котораго и начинается династія гулагидовъ; они властвовали непосредственно надъ значительною частью Ирана, сопредѣльныя же владѣнія находились въ вассальной отъ нихъ зависимости.

Къ концу XIII вѣка монгольскіе завоеватели сливаются съ персами; затѣмъ они становятся мусульманами-шіитами и не признаютъ даже и номинальной зависимости отъ великаго хана.

Къ такимъ сосѣдямъ Грузія должна была стать въ подневольное отношеніе, отношеніе данницы. Но стоило лишь измѣниться картинѣ, стоило лишь ослабѣть монгольскимъ властителямъ—а при Абусаидѣ (1316—25) начинается распаденіе и междоусобная борьба мелкихъ владѣтелей, и мы видимъ въ Грузіи успѣхи Георгія Блестящаго. Историкъ

отмѣчаетъ: «1318. Георгій, сынъ Димитрія Самоотверженнаго, становится царемъ и начинаетъ блистать какъ утренняя звѣзда» [1]).

Но звѣзда если не Георгія, то Грузіи — скоро померкла въ мракѣ Тамерланова нашествія. Энергія этого нашествія, а также сила сопротивленія, оказаннаго Грузіей, превосходятъ всякое вѣроятіе.

Что экскурсіи міровыхъ завоевателей, ихъ вторженія въ бассейны «благородныхъ» рѣкъ Куры и Ріона должны были подрѣзать крылья Грузіи, извратить и разрушить ея политическую карьеру — это очевидно. Такъ и было на дѣлѣ. Однако, распаденіе имперіи Тамерлана дало поводъ Грузіи обнаружить еще разъ ея живучесть и выносливость. Въ послѣдній разъ она была «собрана» и наслаждалась сравнительнымъ покоемъ подъ скипетромъ Александра (1413—1442), который, однако, такъ мало былъ проникнутъ идеей государственнаго единства, что не поколебался распредѣлить земли своей короны между сыновьями своими.

III.

Согласно традиціи, единая Грузія раздѣлена на части царемъ Александромъ. Съ этого времени «Иве-

---

[1]) Dates de Wakhoucht. Hist. mod. II, l. 1, p. 378.

рія не существуетъ болѣе» [1]); но отдѣльныя царства и княжества влачатъ свое, исполненное превратностей, существованье. Современемъ князь Циціановъ увидитъ Божію волю въ томъ, что царство Грузинское, Александромъ раздѣленное, «Александромъ же I Императоромъ Всероссійскимъ соединено паки во едино» [2]).

Однако, раздѣленіе царства царемъ Александромъ не можетъ имѣть значенія какой-то роковой грани между старой, единой Грузіей и «разсыпанной храминой» позднѣйшихъ вѣковъ. Нѣтъ, если послѣ «раздѣла» Грузія уже не объединялась, то и до раздѣла она далеко не всегда была единою [3]). На-

---

1) Броссе. Исторія Грузіи, пред. къ II части (на груз. яз.), пер. С. Гогоберидзе.

2) Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Циціанова отъ 25-го апрѣля 1804 года. Акты, собранные Кавказск. археограф. комиссіею, т. II, № 748.

3) Хотя, по словамъ историка (Hist. mod. I, 205), при Багратѣ «вся Иверія стала подъ законы и власть одного монарха», и это длилось до Давида, сына Георгія Лаши,—т. е. 1264 года, но и въ этотъ, якобы сплошной періодъ единства, Кахетія, напримѣръ, имѣла своихъ царей. Прочное присоединеніе ея къ остальной Грузіи произошло при Давидѣ Возобновителѣ.

Раздѣлена была Грузія и при монголахъ. Понятное дѣло, что мы не имѣемъ въ виду временъ болѣе отдаленныхъ. Мы желаемъ сказать, что единство монархіи Багратидовъ было и непродолжительно, и не особенно прочно, какъ основанное на подверженной всякимъ случайностямъ вассальной зависимости частей.

противъ, составныя части Грузіи, пережившія ея единство, существовали задолго до раздѣленія царства и были въ условіяхъ того времени—гораздо болѣе жизнеспособны и крѣпки, чѣмъ цѣлое, изъ нихъ слагавшееся. Входя въ составъ единой Грузіи—Мингрелія, напр., Сванетія или Кахетія не переставали быть Мингреліей, Сванетіей и Кахетіей. Не было монарха, признаннаго всей Грузіей—не было единой Грузіи, какъ политической величины; Мингрелія же и Кахетія оставались (но, конечно, объ неизмѣнности и постоянствѣ состава отдѣльныхъ областей также нельзя говорить).

Какъ всякое общество средневѣковаго склада, старая Грузія и въ эпохи единства, эпохи могущества, носила въ себѣ центробѣжныя силы, которыя неминуемо дѣлали непрочнымъ это единство. Элементы раздвоенія Грузіи на западную и восточную (по ту и по сю сторону Лихскихъ горъ), а также дальнѣйшаго дробленія той и другой, имѣлись испоконъ вѣковъ, такъ какъ находились въ тѣсной связи съ самыми, можно сказать, стихійными условіями исторической жизни Грузіи. Это—классическая страна долинъ и ущелій, не столь мелкихъ и не столь замкнутыхъ, чтобы дѣлать невозможной всякую гражданственность, но, во всякомъ случаѣ, являющихся мѣстомъ старинной осѣдлости, издавней солидарности. Эти территоріальныя еди-

ницы—основаніе, почва для созданія *изъ нихъ*—и *надъ ними*—высшаго цѣлаго, государства. Спрашивается, окажутся ли узы этой новой организаціи настолько сильными, чтобы преодолѣть внутреннюю солидарность отдѣльныхъ единицъ? Мы знаемъ, что въ условіяхъ средневѣковой жизни, церковь можетъ способствовать объединенію. Такъ было и въ Грузіи. Но церковь, монастыри, письменность—все это совмѣщается съ какимъ угодно положеніемъ вещей—единствомъ, раздробленіемъ, завоеваніемъ.

Объединеніе, въ той формѣ, въ какой оно имѣло мѣсто въ Грузіи, было дѣломъ политики династической, опиравшейся на интересы національные и религіозные, которые должны были чувствоваться особенно остро, благодаря постояннымъ столкновеніямъ съ народами иной расы, иной вѣры.

Но, когда такъ или иначе достигается единство, когда образуется одно цѣлое изъ отдѣльныхъ земель, значитъ ли это, что надъ единой отнынѣ территоріей возвышается власть единаго государства? Или, правильнѣе: признаваемую въ теоріи власть удается ли осуществлять съ достаточной полнотой на практикѣ?

Это именно тотъ шагъ, который надо сдѣлать чтобы достигнутая такимъ образомъ государственность могла стать залогомъ дальнѣйшаго политическаго развитія.

Типичныя монархіи средневѣковаго склада не дѣлаютъ этого шага. Онѣ остаются совокупностью (комплексомъ) отдѣльныхъ земель подъ однимъ скипетромъ, а въ своихъ объединительныхъ стремленіяхъ легко пасуютъ передъ стихійностью центробѣжныхъ силъ, изъ которыхъ главной является возможность для отдѣльныхъ ячеекъ общества, будь то самостоятельная община или помѣстье, обходиться собственными силами. Власть, войско, финансы—все это тяготѣетъ къ землѣ, къ отдѣльнымъ болѣе или менѣе мелкимъ центрамъ, гдѣ сосредоточены средства пропитанія, при слабомъ еще обмѣнѣ.

Центробѣжныя силы этого рода въ Грузіи были особенно сильны, благодаря характеру мѣстности. При другихъ условіяхъ, при большей безопасности извнѣ и усложненію общественной жизни, можетъ быть, монархи грузинскіе и съумѣли бы объединить, какъ слѣдуетъ Грузію, и сыграть для нея роль Капетинговъ и великихъ князей Московскихъ. Но величайшій монархъ Грузіи, настоящій строитель государства Давидъ II [1]) не нашелъ преемника, который пошелъ бы дальше него; знаменитая Тамара была въ сущности лишь добрымъ геніемъ своихъ могущественныхъ вассаловъ. Она завершаетъ созданное предшественниками.

---

[1]) Давидъ II Возобновитель (1089—1125).

И позже царямъ удавалось собрать вновь грузинскія земли во-едино, но устроить государства они не могли, потому что для преодолѣнія препятствій тому нужны были особенно благопріятныя внѣшнія условія и точка опоры въ какихъ-нибудь слояхъ народа; а этого-то и не доставало Грузіи; извнѣ—полная необезпеченность, а внутри—замки и монастыри, подданные, умѣющіе драться и подданные, умѣющіе молиться. Были и города, но съ грузинскими городами не далеко бы ушли объединители. Общественныя противорѣчія не были такъ рѣзки, чтобы дать почву для усиленія монархіи.

Правда, можетъ показаться на первый взглядъ, что постоянная война за народность и вѣру должна была помочь Багратидамъ въ созданіи грузинскаго единства и монархіи. Вообще говоря, война часто являлась тѣмъ горниломъ, въ которомъ государства находили прочный закалъ. Лавровый вѣнокъ побѣдителя часто превращался въ царственный вѣнецъ, а къ золоту короны прекрасно идетъ зелень побѣднаго лавра. Но могли ли грузинскіе монархи побѣдить Чингисхана, Тамерлана и другихъ сильныхъ владыкъ Востока?

Не могли, и вотъ, присматриваясь къ условіямъ борьбы (мы имѣемъ въ виду преимущественно нашествія) грузинъ съ ихъ врагами, мы найдемъ тамъ лишній, притомъ вѣскій шансъ въ пользу

центробѣжныхъ вліяній. Оборона въ замкахъ, недоступныхъ мѣстахъ, монастыряхъ, партизанскія нападенія—все это вело къ тому, что люди еще больше прятались въ свои крѣпкія жилища. Очень часто защищались, какъ кто могъ. Грузины всегда любили родныя поля. Оборона страны и своего собственнаго клочка земли—для нихъ это было одно и то же.

Условія защиты и вообще военная организація Грузіи неблагопріятствовали власти царей.

Словомъ, средства объединенія были особенно бѣдны, а центробѣжныя силы—особенно постоянны и дѣйствительны.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что когда по смерти царя Александра Грузія оказалась раздѣленной, то это вовсе не находится въ какомъ-либо потрясающемъ несоотвѣтствіи съ прошлымъ страны.

Въ XV ст. мы видимъ въ Грузіи совокупность издавна сложившихся областей, съ мѣстными, частью также издавна сложившимися, династіями. Независимость или полунезависимость княжествъ не помѣшаетъ Багратидамъ считать эти княжества своимъ наслѣдіемъ; здѣсь источникъ вѣковыхъ неурядицъ и междоусобій, гдѣ каждый по своему правъ, и гдѣ все—въ порядкѣ вещей, даже самый безпорядокъ.

Но борьба царей съ владѣтелями—это еще борьба съ политическимъ значеніемъ, конечно, междоусобицы не ограничивались этимъ.

Владѣтели, не связанные между собой какими-либо отношеніями, кромѣ частныхъ, разрѣшали оружіемъ вопросы и недоразумѣнія, которые между ними возникали. Начало авторитета почти утрачивается; все основано на началѣ вѣрности подданнаго владѣтелю, владѣтелей между собой.

Такое положеніе вещей возрастало прогрессивно; въ XV вѣкѣ дѣла обстояли лучше, чѣмъ въ XVII.

IV.

Для насъ важно имѣть въ виду общую картину Грузіи во 2-й половинѣ XV вѣка, потому что *эта* Грузія стала лицомъ къ лицу съ двумя фактами, имѣвшими фатальный исходъ для нея.

Во-первыхъ, паденіе Константинополя.

Въ 1453 году загородили навсегда дорогу, ведшую изъ Грузіи въ единовѣрную Византію,— а черезъ нее—ко всей христіанской Европѣ.

Грузія осталась одна въ Азіи, передъ врагомъ, неизмѣримо сильнѣйшимъ, безпощаднымъ, фанатическимъ.

Затѣмъ, въ эту эпоху сложились двѣ могуще-

ственныя величины по сосѣдству съ Грузіей— Персія и Турція, обѣ одинаково враждебныя послѣднему оплоту христіанства въ Азіи и, въ то же время, враждебныя между собой. Это основное условіе, опредѣлившее политическую жизнь Грузіи въ XV—XIX вѣкахъ.

Отнынѣ, раздѣленіе Грузіи на восточную и западную, коренящееся въ чисто туземныхъ условіяхъ, искусственно обостряется и становится въ связь съ соперничествомъ двухъ великихъ восточныхъ монархій. Оставляя въ сторонѣ подробности, скажемъ, что Западная Грузія (Имеретія, Мингрелія, Гурія) входитъ въ сферу вліянія Оттоманской имперіи, Восточная (Карталинія и Кахетія)—въ сферу вліянія Персіи[1]). Что же касается княжества или атабекства Самцхійскаго, то эта чрезвычайно важная, культурная часть Грузіи, авангардъ ея на югъ и западъ, вынесла въ XVI столѣтіи са-

---

[1]) Искендоръ Мунджи, персидскій историкъ, сообщаетъ, что когда въ 1553 году былъ заключенъ миръ между шахомъ (Тахмаспомъ) и султаномъ Сулейманомъ, и установлены границы, шахъ и султанъ раздѣлили между собой покровительство надъ Грузіей: именно, Месхетія, Карталинія и Кахетія отданы были подъ протекторатъ Персіи; Имеретія, Мингрелія и Гурія, до Трапезунда—отошли подъ верховную власть турокъ (Хроника Иск. Мунджи въ приложеніяхъ къ Histoire mod. d. l. G., t. I, l. 1, p. 450). Но, конечно, здѣсь лишь подтверждено нѣчто, сложившееся раньше.

мые тяжкіе удары персіянъ и турокъ, и постепенно была вовсе отторгнута отъ Грузіи и перешла въ исламъ, долго однако не утрачивая національнаго облика. Потомки грузинскихъ атабековъ облекались званіемъ пашей ахалцихскихъ и, пользуясь большой свободой, играли роль въ дѣлахъ грузинскихъ земель до самаго конца дней Грузіи

Этотъ огромный и ничѣмъ не вознаградимый проигрышъ ея мусульманскому востоку тѣсно связанъ съ упроченіемъ вліянія Турціи и Персіи по обѣ стороны Лихскихъ горъ. Надо имѣть въ виду слѣдующее: что въ войнахъ Турціи и Персіи (а каждая изъ нихъ дѣйствовала сообразно «историческимъ» задачамъ и никогда не спускала глазъ съ противника) Грузія не могла оставаться безучастной зрительницей хотя бы потому, что воюющія стороны изъ грузинской территоріи дѣлали часто побочный театръ военныхъ дѣйствій. Брать сторону турокъ, это значило стать врагами персіянъ— и наоборотъ.

Приходилось хитрить, пользоваться обстоятельствами. Но Персія и Турція умѣли извлекать выгоду изъ положенія Грузіи. Подкупъ, поддержка желательныхъ претендентовъ, поощреніе раздоровъ—все пускалось въ ходъ. Конечно, и Персія, и Турція были заинтересованы въ томъ, чтобъ у нихъ былъ обезпеченъ флангъ, и ихъ усилія имѣ-

ли тѣмъ бо́льшій смыслъ, что, въ боевомъ отношеніи, грузины были и въ плохія времена силой, съ которою считались. Ее надо было сломить, или купить. Къ тому же, бранная жизнь легко прививала грузинскимъ владѣтелямъ инстинкты кондотьеровъ, съ которыми не трудно было вступать въ сдѣлки.

V.

Замѣтимъ также, что съ окончательнымъ раздробленіемъ Грузіи, оставалась еще возможность отдѣльнымъ ея частямъ разрѣшить удачно вопросъ государственной консолидаціи, правда, въ меньшемъ масштабѣ, но все же съ вліяніемъ на судьбы всѣхъ грузинскихъ земель. Нельзя отрицать того, что цари грузинскіе дѣлали иногда рѣшительный шагъ къ упроченію власти. Такъ, напримѣръ, царь Кахетинскій Георгій I (въ концѣ XV в.) уничтожилъ наслѣдственныхъ правителей областей (эриставовъ) и поставилъ на ихъ мѣсто своихъ чиновниковъ-моуравовъ. Точно также, онъ пріурочилъ военные округа (хоругви) къ епархіямъ, чтобы начальствованіе надъ каждой изъ 4-хъ хоругвей не стало наслѣдственнымъ. Такая осмысленная дѣятельность могла, конечно, дать самые лучшіе результаты. Но, повторяемъ, обстоятельства слишкомъ благопріятствовали цен-

тробѣжнымъ стремленіямъ — въ отдѣльныхъ царствахъ также, какъ и въ цѣлой Грузіи.

Сильный феодалъ, въ борьбѣ съ своимъ царемъ, всегда могъ найти поддержку извнѣ. Его всегда приласкаютъ въ Испаганѣ; его поддержитъ кто-либо изъ сосѣднихъ хановъ или паша; къ услугамъ его — полудикіе кланы Дагестана, которыхъ призваніе заключалось въ набѣгахъ; оставивъ другимъ мирные формы производствъ — земледѣліе, ремесла — они занимались, въ качествѣ постоянныхъ промысловъ, набѣгами, добычей рабовъ, службой за деньги. Приглашеніе грабить и жечь они принимали съ восторгомъ—и были, по своему, правы, такъ какъ жить они могли только промышляя хищничествомъ[1]). Мало-по-малу (въ XVII—XVIII в.) появленіе лезгинскихъ партій сдѣлалось дѣломъ обыкновеннымъ; это былъ истинный бичъ для Карталиніи и Кахетіи, которыя въ своихъ дѣйствіяхъ на югѣ, никогда не имѣли обезпеченнымъ тыла[2]).

Нѣтъ необходимости настаивать на томъ, что внѣшнія условія крайне обостряли и безъ того

[1] Понятное дѣло, это относится не ко всему Дагестану, представляющему, какъ извѣстно, много пестроты.

[2]) Какъ опасно было приглашеніе на службу лезгинъ и, вообще, какія послѣдствія влекла за собой вѣчная война между феодалами, объ этомъ писали и иностранцы. Ср., напр., Mémoires historiques et geographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne (1797), p. 52.

сильно выраженную феодальную разрозненность. Это слишкомъ очевидно.

Лучшіе грузинскіе цари, цари-крестоносцы, были всегда поглощены элементарной борьбой за существованіе. Объ организаціонной работѣ не могло быть и рѣчи. А цари-мусульмане, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр., Ростомъ, правили достаточно долго и достаточно спокойно, не вносили какихъ-либо благопріятныхъ измѣненій, вреда же принесли очень много—въ смыслѣ ущерба христіанству и народности.

Какъ бы то ни было, и въ XVIII столѣтіи лучшимъ монархамъ этой эпохи Ираклію II и Соломону I Имеретинскому приходится вести напряженную борьбу съ вассалами. И если заговорщики, дѣйствовавшіе противъ Ираклія, могутъ сойти за крамольниковъ, то этого нельзя сказать, напр., о Ростомѣ, эриставѣ Рачинскомъ, могущественномъ феодалѣ, доведшемъ въ своемъ упорствѣ Соломона до изнеможенія.

При такихъ условіяхъ, могла ли какая-нибудь часть Грузіи стать оплотомъ политическаго обновленія страны? Конечно, не могла, и это тѣмъ болѣе, что ни одна изъ этихъ частей не была достаточно сильна, чтобы повелѣвать другимъ. Карталинія, Кахетія уравновѣшивались Имеретіей, Мингреліей, Гуріей. Въ восточной половинѣ Гру-

зіи силы Кахетіи и Карталиніи были приблизительно равны [1]), въ западной—Имеретія не сильнѣе и не слабѣе Мингреліи, вдобавокъ, подъ бокомъ у нихъ, Абхазія и Гурія, которыя едвали кого завоюютъ, но и себя завоевать не дадутъ. Прибавьте къ этому еще разграниченіе сферъ вліянія между Турціей и Персіей въ Грузіи—совпадающее съ дѣленіемъ ея на Западную и Восточную—примите во вниманіе, что всякій «поискъ» Карталиніи и Кахетіи на западъ отъ Лихскихъ горъ (и наоборотъ) могъ вести къ осложненіямъ между Персіей и Турціей [2]),— и станетъ ясно, почему идея національнаго единства до второй половины XVIII вѣка не могла стать мотивомъ практической политики.

---

[1]) Раздѣленіе Восточной Грузіи на два царства и всяческое поощреніе розни между ними было, со временъ шаха Аббаса I, однимъ изъ догматовъ персидской политики. Сближеніе, напр., Луарсаба Карталинскаго и Теймураза Кахетинскаго въ началѣ XVII ст. показалось Аббасу посягательствомъ на интересы Персіи.

[2]) Когда Вахтангъ V, царь Карталинскій (въ XVII в.), имѣя партизановъ въ Имеретіи и Гуріи, перешелъ черезъ Лихскія горы, взялъ Кутаисъ, вступилъ въ Мингрелію и посадилъ на имеретинскій престолъ сына своего Арчила, и дадіаномъ (т. е. владѣтелемъ Мингреліи) сдѣлалъ угоднаго себѣ Левана — ахалцихскій паша основательно увидѣлъ въ этомъ вторженіе въ сферу турецкаго вліянія со стороны вассала Персіи, и сдѣлалъ представленіе султану. Въ концѣ концовъ, по желанію шаха, Вахтангъ отозвалъ своего сына изъ Имеретіи (которая, однако, еще три раза видѣла Арчила своимъ царемъ!).

Но надо отдать справедливость анархическому состоянію грузинскаго общества въ теченіе ряда вѣковъ: благодаря ему, благодаря этимъ полунезависимымъ ячейкамъ, этимъ замкамъ въ ущельяхъ, этимъ убѣжищамъ въ недоступныхъ мѣстахъ — народность и религія не могли быть уничтожены самыми послѣдовательными, упорными изъ угнетателей Грузіи.

Недостаточно выиграть большія сраженія; недостаточно взять главные города и крѣпости, занять ихъ своими гарнизонами; недостаточно поставить на престолѣ вѣрнаго человѣка — еще вопросъ будутъ ли его признавать. Когда шахъ Тахмаспъ отдалъ Карталинію вѣроотступнику Давиду (Даудхану), то послѣднему пришлось терпѣть неоднократныя пораженія отъ законнаго царя, рыцарственнаго Симона; наконецъ, послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ персіянами, Даудханъ утвердился въ Тифлисѣ, но многіе князья его вовсе не признавали.

Не разъ духовные и свѣтскіе вельможи, сильные своимъ значеніемъ на мѣстахъ, сберегали часть того, что проигрывалось царями.

Такъ, общественный строй, ставившій помѣхи лучшимъ начинаніямъ царей-патріотовъ, одновременно препятствовалъ разрушительной дѣятельности завоевателей и царей-тирановъ.

При почти безпримѣрныхъ условіяхъ, въ которыхъ пришлось жить христіанской Грузіи, самыя несовершенства общественнаго строя, тормазившія исполненіе любой болѣе широкой политической мысли — послужили странѣ въ пользу.

Но въ XVIII ст. объ эти несовершенства разбивались замыслы Вахтанга VI и Ираклія II — замыслы, оказавшіеся мечтами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношенія Восточной Грузіи и Персіи при Сефевидахъ.

I.

1.

Въ эпоху присоединенія Грузіи къ Россіи, Персія считала себя истинной владычицей Грузіи, точнѣе, Карталиніи и Кахетіи. Правда, въ ст. III Гюлистанскаго трактата (1813 г.) [1]) она торжественно отрекается и отъ Мингреліи, Имеретіи — но это ничего не значущая фраза, такъ какъ еще по Кучукъ-

[1]) П. С. З. № 25,466. «Его Шахское Величество... симъ торжественно признаетъ какъ за Себя, такъ и за Высокихъ преемниковъ Персидскаго Престола, принадлежащими въ собственность Россійской Имперіи ханствы..... Притомъ Грузію съ Шурагельскою провинціей, Имеретію, Гурію, Мингрелію и Абхазію и т. д.

Кайнарджійскому трактату страны эти считаются въ зависимости Порты [1]).

На чемъ же основаны были притязанія Персіи? Обладала ли она Грузіей; когда установилась эта зависимость и въ чемъ проявлялась? Прежде чѣмъ войти въ оцѣнку исканій шаховъ каджарской династіи (что сдѣлано будетъ въ своемъ мѣстѣ), необходимо, въ общихъ чертахъ, обозрѣть отношенія Грузіи къ Персіи въ предшествующія времена. Отношенія эти такъ многосложны, имѣютъ такую длинную исторію, что даже не очень подробное ихъ разсмотрѣніе разрослось бы въ цѣлое изслѣдованіе. Обходя молчаніемъ все время до конца XV вѣка, обратимся къ этой эпохѣ—эпохѣ непосредственно предшествующей началу династіи Сефевидовъ. Именно при государяхъ этой знаменитой династіи Грузія вступаетъ въ болѣе тѣсную связь съ Персіей.

Несчастія Грузіи, т. е. «персидскій» циклъ несчастій начинается съ Узунъ-Гасана, противника побѣдоноснаго султана Магомета II. До Узунъ-Гасана, по словамъ Вахуштія, внѣшнія дѣла Грузіи обстояли благополучно. Шахи еще не властвовали надъ всей Персіей, турки были заняты войной съ европейцами.

---

[1]) Ст. 23 Кучукъ-Кайнардж. трактата (1774 г.):... «какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты etc». П. С. З. № 14,164.

Вторженіе Узунъ-Гасана въ Грузію произошло въ 1478 г. Удачно боролся съ нимъ Константинъ III. Дѣло кончилось почетнымъ миромъ и оставленіемъ гарнизона въ цитадели Тифлиса. Съ легкой руки Узунъ-Гасана преемники его посылаютъ неоднократно войско для вторженія въ Грузію (все въ концѣ XV вѣка). Пока, грузинамъ удавалось отражать своихъ враговъ и разрушать крѣпости, которыя они строили. Но, затѣмъ, начинаютъ падать на нихъ удары Сефевидовъ.

Въ началѣ XVI вѣка шахъ Измаилъ уже господинъ земель отъ Персидскаго залива до Каспійскаго моря. Войны съ Турціей дѣлаютъ для Сефевидовъ обладаніе Грузіей или ея вѣрность — прямой небходимостью. Тучи стали все болѣе сгущаться надъ этою страною.

Исторія отношеній шаха Измаила къ Грузіи (первая четверть XVI ст.) уже заключаетъ въ себѣ главные моменты грузино-персидской расприи связи. Съ одной стороны, требованіе покорности [1]), обѣ-

[1]) Впрочемъ, въ письмѣ, написанномъ во 2-й половинѣ XV в., какъ предполагаютъ, Константиномъ III Изабеллѣ Кастильской, мы уже встрѣчаемъ формулировку, съ которой грузинамъ суждено было обращаться къ разнымъ правительствамъ въ теченіе трехъ столѣтій — всегда безуспѣшно. «Тебѣ извѣстно, пишетъ царь, что нечестивые персіяне мучатъ насъ жестоко. Они сдѣлали намъ много зла и требуютъ отъ насъ трехъ вещей: платите — намъ, говорятъ они, огромную дань, сражайтесь всегда

щаніе милостей, занятіе крѣпостей гарнизонами и сооруженіе укрѣпленій въ стратегическихъ пунктахъ; съ другой — лавированіе между турками и персіянами, готовность ежеминутно вернуть утраченное.

Преемникъ Измаила шахъ Тахмаспъ (1524—86) совершилъ, въ теченіе долгаго своего правленія, цѣлый рядъ походовъ въ Грузію.

Отнынѣ, политическая связь Грузіи и Персіи постепенно крѣпнетъ. Скоро наступитъ время царей-мусульманъ.

Такъ постепенно подготовляется эпоха, гдѣ нѣтъ иного выбора, какъ между неподчиненіемъ и борьбой съ одной стороны, подчиненіемъ, переходящимъ въ угодничество, и сравнительнымъ покоемъ — съ другой. Но первая позиція безнадежна, вторая — шатка, потому что Персія капризна, а Грузія бурлива. Оба типа отношеній процвѣтали въ Грузіи, въ различныхъ степеняхъ и съ различными варіяціями. Устойчивости же не могло быть, потому что все отъ начала до конца было дисгармонично.

При всей пестротѣ эпохи, ясно, что Персія домогается всячески овладѣть страной, народъ же, обреченный на закланіе, такъ или иначе обороняется.

въ нашихъ рядахъ, наконецъ, примите нашу вѣру. Они многочисленны, а мы, послѣ паденія Константинополя и Трапезунда, остались здѣсь одни»... Это посланіе едва ли нуждается въ комментаріяхъ.

2.

Чѣмъ же рѣшилось это дѣло для Грузіи и Персіи? Послѣдней такъ и не удалось обезпечить себя со стороны Прикавказья. Грузія погибла, но погибла въ интересахъ христіанской цивилизаціи, а не для успѣховъ мусульманскаго Востока.

Для Персіи же конецъ Грузіи былъ началомъ политическаго униженія и полнаго измельчанія.

А что гнетъ со стороны Ирана могъ сокрушить жизнеспособность страны, это не диво. Одного XVI вѣка было бы достаточно, чтобы разбить историческое призваніе народа — а вѣдь Грузія вступила въ это столѣтіе, переживъ далеко не одно разореніе и нашествіе — арабовъ, сельджуковъ, Чингисъ-хана, Тамерлана и многихъ другихъ — а впереди ее ожидала еще эпоха шаха Аббаса I, затѣмъ турецкое завоеваніе 2-й четверти XVIII вѣка, Надиръ-шахъ и, наконецъ, несчастія самаго конца XVIII вѣка. Прибавьте къ этому такіе хроническіе недуги, какъ постоянное воровство лезгинъ, работорговлю, междоусобія.

Какое огромное количество крови пролито въ этой борьбѣ за существованіе! Рядомъ съ ручьями крови крестоносцевъ течетъ кровь крамольниковъ, измѣнниковъ родины, и кровь, пролитая въ междо-

усобіяхъ. Но какъ мало удалось сберечь цѣною этихъ жертвъ!

Желѣзомъ и кровью не удалось тогда разрѣшить вопросовъ Прикавказья, хотя не скупились ни на то, ни на другое.

Иранъ могъ бы обезопасить себя со стороны Грузіи — только уничтоживши поголовно ея населеніе. Но это не легко было даже Ирану. Персія примѣняла къ Греціи всѣ методы воздѣйствія, начиная съ дипломатическихъ ласокъ и кончая безпримѣрными кровопусканіями и насильственными выселеніями. Но, помимо того, что и Персіи это обходилось весьма не дешево, цѣль никогда не была достигнута, Грузія никогда не была поглощена Персіей, потому что оставшіеся въ живыхъ при первой возможности отлагались, мстили, сбрасывали иго.

Здѣсь не мѣсто излагать ходъ этой борьбы, ея результаты для Персіи и Грузіи. Это значило бы излагать исторію Восточной Грузіи, за два съ половиной вѣка (т. е. до половины XVIII вѣка).

Исторія эта богата истинно трагическими моментами, но нить борьбы религіозной и національной не есть единственная, или даже главнѣйшая нить этой исторіи.

Крестоносная Грузія [1]), Грузія храбрыхъ царей,

---

[1]) Увлеченіе ея тѣнью проглядываетъ не только у грузинъ, но и въ писаніяхъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ авто-

доблестныхъ іерарховъ, монаховъ ученыхъ и благочестивыхъ, рыцарей, не имѣвшихъ себѣ равныхъ на полѣ брани, Грузія земледѣльцевъ, защищавшихъ родныя долины до послѣдняго издыханія — это не вся Грузія, это лишь одна (хотя и лучшая) изъ стихій ея исторической жизни.

Есть и другая Грузія не менѣе, если не болѣе дѣйствительная, чѣмъ та, первая: Грузія царей — вѣроотступниковъ, льстецовъ шаха, пастырей-волковъ, князей-работорговцевъ, военной челяди съ инстинктами грабителей. Эти двѣ Грузіи живутъ бокъ-о-бокъ, никогда одна не растворяется въ другой, но часто одна изъ нихъ выступаетъ на первый планъ, а другая остается въ тѣни.

II.

Трудно выразить съ отчетливостью, въ чемъ заключалась политическая связь Персіи и Грузіи, потому что эти отношенія представляются чѣмъ-то весьма зыбкимъ; зыбка была Персія, зыбка и Гру-

ровъ. Преувеличивать христолюбіе грузинъ также односторонне, какъ преувеличивать ихъ пороки; между тѣмъ, до сихъ поръ можно встрѣтить какъ чрезмѣрное восхваленіе грузинскихъ «доблестей», такъ и наивное цитированіе Шардена, и другихъ, менѣе извѣстныхъ путешественниковъ въ доказательство безнравственности и испорченности грузинъ въ старину.

зія. Упроченію связи (т.-е. окончательному поглощенію) мѣшала религія и политическая живучесть націи. Въ зависимости отъ степени могущества Персіи въ данный моментъ и отъ силы сопротивленія, какое могли оказать грузинскіе владѣтели—находилась и форма, въ которую отольется отношеніе Грузіи (Карталиніи и Кахетіи) къ Ирану. Поэтому, заранѣе можно предвидѣть пестроту въ этихъ отношеніяхъ. Очень важно еще и слѣдующее обстоятельство: Карталинія и Кахетія вовсе не одинаково вели себя по отношенію къ Персіи. Сплошь и рядомъ одно царство борется, а другое признаетъ свою вассальную зависимость. Вѣдь соперничество Багратидовъ кахетинскихъ и карталинскихъ, вопросы престолонаслѣдія въ каждомъ изъ царствъ, тяготѣніе къ Россіи—все это принималось въ разсчетъ умнѣйшими изъ властелиновъ Ирана. Само собой разумѣется, что эгоистическіе разсчеты владѣтелей играли также важную роль. Да и странно было бы ожидать или требовать отъ царей и народовъ постоянной борьбы, безъ надежды на побѣду.

Приведемъ нѣкоторые примѣры. Пока Карталинія во главѣ съ царемъ Константиномъ III ведетъ удачно борьбу съ войсками Узунъ-Гасана, Георгій I, царь Кахетіи, при первомъ вступленіи войскъ шаха въ предѣлы царства, посылаетъ ему богатые дары

въ знакъ покорности и отвращаетъ такимъ образомъ направленное уже противъ него оружіе. Онъ отказалъ поэтому въ помощи Константину. Понятное дѣло, такая политика должна была укрѣпить его власть въ Кахетіи.

Вообще, благодаря оппортюнизму и признанію верховенства шаха, Кахетія нѣкоторое время не знала персидскихъ вторженій.

Александръ I Кахетинскій, при усиленіи шаха Измаила отправилъ къ нему въ Ширванъ сына своего съ знаками покорности, тогда какъ Карталинія боролась съ этимъ шахомъ.

Леванъ II (царь Кахетинскій) поддерживалъ карталинскаго Давида въ борьбѣ съ персіянами, но когда шахъ Тахмаспъ разрушилъ Тифлисъ, Леванъ явился къ нему въ Карабагѣ; его отпустили съ почетомъ. Это не помѣшало Левану, въ союзѣ съ упорнымъ врагомъ персіянъ Луарсабомъ I Карталинскимъ, позже воевать въ Адербейджанѣ. Однако, Леванъ перешелъ потомъ опять на сторону Тахмаспа.

Вотъ почему, когда Тахмаспъ совершилъ новую экспедицію въ Самцхе и завоевалъ Карталинію, покой Кахетіи не былъ нарушенъ. Во время борьбы Симона съ персіянами, Леванъ ухитрился одновременно подарками задабривать шаха, свидѣтельствуя о своей вѣрности—и посылать помощь Симону.

Вообще, Кахетія умѣла ладить съ Персіей все XVI столѣтіе [1]). Въ это самое время Карталинія и ея цари: Константинъ, Давидъ, Луарсабъ—являются настоящимъ оплотомъ вѣры и независимости.

Какая изъ этихъ двухъ политикъ была разумнѣе, сказать трудно. Цари-оппортюнисты не разъ избавляли страну отъ нашествій, но ничего не сдѣлали для національнаго самолюбія и для Христа; цари-крестоносцы не разъ накликали бѣду на свое несчастное отечество, но ихъ любили и память ихъ почитали.

Позже роли мѣняются. Силы Карталиніи были сломлены, и она все болѣе поддавалась персидскимъ вліяніямъ. Уже одновременно съ Симономъ сидитъ въ Тифлисѣ ставленникъ персіянъ, Даудханъ. Сынъ же его Ростомъ, въ которомъ мусульманинъ и персидскій вельможа уживался съ грузиномъ, открылъ самую широкую дорогу и безъ того всегда сильному въ странѣ персидскому вліянію. А его соперникъ Теймуразъ I, сынъ заму-

1) По словамъ Вахуштія, Кахетія была въ это время такъ густо населена, что тамъ трудно было найти дикихъ животныхъ. Александръ, царь Кахетинскій (въ концѣ XVI в.), страстный охотникъ, выражалъ шутливое желаніе, чтобы Кахетія подверглась разоренію при его жизни, такъ какъ у него будетъ тогда въ изобиліи дичь. Желаніе это исполнилось при Теймуразѣ (когда Кахетія опустѣла); но, прибавляетъ исторія, этому некогда было охотиться.

ченной Аббасомъ Кетеваны и царь Кахетіи, до того цвѣтущей, но тѣмъ же Аббасомъ превращенной въ груду развалинъ—вѣрный традиціямъ православнаго царства, борется всю жизнь съ превозмогающими обстоятельствами и обнаруживаетъ по истинѣ великую силу духа.

III.

Органическое единеніе Грузіи съ Персіей не могло имѣть мѣста хотя бы потому, что сама Персія не была органически цѣлостнымъ государствомъ въ европейскомъ смыслѣ, а скорѣе сложнымъ политическимъ тѣломъ—образованнымъ изъ единицъ не административнаго, а государственнаго характера (т. е. Staatenstaat нѣмецкихъ публицистовъ), какъ бы этотъ государственный характеръ составныхъ единицъ ни былъ слабо выраженъ. Конечно, огромное значеніе, при такомъ строѣ, играетъ фактическое соотношеніе силъ шаха и вассаловъ.

Если имя шаха—Аббасъ I, то узы единства чувствительно сжимаются, если это—шахъ Гуссейнъ—картина мѣняется. Вообще, можно сказать, что громкій титулъ «царь царей» можетъ быть одинаково комплиментомъ какъ шаху, такъ и вассаламъ: смотря по обстоятельствамъ, титулъ этотъ означаетъ или: изъ всѣхъ царей царь, или

же: надъ *царями* царь. Такими царями подъ шахомъ—были одно время грузинскіе цари.

Правда, неоднократно Грузію просто на просто завоевывали. Но, во-первыхъ, оккупація никогда не бывала полной (почему—сказано выше). Вовторыхъ, чтобы удерживать страну въ повиновеніи, брали заложниковъ—преимущественно изъ царевичей и знати, занимали цитадели гарнизонами, а главное — ввѣряли страну человѣку, на котораго полагались. Если бы персіяне обладали сами развитымъ административнымъ механизмомъ, то, конечно, они могли бы прочнѣе держаться въ Грузіи. На дѣлѣ же, имъ приходилось установлять modus vivendi съ побѣжденными. Договорнымъ соглашеніемъ кончилось и страшное разореніе Кахетіи Аббасомъ I [1]).

[1]) «Власть Персіи никогда не была такъ прочна надъ этой страной, чтобы персидское правительство могло дѣйствовать независимо отъ желаній Грузіи». Watson. A history of Persia etc., p. 87.

Разбираемой эпохѣ посвящена старая хорошая монографія Пл. Іосселіани «Грузія подъ властью царей мусульманъ». Множество данныхъ относительно положенія Грузіи за эти вѣка сообщается въ писаніяхъ европейскихъ путешественниковъ, но, важнѣе всего, конечно, груз. хроники, грамоты и такіе юридическіе памятники какъ Уложеніе Вахтанга и, особенно, т. наз. Дастулама (сводъ правилъ и инструкцій смѣшаннаго характера). Многое указано также у Brosset, Introduction et table des matières.

Персіяне поступали совершенно въ духѣ праворазвитія той эпохи и сообразно доступнымъ для нихъ средствамъ, когда ограничивались привлеченіемъ на свою сторону—или, въ случаѣ нужды—захватомъ царя и сильнѣйшихъ феодаловъ. Оставляя царю или же (если онъ находился въ Испаганѣ) его замѣстителямъ текущія функціи суда и отраслей управленія, шахъ снабжалъ своего избранника (принадлежавшаго, стало быть, къ мѣстной династіи) инвеститурными знаками, осыпалъ его подарками, возлагалъ на него порученія. Такимъ образомъ, вопросъ разрѣшался очень просто: народъ продолжалъ имѣть правителей изъ національной исторической династіи, но существеннымъ условіемъ занятія престола была шахская инвеститура. Въ рамкахъ вассальной зависимости отъ Персіи продолжали жить традиціи монархіи Багратидовъ, и Персія мирилась съ этимъ, коль скоро ей ничего не угрожало.

А разъ зависимость Грузіи сказывалась въ вассальности ея царей, то, припоминая вліяніе вообще иранской культуры на грузинъ и близость царей-вассаловъ къ испаганскому двору,—мы не станемъ удивляться той двойственности въ роли грузинскихъ царей, которая такъ бросается въ глаза въ теченіе XVII и начала XVIII вѣковъ. Они одновременно грузинскіе Багратиды и первостепенные

персидскіе вельможи, одновременно православные и мусульмане. Даже тѣ, которые, какъ Ростомъ, и родились въ мусульманствѣ, не обходятъ своими щедротами и церквей, какъ настоящіе Багратиды Божіей милостью. А въ качествѣ персидскихъ вельможъ, они играютъ порой видную роль въ Персіи, часто занимая первыя должности государства. Но сила ихъ въ Персіи, конечно, основывалась на томъ, что въ качествѣ царей грузинскихъ, они располагали извѣстными рессурсами. И вотъ, подвизаясь на почвѣ иранской политики, цари и первѣйшіе князья (тоже сильные люди въ Персіи) постепенно втягивали массу грузинъ въ персидскія дѣла [1]). Въ такихъ случаяхъ, цари не разъ осыпались золотомъ и безчисленными подарками со стороны шаховъ, а доблестное воинство снискивало не малое количество добычи на поляхъ сраженій, въ которыхъ слѣдовало за своими природными царями и князьями.

И, конечно, это было занятіе весьма подходящее и для царей, и для ихъ воиновъ: война стала

---

[1]) Шахъ Аббасъ, въ видахъ сближенія грузинъ съ Персіей, а въ частности, чтобы гарантировать себя отъ ихъ интригъ съ Турціей, ввелъ въ обыкновеніе давать имѣнія въ Иранѣ царямъ и князьямъ. Съ этого времени грузины играютъ весьма видную роль на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности въ Персіи.

*

для грузинъ родной стихіей и, разъ нельзя было ихъ оружію найти примѣненіе для блага родины, они охотно служили этимъ оружіемъ и за ея предѣлами, тѣмъ болѣе, что съ ними всегда были ихъ начальники, и, на этомъ поприщѣ, они находили и славу, и деньги, и сильныя ощущенія. Многіе умирали на чужбинѣ, отпадали отъ христіанства, ложились костьми, распинаясь за чуждое дѣло— но это ужъ неудобства ремесла.

Такъ называемая эпоха «царей мусульманъ» [1]), отъ 1632 г. до паденія Вахтанга (1723), къ которой относится все только что сказанное, представляетъ, такимъ образомъ, нѣкоторое постоянство и опредѣленность въ отношеніяхъ Персіи и Грузіи. Объясняется это не чѣмъ инымъ, какъ большимъ сближеніемъ съ Ираномъ царей и дворянства.

Но, опять-таки, здѣсь много оттѣнковъ и различій. Болѣе прочный modus vivendi установляется

---

[1]) Цари принимали исламъ иногда по принужденію, чаще добровольно, какъ необходимое условіе инвеституры. По большей части мусульманство ихъ было чистой формой. Нѣкоторые (напр., Іессей, братъ Вахтанга) становились шіитами, а затѣмъ, въ угоду туркамъ, превращались въ суннитовъ. Иногда происходилъ массовый переходъ въ исламъ, но, возвращаясь на родину, грузины, обыкновенно, снова дѣлались христіанами. Сохранилось любопытное извѣстіе, что, переходя въ мусульманство, грузины выговаривали себѣ право пить вино.

въ Карталиніи, которая живетъ совершенно въ ладахъ съ Персіей при царѣ Ростомѣ. Этотъ, во всякомъ случаѣ выдающійся царь прикладывалъ къ своимъ грамотамъ печать съ надписью: «Ростомъ, прахъ ногъ шаха», и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иранскимъ правительствомъ, на дѣлѣ же распоряжался какъ безусловный хозяинъ въ Грузіи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ лицъ въ Персіи, совѣтчикъ шаха Сефи, которому помогъ занять престолъ; не удивительно, что персидскіе гарнизоны въ Гори и Тифлисѣ служили не столько Персіи противъ Грузіи, сколько Ростому противъ его грузинскихъ непріятелей.

Въ Кахетіи же одновременно, Теймуразъ дѣйствуетъ, какъ патріотъ и христіанинъ. А позже, ханы, правившіе въ Кахетіи, играли роль настоящихъ церберовъ.

Часто рядомъ съ царями-грузинами мы видимъ персидскихъ чиновниковъ, какъ бы для контроля; о гарнизонахъ въ крѣпостяхъ и занятіи обсерваціонныхъ пунктовъ мы уже говорили. Дань (невольниками, шелкомъ, денежными взносами) несомнѣнно существовала, также новогодній подарокъ шаху. Но характеръ и тяжесть дани, конечно, зависѣли отъ положенія вещей въ данный моментъ — она могла сбиваться на контрибуцію, могла и возвращаться назадъ, въ видѣ дара сюзерена вассалу.

Что же касается количества платежей, регулярности ихъ, а также того, насколько налоги, взимавшіеся подъ предлогомъ уплаты дани, служили дѣйствительно этому назначенію, а не иному — объ этомъ пока трудно высказаться окончательно.

Относительно же заложниковъ добавимъ, что ими часто являлись и наслѣдники царя; они облекались высокими званіями и должностями, напримѣръ, правителей испаганскихъ, кулларагасовъ, т. е. начальниковъ гвардіи, мдиванбеговъ Ирана т. е. верховныхъ судій и проч.

Въ эпоху царей-мусульманъ много заимствовано изъ административныхъ порядковъ [1]) Персіи, не говоря уже о нравахъ и обычаяхъ, которые изрядно стали походить на персидскіе.

Вообще, по скольку мы имѣемъ дѣло съ указаннымъ выше modus vivendi и участіемъ грузинъ въ

---

[1]) Нельзя отрицать того, что власть царей нѣсколько усиливается въ Восточной Грузіи, въ виду этихъ вліяній. Но называть ее, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы, «деспотической»—ни съ чѣмъ не сообразно; достаточно привести слѣдующія меланхолическія размышленія Вахтанга, относящіяся къ эпохѣ сильнѣйшихъ мусульманскихъ вліяній: «Цари грузинскіе иногда... одно только названіе сохраняли; *подданные ничего уже болѣе имъ не оставляли и какъ сами хотѣли, такъ и ихъ побуждали царствовать и судить.* Я самъ свидѣтель сему и многіе старше меня...» Законы царя Вахтанга § 2. Вахтангъ ничего не говоритъ о Персіи; собственные подданные— вотъ кто умаляетъ царскую власть.

жизни Ирана — не можетъ быть и рѣчи о грузинахъ, какъ «народѣ-крестоносцѣ»; нельзя особенно подчеркивать и угнетеній со стороны персіянъ. Рисовать грузино-персидскія отношенія за эти вѣка подъ однимъ угломъ зрѣнія: православія и мусульманскихъ утѣсненій — односторонне, неправдоподобно и набило оскомину. Грузинское воинство — что вполнѣ нормально — порой забывало свое христолюбіе. и паѳосъ боевой едвали не говорилъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ паѳосъ религіозный.

Можно ли говорить объ угнетеніи, когда, напр., на Георгія XI (погибъ въ 1709 г.) съ его грузинскимъ отрядомъ возложено было устроеніе дѣлъ Афганистана и смежныхъ провинцій [1]) Правда, Георгій передъ тѣмъ принужденъ былъ просить прощенія за вины, но скоро этотъ угнетенный сталъ первымъ человѣкомъ Персіи, и пришлось думать о томъ, какъ бы ослабить его силу. Титулъ его звучалъ такъ: царь карталинцевъ, спасаларъ войскъ всего Ирана, беглярбегъ Кадагарскій и Кирманскій и проч. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды излагать полностью исторію этого знаменитаго въ лѣтописяхъ Персіи и Грузіи царя, нашедшаго трагическую смерть въ Афганистанѣ. Замѣтимъ, кстати, что когда экспе-

---

[1]) Для чего ему было поручено управленіе этими провинціями и высшее начальство надъ персидской арміей.

диція въ Афганистанъ племянника Георгія (и его наслѣдника въ Карталиніи) Кайхосро окончилась также катастрофой, то, недовольные своими товарищами по оружію, персіянами, грузины предложили устроить дѣло (усмирить афганцевъ) безъ участія персіянъ: но предложеніе это, по словамъ Крузинскаго, было отклонено, изъ боязни чрезмѣрныхъ успѣховъ грузинъ. Во всякомъ случаѣ, это показываетъ, какъ они втянулись въ чужое для нихъ дѣло.

IV.

Эпопея Георгія XI (или, какъ его называли по персидски, Шахъ-Наваза II) ясно показываетъ разительную, на первый взглядъ, двойственность въ положеніи и поведеніи грузинъ эпохи царей-мусулманъ. Притомъ, это интересный, поучительный эпизодъ грузино-персидскихъ отношеній. Георгій добивался одно время полной независимости отъ Персіи; въ чемъ не успѣлъ, благодаря своимъ же магнатамъ [1]) и тонкой дипломатіи персіянъ.

[1]) Крузинскій сообщаетъ о немъ «...a suis Magnatibus (Eristau vocant) Persico Auro corruptis defertus, fuga sibi consulere coactus est.» Krusinski, Tragica vertentis belli Persici historia. § 254. Вообще о Георгіи много говорится въ трудахъ, посвященныхъ персидской исторіи XVIII вѣка, потому что афганское возстаніе, которое ему поручили (а послѣ помѣшали) усмирить, открыло двери дальнѣйшимъ персидскимъ «революціямъ».

Затѣмъ, при посредствѣ брата своего Левана, верховнаго судьи въ Иранѣ, онъ испросилъ прощеніе у шаха, и его услугами воспользовались на юго-восточной окраинѣ Персіи, гдѣ притязанія Великаго Могола и броженіе страны требовали диктатуры. Персидское правительство пришло къ остроумной мысли возложить эту миссію на Георгія, человѣка съ прославленной энергіей и мужествомъ. Одновременно этимъ путемъ достигалось умиротвореніе Грузіи и отвлеченіе на другой край Персіи лучшихъ изъ ея бойцовъ.

Всякая попытка царей усилиться у себя на родинѣ нашла бы неодолимую преграду въ крупныхъ феодалахъ, которымъ болѣе улыбалась номинальная зависимость отъ далекаго Испагана, чѣмъ прямая подчиненность царю-сосѣду. И эти феодалы вовсе не обязательно измѣнники родины и вѣры: напротивъ, не разъ именно они защищали религію и «народность». Но отступить сознательно отъ выгодныхъ имъ интригъ и содѣйствовать, либо не препятствовать усиленію власти царей, какъ бы это ни было полезно для національныхъ идеаловъ — этого они никогда бы не сдѣлали. Ихъ образъ дѣйствій послѣдовательно вытекалъ изъ общественнаго строя эпохи.

Что же касается до видимой двойственности, то всмотримся ближе въ этихъ людей, патріотизмъ которыхъ не государственнаго, а феодальнаго харак-

тера. Они привыкли сражаться у себя дома не только съ невѣрными, но и съ христіанами-грузинами, будь то подданные другого царя, другого владѣтеля — или только другого князя-сосѣда.

Такіе профессіональные рубаки уже перестаютъ различать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло — а если въ Персіи они слѣдуютъ за своими царями и князьями и имѣютъ столь нужную имъ добычу, то развѣ они не въ своей тарелкѣ? *Этотъ* рядъ явленій составляетъ одну изъ главныхъ струй грузинской исторіи и занимаетъ видное мѣсто въ отношеніяхъ грузинъ къ Византіи, къ монголамъ, къ туркамъ, къ персіянамъ [1]).

V.

Мы нарочно не останавливались на грузино-персидскихъ отношеніяхъ при шахѣ Аббасѣ I, не-

[1]) Не безъинтересно, что авторъ анонимной исторіи Надиръ-шаха приписываетъ грузинамъ ту роль, которую швейцарцы играли въ Европѣ, какъ военная наемная сила (... le roi des Perses a beaucoup de confiance en leur bravoure et en leur fidelité..... Il leur arrive fort souvent en Asie, ce qui arrive aux Suisses en Europe c'est-à dire de se battre ensemble en servant deux puissances ennemies).

Histoire de Thamas Kouli-kan, I partie. Amsterd. & Leipzig, 1740, p. 35.

Общеизвѣстно, что лучшія войска Востока — персидскіе гуламы, турецкіе янычары и египетскіе мамелюки—насчитывали много грузинъ въ своихъ рядахъ. Кажется, грузины попадались на службѣ даже Великаго Могола.

смотря на то, что съ именемъ этимъ у грузинъ долго были связаны мрачныя воспоминанія. Время этого шаха, названнаго по заслугамъ Великимъ, для Грузіи знаменательно не только по неизгладимому ущербу, который оно принесло христіанской странѣ, не только по войнамъ, исполненнымъ глубокаго драматизма и неожиданностей, но и потому, что теперь окончательно сложилась политическая программа Персіи въ Грузіи, выяснились всѣ пружины этой политики. Входить въ ея разсмотрѣніе излишне, достаточно представить себѣ завѣты Макіавели, исполняемые въ масштабѣ, который и не снился какому-нибудь Цезарю Борджіа — совѣты Макіавели, исполняемые грознымъ повелителемъ Ирана.

Съ юридической точки зрѣнія интересно, что царь Грузіи получаетъ въ Персіи титулъ вали и выдвигается, такимъ образомъ, на одно изъ первыхъ мѣстъ среди вассаловъ короны[1]). Modus vivendi, установленный Аббасомъ, носитъ характеръ договорный, обоюдный (pacta conventa, какъ выражается Крузинскій).

---

[1]) Званіе валія сообщалось, преимущественно, мѣстнымъ династамъ въ земляхъ, не входившихъ въ составъ коренной Персіи. Кромѣ Грузіи (Гурджистана), имѣли валіевъ Арабистанъ, Лористанъ и Курдистанъ. Въ современной Турціи вали означаетъ просто генералъ-губернатора.

Едва ли есть надобность, въ краткомъ обозрѣніи, касаться этихъ pacta conventa, такъ какъ, каково бы ни было юридическое положеніе вещей[1]), спокойствіемъ Грузія наслаждалась лишь урывками—почти вся первая треть XVII столѣтія (о которой идетъ рѣчь) наполнена войнами, исключавшими нормальное теченіе дѣлъ. Правило «inter arma silent leges» получало въ тогдашнія времена не какой-либо узкій, а самый общій смыслъ.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ случаи оккупаціи страны и управленія черезъ персидскихъ чиновниковъ, а также періоды длящихся смутъ и борьбы, когда тщетно было бы разбирать, гдѣ право и гдѣ фактъ,—и ограничиться обрисованной выше эпохой царей-мусульманъ, то мы найдемъ что Грузія образуетъ привилегированное вассальное владѣніе, связанное по отношенію къ сюзерену-шаху вѣрностью и обязательствомъ уплачивать дань и служить войскомъ. Во главѣ страны—по общему правилу, лица, принадлежащія къ національной династіи, снабженныя надлежащей инвеститурой, и отправляющія всѣ отрасли управленія. Они принимаютъ (хотя бы наружно) исламъ. Надзоръ за царями, конечно, усиливается или ослабляется въ зависимости отъ личностей и обстоятельствъ.

---

[1]) Характерно, что Крузинскій опредѣляетъ его какъ dominium seu clientelam Monarchiae Persicae, ib., § 167.

Иногда онъ равенъ нулю, иногда же проявляется въ рѣзкой формѣ назначенія конкуррирующаго правителя, частичнаго вмѣшательства изъ Испагана, и т. д. Въ связи съ этимъ надзоромъ стоитъ и занятіе гарнизонами цитаделей; имъ, съ одной стороны, дополняется надзоръ и гарантируется (другой такой гарантіей являются заложники) соблюденіе status quo, съ другой стороны, — это есть пользованіе территоріей вассальнаго государства въ интересахъ (военныхъ) сюзерена. Политическое значеніе этихъ гарнизоновъ не только удержаніе въ повиновеніи Грузіи, но и наблюдательная роль въ сторону Турціи, отъ которой часто можно было ожидать наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ, стремленіе обезпечить себя со стороны Турціи и, позже, Россіи было главнымъ интересомъ, ради котораго Персія добивалась упрочиться въ Грузіи — интересомъ, за который пришлось расплачиваться послѣдней.

Что указанное выше соотношеніе подвергалось частымъ колебаніямъ и нарушеніямъ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны — это совершенно очевидно, да и естественно, если принять во вниманіе, сколько вѣсятъ рознь религіозная, національная и шаткость общественнаго строя, вмѣстѣ взятыя. Благодаря этой пестротѣ и путаницѣ, общая характеристика поневолѣ выходитъ гибкой, допускающей много оттѣнковъ и отклоненій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Между Персіей и Россіей.

I.

Но для того, чтобы сложившіяся между сюзереномъ и невольнымъ вассаломъ отношенія, pacta conventa, были бы прочны и жизнеспособны, для этого имъ недоставало—помимо ихъ шаткости, невыгодности и унизительности для Грузіи—еще одного чрезвычайно важнаго условія, оцѣнка котораго приведетъ насъ къ новой цѣпи вопросовъ.

Какъ ни велико и разносторонне было вліяніе Персіи на грузинъ, слѣды котораго очевидны на ихъ языкѣ, литературѣ, нравахъ, обычаяхъ, вещественной культурѣ, административныхъ порядкахъ— для полнаго сліянія и сближенія съ Ираномъ (или, вѣрнѣе, для установленія такой связи, какая существовала между другими его частями съ цѣлымъ) не доставало религіознаго единства.

Персія не умѣла — или не успѣла уничтожить христіанство въ Грузіи. Въ самыя худшія времена, тамъ было достаточное количество лицъ, закоренѣлыхъ въ православіи, и этотъ источникъ міровоззрѣнія, если не очень богатый, давалъ, во всякомъ случаѣ, мѣрило для оцѣнки мусульманства, его приверженцевъ и политическихъ явленій, имъ окрашенныхъ.

Въ самомъ общественномъ строѣ Грузіи было болѣе чѣмъ достаточно данныхъ для противодѣйствія всякимъ властнымъ попыткамъ, все равно, исходили они отъ персидскихъ или грузинскихъ монарховъ. Но, по отношенію къ Персіи, центробѣжныя силы осложнялись еще рознью религіозной и національной. Напротивъ, при существованіи такой розни, цари грузинскіе, даже въ рамкахъ вассальной зависимости, даже руководясь интересами болѣе династическими, чѣмъ національными, найдутъ всегда возможность, въ своемъ стремленіи прочь отъ Ирана, опираться на религію и національность. При условіяхъ общественнаго развитія и силахъ Грузіи, стимуловъ этихъ недостаточно для политики успѣшной, достигающей желанныхъ результатовъ; но ихъ достаточно для политики неудачной, кончающейся катастрофами, — политики, которая продлитъ агонію, разобьетъ планы Персіи и дастъ, затѣмъ, поводъ Россіи серпомъ право-

славія пожать обильную жатву политическихъ успѣховъ и пріобрѣтеній.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, нѣкоторые эпизоды этой политики, представителями которой, со стороны Грузіи, являлись не разъ люди большого ума и энергіи, какъ Вахтангъ VI, Ираклій II. Достаточно поверхностное ознакомленіе съ той эпохой — чтобы видѣть весь ужасъ и трагизмъ условій, въ которыхъ эти люди жили—и не только жили, но дѣятельно заботились о благѣ родины, занимались литературой, десятками лѣтъ стремились къ осуществленію поставленныхъ задачъ и не боялись рисковать всѣмъ.

Несчастіе ихъ заключалось въ томъ, что политическія задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ они трудились, требовали средствъ и сноровки XVIII ст., а въ ихъ распоряженіи были люди и техническіе пріемы XII или XIII вѣковъ—или хуже того. Сами же они, при всемъ ихъ православіи, были пропитаны насквозь той самой культурой, съ которой желали порвать — т. е. персидской.

Не укладываясь въ рамки Востока, въ поискахъ самостоятельности, Грузія могла успѣть въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ лишь при условіи культурнаго перевѣса, т. е., точнѣе, при наличности болѣе высокой военной и правительственной орга-

низаціи. А этого-то и не было. Она боролась съ врагами ихъ же оружіемъ, но болѣе слабымъ, какъ сколокъ слабѣе первообраза, и уступала имъ въ численности [1]).

II.

Мы сказали, что грузинскіе цари вели свою самостоятельную политику, обреченную на неудачи. Однимъ изъ лозунговъ этой политики, наиболѣе чреватыхъ неудачами, было исканіе покровительства Россіи.

При давнихъ сношеніяхъ Грузіи съ Россіей, попытки опереться на нее такъ естественны, что не требуется объясненій по этому поводу. Мы опускаемъ всѣ эти безконечныя посольства XVI—XVII вѣковъ, съ обмѣномъ громоздкихъ подарковъ и тяжеловѣсныхъ грамотъ, посольства, черепашья медленность которыхъ изводитъ даже теперь всякаго, кто знакомится съ ними.

Мотивы сближенія Грузіи съ Россіей опредѣлились съ самаго начала и не мѣнялись до самаго

---

[1]) Но, конечно, принадлежность къ христіанству и искреннее желаніе пріобщиться къ культурѣ—это уже такія достоинства, которыя отличали грузинъ отъ ихъ азіатскихъ сосѣдей Если бы грузины измѣнили этимъ началамъ и слились съ мусульманскимъ Востокомъ, карта Передней Азіи была бы теперь иная.

конца XVIII вѣка. Жалуются на притѣсненія «агарянъ», просятъ пушекъ, просятъ пороха, просятъ знаній, — и не даромъ, а цѣною подданства, цѣною «службы», подъ высокой рукою Московскаго Царя, съ готовностью платить дань.

Существо этихъ просьбъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ нуждами Грузіи. Исканіе протектората является естественнымъ слѣдствіемъ желанія сохранить хотя бы не полную самостоятельность, при невозможности обходиться собственными средствами.

Вассальная зависимость, противъ воли навязываемая Грузіи державами враждебнаго Востока, это та форма, которой Грузія рада бы была, въ своихъ интересахъ, связать себя по отношенію къ державѣ единовѣрной и дружественной, какой была Россія.

Схема отношеній въ общихъ чертахъ, уже выработана была жизнью, и знакома Грузіи изъ горькаго опыта съ Турціей и Персіей. Теперь она желала облечь *въ эту форму* связь, не злой судьбой навязанную, а добровольно избранную.

Такова позиція, занятая Грузіей съ самаго начала ея сношеній съ Россіей — позиція съ которой она, по существу, не сходила до самаго послѣдняго момента. Это въ равной мѣрѣ касается всѣхъ царей, владѣтелей, всѣхъ естественныхъ и

импровизированныхъ представителей [1]), устами которыхъ Грузія заявляла свои нужды.

Со стороны Россіи до XVIII вѣка участіе проявлялось преимущественно въ ободреніяхъ, подаркахъ, религіозныхъ экспедиціяхъ въ цѣляхъ укрѣпленія и очищенія вѣры, а также въ соотвѣтствующемъ восполненіи царскаго титула. Россія тогда еще только подходила—хотя и прочными, московскими шагами—къ Прикавказью. Христіанскія царства Грузіи еще не могли интересовать ее иначе, какъ издали [1]).

Но все же умные московскіе политики умѣли приласкать, обнадежить и пріучить грузинъ видѣть въ русскихъ единовѣрцевъ-покровителей. Плоды московской политики сказались уже при дипломатахъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

Къ идеѣ протектората возвращались неоднократно позже и съ той, и съ другой стороны. Но когда политическіе виды, открывавшіеся съ упроче-

---

[1]) О подданствѣ въ различное время (но всегда въ одномъ смыслѣ—протектората и вассальной зависимости) просили цари, владѣтели независимые, владѣтели-вассалы (эриставы), общины грузинъ-горцевъ, сословія. См. «Переписка грузинскихъ царей съ россійскими государями».

[1]) Впрочемъ, нельзя этого сказать о Борисѣ Годуновѣ. Борисъ Годуновъ, Петръ Великій, Екатерина II—вотъ къ какимъ именамъ пріурочиваются важнѣйшіе моменты грузино-русскихъ сношеній.

ніемъ въ Закавказьѣ, прояснились, когда къ гигантскому хребту, дотолѣ завѣтному, и къ Каспійскому морю Россія подступила во всеоружіи средствъ, доставляемыхъ методической дипломатіей и регулярнымъ войскомъ, словомъ, когда могущественная реформированная Россія приняла, по силѣ политическихъ обстоятельствъ, дѣла Грузіи къ ближайшему разсмотрѣнію, не протекторатъ уже, а инкорпорація показалась Россіи болѣе подходящей формой, не единеніе, а соединеніе, или, еще лучше, присоединеніе оказалось результатомъ вѣкового историческаго процесса.

Предвосхитивъ такимъ образомъ то, что насъ ожидаетъ впереди, мы вернемся теперь къ первой четверти XVIII ст., къ Персидскому походу Петра Великаго и его политикѣ въ отношеніи грузинъ.

Конечно, въ краткомъ очеркѣ умѣстны лишь наиболѣе существенные для насъ черты этой военной и дипломатической — и скорѣе дипломатической, чѣмъ военной кампаніи великаго монарха.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Грузія и Персидскій походъ Петра Великаго.

I.

Въ персидскомъ походѣ Петра Великаго Вахтангу и грузинамъ пришлось сыграть роль вспомогательнаго орудія русской политики, брошеннаго на произволъ судьбы, лишь только въ немъ миновала надобность.

Ограбленіе русскихъ купцовъ при разореніи Шемахи лезгинами въ 1712 г. дало поводъ русскому правительству вмѣшаться въ персидскія дѣла и предложить шаху помощь Россіи противъ его бунтовщиковъ. И всѣ дальнѣйшія военныя дѣйствія происходили подъ флагомъ доброжелательнаго (въ отношеніи Персіи) укрощенія мятежниковъ, а не открытой войны.

Да и Персія поступила не только дружелюбно, но и подобострастно; поэтому Волынскому (тогда

еще полковнику), отправленному съ политической миссіей въ Персію въ 1715 г., удалось заключить въ 1718 г. весьма выгодый торговый трактатъ, получившій ратификацію обоихъ монарховъ.

Но поѣздка Волынскаго имѣла еще бо́льшіе результаты. Онъ подсказалъ Петру дальнѣйшіе его шаги въ персидской политикѣ. Ознакомившись всесторонне, по порученію Императора, съ обстоятельствами Ирана, онъ представилъ отчетъ и предложилъ Государю озаботиться занятіемъ богатыхъ прикаспійскихъ провинцій — такъ какъ ими могли, по его мнѣнію, овладѣть афганцы, угрожавшіе уже тогда цѣлости персидскаго государства. Программа Волынскаго была принята Петромъ. Въ 1719 г. послали экспедицію для изученія южнаго берега Каспійскаго моря. Въ 1720 г. Волынскаго пазначаютъ астраханскимъ губернаторомъ и велятъ тайно готовиться къ персидскому походу, наводить нужныя справки и *склонять Карталинскаго царя Вахтанга* на сторону Россіи [1]), обнадеживая его соотвѣтствующимъ образомъ. Имѣли въ виду также заручиться содѣйствіемъ кахетинскаго Константина III (Магометъ-Кули-хана), бывшаго раньше правителемъ Испагана.

Зачѣмъ же эти враждебные замыслы по отноше-

---

[1]) Бутковъ. Матеріалы для новой исторіи Кавказа, т. I, гл. I

нію къ дружественной (казалось бы) Персіи? Персія здѣсь не причемъ. Россія принуждена была нарушить добрыя отношенія къ Персіи, потому что, благодаря полному разложенію послѣдней, было основаніе опасаться появленія у Каспія турокъ, этихъ болѣе важныхъ для Россіи — особенно со времени Прутской кампаніи — враговъ.

Овладѣй они берегами Каспійскаго моря — отъ этого произошелъ бы великій ущербъ Россіи. Очевидно, что прикаспійскія провинціи нельзя было оставить на произволъ судьбы, и, проще всего, было, по мнѣнію Петра, овладѣть ими.

Опасенія Петра были основательны, и походъ пришлось бы даже начать раньше, чѣмъ думали, въ виду того, что дагестанскіе владѣтели, призванные на помощь, въ качествѣ номинальныхъ вассаловъ, шахомъ Гуссейномъ, вмѣсто того, предпочли освободиться отъ власти шіитовъ (персіянъ) и рѣшились отдаться подъ покровительство Порты, естественной защитницы всѣхъ магометанъ-суннитовъ.

Итакъ, главнымъ политическимъ стимуломъ персидскаго похода Петра Великаго — было основательное опасеніе того, что Турція утвердится на берегахъ Каспійскаго моря.

Военныя операціи открылись лѣтомъ 1722 года, но еще въ 1721 году велись съ Вахтангомъ переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ.

Передъ царемъ Карталинскимъ лежало два пути, двѣ программы. Предстояло выбрать единеніе съ русскимъ — или съ персидскимъ правительствомъ.

II.

Въ 1721 году афганская смута въ Персіи принимаетъ такіе размѣры, что престолу Сефевидовъ стала грозить неминуемая гибель. 8 марта 1722 г. персіяне проиграли рѣшительное сраженіе при Гульнабадѣ (близъ Испагана). Въ этой битвѣ палъ жертвой безумной храбрости братъ Вахтанга, Ростомъ, куларъ-ага (т. е. начальникъ гвардіи), бывшій здѣсь съ 400 грузинъ. Затѣмъ, началась осада Испагана, длившаяся 7 мѣсяцевъ.

Въ эту критическую минуту шахъ Гуссейнъ обратился за помощью къ Вахтангу. Какъ вассалъ, послѣдній обязанъ былъ не отказать въ ней; но если его просили, даже умоляли особенно настойчиво, такъ на это были особыя причины. Именно грузинъ боялись афганцы; ветераны Георгія XI и Кайхосро внушили имъ уваженіе къ грузинскому оружію; и въ Испаганѣ знали, что одно извѣстіе о движеніи грузинъ заставитъ Миръ-Махмуда (вождя афганцевъ) снять осаду — объ этомъ у него былъ уговоръ съ войскомъ.

Шахъ Гуссейнъ игралъ также на родственныхъ

стрункахъ Вахтанга — звалъ его отомстить за своего дядю, Георгія, и братьевъ, Кайхосро и Ростома, павшихъ отъ руки афганцевъ; напоминалъ, что вслѣдъ за Персіей неминуемо погибнетъ и Грузія. Не смотря на все это, Вахтангъ отказался итти на помощь къ столицѣ Ирана и предоставилъ Персію ея судьбѣ [1]).

Нѣкоторые авторы считаютъ отказъ Вахтанга политической ошибкой — и они, можетъ быть, правы, потому что сплошныя дальнѣйшія неудачи Вахтанга во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ о безошибочности его политики. Самое основаніе этой политики было ложно — онъ не принималъ во вниманіе, что обѣщанія русскаго правительства могутъ быть исполнены лишь при извѣстныхъ условіяхъ; а между тѣмъ, весь свой образъ дѣйствій строилъ на вѣрѣ въ исполненіе этихъ обѣщаній. Поэтому, онъ не задумался ставить на карту все — и проигралъ, лишь только политическія обстоятельства не позволили Россіи сдѣлать то, на что онъ имѣлъ право надѣяться. Позже Ираклій повторитъ эту ошибку и станетъ въ открыто враждебное отношеніе къ сосѣдямъ раньше, чѣмъ Россія гаранти-

[1]) Сынъ Вахтанга Бакаръ, которому персидскіе посланцы привезли отъ шаха званіе куларъ-агаса, хотѣлъ было двинуться въ Персію, но Вахтангъ не позволилъ ему этого. Chronique d Sekhnia Tchkhéidzé, § 38.

руетъ ему условленную помощь. И Вахтангъ, и Ираклій, искушенные въ тонкостяхъ восточной политики и умѣвшіе отлично лавировать между ея подводными камнями — въ отношеніи Россіи оказались наивно-довѣрчивы. Россія была для нихъ воплощеніемъ не только могущества, но и знанія, порядка, мудрости, столпомъ православія и т. д. Могли ли они думать, что и здѣсь надо было быть на сторожѣ, не ожидать, что обѣщанное немедленно же исполнится и проч.?

Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы оказаніе помощи Вахтангу совпадало съ русскими интересами, т. е. не ставило бы помѣхъ другимъ комбинаціямъ Россіи и приносило бы ей прямую выгоду, — то обѣщанія Петра были бы исполнены. Въ противномъ случаѣ (т. е. если бы помощь была оказана цѣною потерь и затрудненій) мы имѣли бы политику безкорыстную, но жертвующую національнымъ (русскимъ) достояніемъ (кровью подданныхъ и средствами государства) для другихъ.

Итакъ, Вахтангъ не исполнилъ желанія шаха, тѣмъ болѣе, что и князья Карталиніи ни мало не были расположены итти въ Персію.

Все это произошло весной 1722 г. Очевидно, что уже до того Вахтангъ получилъ извѣстныя предложенія со стороны русскаго правительства — что̀ и побудило его дѣйствовать указаннымъ обра-

зомъ по отношенію къ Персіи. Дѣйствительно, изъ грамоты на латинскомъ языкѣ, отправленной Вахтангомъ Волынскому въ ноябрѣ 1721 года [1]), видно, что послѣдній писалъ Карталинскому царю письмо, полное широкихъ обѣщаній (firmam spem opportuni auxilii, evadendi ab injusta servitute promittitis et paratis). Сверхъ обѣщаній и приглашенія дѣйствовать за-одно, Волынскій ставитъ рядъ дѣловыхъ вопросовъ, о числѣ нужнаго вспомогательнаго войска, о провіантѣ, укрѣпленіяхъ. Достаточно прочесть отвѣтъ на эти вопросы, достаточно просмотрѣть грамоту, писанную Вахтангомъ одновременно императору Петру,—чтобы убѣдиться, какой свѣтлый горизонтъ открывался Вахтангу. Казалось, исполнялись завѣтныя мечты Багратидовъ—достичь самостоятельности и безопасности подъ эгидою православной могущественной державы. Неудивительно, что въ полной силѣ выражено въ письмахъ Вахтанга правовоззрѣніе христіанина, по которому власть невѣрныхъ есть лишь неизбѣжное зло, несправедливость, которую надо устранить при первой возможности. Куда дѣвалась вассальная

---

[1]) Переписка грузинскихъ царей съ русскими государями, стр. 221. Грамота царя Вахтанга къ неизвѣстному лицу. Что это—Волынскій, слѣдуетъ изъ сличенія этой грамоты съ одновременнымъ письмомъ Петру Великому (ib. 138) и изъ того обстоятельства, что именно Волынскому было поручено вступить въ сношенія съ Вахтангомъ.

зависимость отъ Персіи! Иныя мысли овладѣваютъ Вахтангомъ. «Получивъ письмо отъ предводителя войска Вашего, мы воодушевились твердою надеждою о помощи и предались болѣе прежняго изліянію задушевной радости, восхваляя вѣчнаго Бога, въ рукахъ котораго находятся сердца всѣхъ царствующихъ; ибо Онъ побуждаетъ милость Вашу къ тому, чтобы освободить насъ отъ нашихъ враговъ...» Зависимость отъ Персіи—незаконно наложенное иго; пришло время его стряхнуть. Теперь, съ помощью Бога и непобѣдимаго войска русскаго, грузины вернутъ себѣ все утраченное. Отвѣчая Волынскому на вопросъ, гдѣ должны быть возведены укрѣпленія для войска, Вахтангъ изливаетъ всю полноту своихъ чаяній. «Многочисленныя твердыни на пути до Каппадокіи и Кахетіи отбиты силою, безъ всякаго права, у предковъ нашихъ и донынѣ отчуждены отъ насъ». Теперь онѣ будутъ возвращены, и «мы вѣчно будемъ, заключаетъ Вахтангъ, пребывать въ союзѣ и полной зависимости какъ Всемилостивѣйшаго Государя, такъ и непобѣдимаго предводителя».

III.

Не суждено было сбыться этимъ мечтамъ; горькія разочарованія ожидали Вахтанга. Политическая программа его—сближеніе съ Петромъ—основана

была не на надеждѣ только, а на увѣренности въ русской помощи; онъ поставилъ на карту все раньше, чѣмъ эта помощь пришла; въ концѣ концовъ, она такъ и не пришла.

Когда весною 1722 г. шахъ звалъ Вахтанга на подмогу, рѣшеніе послѣдняго уже созрѣло; къ тому же, одновременно съ гонцами шаха, прибылъ отъ Императора,—по словамъ Вахуштія, нѣкто Мамука, съ приглашеніемъ явиться, т. е. присоединиться къ Петру во время его предстоявшаго похода [1]).

Теперь надо было ожидать точнаго плана дѣйствій. 12 іюля [2]) Петръ отправилъ изъ Астрахани Баадура Туркистанова (Вахтангова посланца) съ грамотой къ царю карталинскому. Вахтанга приглашали двинуться на лезгинъ; онъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ Императора и, затѣмъ, итти на соединеніе съ русскими войсками, въ мѣстѣ, которое укажетъ Государь. Одновременно Петръ преподалъ рядъ совѣтовъ о томъ, какъ дѣйствовать, чтобы не испортить дѣла.

Отвѣтъ Вахтанга на это письмо былъ сообщенъ

---

[1]) Histoire du Karthli par Wakhoucht, p. 117.

[1]) А не 2 іюня, какъ говорится въ «Обзорѣ дипломатическихъ сношеній» Ф. Плоена (Переписка, LXXV). Государь прибылъ въ Астрахань 15 іюня. Ср. Бутковъ, ib. гл. 4. Brosset, Notice sur les trois dernières années du règne de Wachtang VI etc. (Histoire moderne d. l. Géorgie II, livr. I, 577.

Петру лишь 19 сентября. Вахтангъ, между прочимъ, извѣщаетъ, что назначенъ спасаларомъ (главнокомандующимъ) въ Адербейджанѣ.

Обстоятельства сложились такъ, что Вахтангъ получилъ чуть не одновременно два приглашенія итти на лезгинъ: одно отъ Петра, другое отъ правительства послѣднихъ Сефевидовъ. Такъ или иначе, онъ двинулся къ Ганджѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Между тѣмъ, затрудненія, встрѣченныя въ операціяхъ по западному побережью Каспія, а также полученіе неблагопріятныхъ извѣстій изъ Сената, побудили Петра отмѣнить походъ и вернуться въ Астрахань. Это произошло въ началѣ сентября, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія, что многочисленное ополченіе изъ грузинъ и армянъ, подъ начальствомъ Вахтанга, собралось на берегу Куры, въ ожиданіи соединенія съ Государемъ.

Давно уже Закавказье не видѣло такой многочисленной христіанской рати. Но радужныя надежды рушились съ возвращеніемъ Петра. Вслѣдъ за первоначальнымъ подъемомъ духа послѣдовало уныніе, и съ недисциплинированной толпой мало что можно было сдѣлать.

О тягостномъ настроеніи, въ какомъ грузины ожидали извѣстій отъ Петра о дальнѣйшемъ движеніи, свидѣтельствуетъ письмо Вахтанга Турки-

станову; «мы здѣсь въ перѣшимости: отправиться туда? но къ кому отправиться? а воротиться—какъ воротиться? Мы ничего не знаемъ о Васъ, гдѣ Вы, что съ Вами? Ты вѣдь отлично знаешь, что грузины не могутъ такъ долго воевать, въ запасахъ оказывается недостатокъ, и они падаютъ духомъ», Въ концѣ письма чувствуется раздраженіе, вполнѣ, впрочемъ, понятное. «Сообщите намъ что-нибудь достовѣрное. Прибудетъ ли Государь? Что мы здѣсь торчимъ, какъ дураки. Будетъ тебѣ обманывать насъ—пиши намъ правду [1])».

Хотя первоначальный планъ—соединенія съ Петромъ—разстроился, вслѣдствіе возвращенія Императора въ Астрахань, все же Вахтангъ не чувствовалъ себя совершенно покинутымъ.

Для объясненія съ нимъ Петръ отправилъ гвардіи поручика И. Толстого. Во-первыхъ, Петръ желалъ, чтобы Вахтангъ воздѣйствовалъ на шаха въ томъ же смыслѣ, какъ это поручалось русскому дипломатическому представителю въ Персіи (т. е. склонить шаха къ принятію помощи отъ бунтовщиковъ и къ уступкѣ за эту помощь прикаспійскихъ провинцій); затѣмъ, Вахтангу дѣлали рядъ обѣщаній; особенно же остерегали отъ единенія съ турками, какъ опаснаго для христіанъ шага и т. д.

---

[1]) Переписка, 155.

Вахтангъ взялся вліять на шаха, но было уже поздно: 10 октября 1722 г. пала столица Ирана, и шахъ Гуссейнъ очутился въ рукахъ Миръ-Махмута. Юный Тахмаспъ, сынъ Гуссейна, еще раньше пробившійся съ небольшимъ отрядомъ изъ осажденнаго Испагана на сѣверъ, былъ провозглашенъ шахомъ въ Казвинѣ, а затѣмъ отступилъ въ Таврисъ.

Вахтангъ отправилъ къ Тахмаспу С. Чхеидзе, и молодой шахъ послалъ царю и сыну его Бакару богатые подарки [1]); Бакаръ еще раньше сдѣланъ былъ куларъ-агасомъ. Видимо, персіяне не переставали разсчитывать на помощь грузинъ.

Любопытно шахское «повелѣніе» правителю Грузіи Гуссейнъ-кули-хану (такъ Вахтангъ рисовался персіянамъ), состоявшееся въ октябрѣ 1722 г. Вахтангъ извѣщается, что «нѣсколько человѣкъ эмировъ злодѣя Махмуда прибыли въ Испаганъ и что дѣла тамошнія находятся въ большомъ разстройствѣ. Такъ какъ подобное упущеніе есть дѣло весьма нехорошее», то пусть Бакаръ съ «чѣмъ только можно изъ войска гурджійскаго» спѣшитъ къ «порогу убѣжища міра» [2]). Не смотря на отчаянное положеніе, люди эти не разставались съ лживой фразеологіей! Впрочемъ, это всюду такъ.

---

[1]) Переписка, § стр. 145.

[2]) Переписка, стр. 145.

На просьбу (или повелѣніе!) Тахмаспа Вахтангъ отвѣтилъ отказомъ,—несомнѣнная ошибка съ его стороны, въ виду отъѣзда Петра.

Между тѣмъ, кахетинскій Мамедъ-кули-ханъ (Константинъ III), соперникъ Вахтанга [1]), сумѣлъ извлечь для себя плоды изъ его политики. Съ персидской точки зрѣнія Вахтангъ велъ себя, какъ бунтовщикъ. И Константину не трудно было получить отъ шаха Тахмаспа разрѣшеніе дѣйствовать противъ Вахтанга, какъ ослушника. Сехнія Чхеидзе сообщаетъ, что Карталинія «отнята» у Вахтанга и отдана Мамедъ-кули-хану 10 января 1723 г. «Отдана» это значило, что онъ долженъ былъ ее взять; и, конечно, не персидскимъ войскомъ [2]), а съ помощью

[1]) Распря съ Константиномъ, имѣвшая для Вахтанга роковой исходъ, возгорѣлась изъ-за Казахскаго участка. Если бы грузины не стали драться изъ-за этого участка, они не были бы грузинами своего времени; но зато эта междоусобица въ такой серіозный для всѣхъ нихъ моментъ наглядно показываетъ, что «большая» политика была имъ не по плечу.

[2]) Впрочемъ, какъ видно изъ грузинскихъ источниковъ, персидскій гаризонъ тифлисской цитадели взялъ сторону кахетинцевъ. По нѣкоторымъ даннымъ, часть карталинскихъ князей, покинувшихъ Вахтанга въ рѣшительную минуту, была подкуплена персіянами. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть болѣе яркаго доказательства слабости и деморализаціи грузинъ того времени,—чѣмъ это зрѣлище царя, питавшаго широкіе политическіе замыслы и пасующаго передъ совокупными усиліями—персидскаго золота, наемнаго оружія лезгинъ—и «патріотизма»

лезгинъ онъ овладѣлъ Тифлисомъ и отдалъ его по условію, на трехдневное разграбленіе. Вахтангъ держался нѣкоторое время въ Карталиніи, но затѣмъ, разбитый Константиномъ, принужденъ былъ удалиться въ Имеретію.

Узнавъ о несчастіяхъ Вахтанга, Петръ рѣшилъ было отправить къ нему на помощь отрядъ войска, подъ командой Баскакова. Уже сдѣланы были всѣ приготовленія, дано наставленіе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Грузіи—но, затѣмъ, экспедиція была отмѣнена. Еще въ ноябрѣ 1723 г. Государь дѣлалъ дополнительныя распоряженія насчетъ помощи Вахтангу, а весною 1724 г. Баскаковъ былъ уже въ Россіи при другомъ дѣлѣ [1]).

IV.

Чтобы понять этотъ поворотъ въ грузинской политикѣ Петра, необходимо вспомнить, что, какъ сказано выше, стремленіе предупредить турокъ на берегахъ Каспійскаго моря, обезопасить себя отъ нихъ съ этой стороны—было главной причиной персидскаго похода.

Съ своей стороны, Порта всегда притязала на

кахетинцевъ, слѣпо служащихъ мелкому честолюбію ихъ ничтожнаго царька.

[1]) Бутковъ, ib., гл. 9.

Эривань, Таврисъ и, вообще, была готова воспользоваться безпомощнымъ положеніемъ Персіи. О покровительствѣ турокъ дагестанцамъ мы уже говорили.

Въ отвѣтъ на завоеванія Петра и на дессантъ въ прикаспійскихъ провинціяхъ, турки начали забирать земли отъ Эривани до Тавриса.

Вахтангъ получалъ приглашеніе отъ турокъ предаться имъ еще въ самомъ началѣ всей этой путаницы; черезъ И. Толстого, Петръ остерегалъ его отъ союза съ Турціей, въ виду заигрываній эрзерумскаго паши. Теперь, во время распри царя Карталинскаго съ Константиномъ, турки вступили въ Карталинію, съ согласія Вахтанга, вынужденнаго или добровольнаго—это безразлично. Постепенно захвативъ и Кахетію, они хозяйничали въ Грузіи 12 лѣтъ, пока метла Надиръ-шаха не вымела ихъ отсюда.

При дальнѣйшемъ движеніи турокъ къ востоку, они входили въ соприкосновеніе съ россійскими завоеваніями. Грозила война. Дѣлались съ обѣихъ сторонъ приготовленія.

Объявленія войны со стороны Турціи не произошло, благодаря «добрымъ услугамъ» Франціи. Стараніями королевскаго посланника маркиза де-Бонака, послѣдовало соглашеніе относительно предварительныхъ пунктовъ (въ 1723 г.), а затѣмъ, 12 іюня 1724 г.,

заключенъ трактатъ о Персіи въ Константинополѣ [1]). Цѣль этого трактата—размежевать владѣнія Россіи и Турціи въ Персіи.

Для насъ не важны—дальнѣйшая исторія этого замѣчательнаго трактата и подробности его содержанія. Скажемъ лишь, что по трактату 1724 г., Петръ признаетъ во всей силѣ занятіе Грузіи турками [2]); граница турецкихъ владѣній проведена во-

---

[1]) П. С. З. № 4531. Трактата этого нѣтъ въ сборникѣ Юзефовича «Договоры Россіи съ Востокомъ».

[2]) Въ «Матеріалахъ» Буткова трактатъ этотъ приводится съ урѣзками. Именно, пропущена почему-то часть пункта II-го, какъ разъ касающаяся Грузіи: «Понеже вся провинція Георгія остается подъ властью высокой Порты, и вездѣ тамъ находятся гарнизоны и коммендапты, со стороны Высокой Порты, и ежели потребно будетъ отправить многія войска въ тамошнюю сторону для утишенія непорядковъ, гдѣ бъ тѣ войска черезъ рѣку Куръ переправляться ни будутъ, то имѣютъ прежде того переправленія для отнятія подозрѣнія причину того маршированія коммендантамъ помянутаго царя (т. е. Московскаго) сообщать». П. С. З. № 4.531. Въ латинской передачѣ у Крузинскаго постановленіе трактата о Грузіи гласитъ такъ: «Quia vero Fulgida Porta est jam in actuali atque pacifica possessione Georgiae, quam suis praesidiis et Gubernatoribus firmavit, si aliqua disturbia ex parte Georgianorum eo loci interveniant, *plenum jus Fulgidae Portae afferitur, in Georgiam suas copias pro rerum exigentia mittendi, ad tollendum omnem disordinem.*

Tragica vertentis belli Persici historia, § 497 sub II. Въ этомъ сочиненіи польскаго миссіонера много подробностей относительно Грузіи эпохи Вахтанга.

сточнѣе ея, такъ что fait accompli получаетъ офиціальное признаніе Петра.

Теперь ясно, почему отмѣнена была экспедиція, шедшая на помощь Вахтангу: помощь эта не вязалась съ условіями соглашенія Россіи съ Турціей—а, само собой разумѣется, что уладить дѣло съ Турціей было существеннѣе, чѣмъ помочь Вахтангу—и разъ одно становилось въ разладъ съ другимъ, то не трудно было предвидѣть, что возьметъ верхъ.

Еще во время борьбы Вахтанга съ Константиномъ его не покидала надежда на русскую помощь. Въ письмахъ гр. Толстому, Волынскому и самому Петру онъ объясняетъ, почему согласился «покориться» туркамъ. «Такъ какъ мы не могли воевать съ такими сосѣдями и великими государями, мы и сказали султану: «покоряемся тебѣ», надѣясь что пока пойдутъ переговоры съ Константинополемъ, можетъ быть Они (т. е. Петръ) удостоятъ насъ прибытія сюда Ихъ свѣтлой особы». Переговоры съ Константинополемъ дѣйствительно велись, но изъ нихъ вышло не то, чего ожидалъ Вахтангъ.

Съ вступленіемъ турокъ въ Карталинію и Кахетію, дѣло Вахтанга было проиграно. Многіе и сильнѣйшіе князья оставались ему вѣрны и не разъ послѣ звали его изъ Россіи занять престолъ, обѣщая свою поддержку; но обстоятельства складыва-

лись иначе. Не смотря на всю популярность Вахтанга въ Грузіи [1]), онъ уже не вернулся туда.

Въ концѣ вышеприведеннаго письма Петру, полученнаго 10 мая 1723 г., Вахтангъ, какъ бы предчувствуя безуспѣшность просьбъ о помощи, проситъ, въ такомъ случаѣ, хоть убѣжища—«что будетъ также большой милостью». «Если и этого не будетъ, и тогда будемъ благодарить Бога: все, что переносимъ, есть наказаніе за наши грѣхи. Да будете Вы долго жить!» [2]).

Не напрасно надпись на печати Вахтанга, которую онъ прикладывалъ къ своимъ грамотамъ, грустно говоритъ: «прахъ еси и въ прахъ обратиться. Нужно смириться. Царь Вахтангъ».

Одновременно онъ писалъ Волынскому и Толстому. Искра надежды еще теплилась въ немъ—ее должны были позже поддержать извѣстія объ экспедиціи въ Грузію—а что эта экспедиція дѣйствительно подготовлялась, объ этомъ было уже говорено [3]). «До сихъ поръ, пишетъ Вахтангъ на-

---

[1]) Шошита, эриставъ рачинскій, пишетъ Императору въ ноябрѣ 1724 г.: «Богъ да ниспошлетъ непокорнымъ Вамъ несчастія, подобныя тѣмъ, какія претерпѣла отъ невѣрныхъ вся Грузія наша... Единственный человѣкъ, на котораго надѣялась она, былъ царь Вахтангъ; Вы его призвали къ себѣ... и мы остались безъ никого»... Переписка, 173.

[2]) Переписка, 148.

[3]) Ср. письмо д. т. с. П. А. Толстого къ тифлисскому армян-

званнымъ сановникамъ, мы умоляли Его (т. е. Императора) избавить насъ отъ когтей рыси, теперь да не оставитъ онъ насъ въ когтяхъ леопарда. Если Вы окажете покровительство столькимъ христіанамъ, это будетъ доброе дѣло; если же нѣтъ, да будетъ воля Ваша!»

Послѣдній проблескъ надежды сказывается еще въ письмѣ генералу Матюшкину, весной 1724 года, когда экспедиція въ Грузію была уже отмѣнена — въ виду соглашенія съ Турціей.

V.

А турки уже хозяйничали въ Карталиніи и Кахетіи, и хозяйничали, какъ подобаетъ туркамъ. Посадивъ на престолы угодныхъ имъ людей, они на дѣлѣ правили, какъ хозяева.

«Знайте, пишетъ Вахтангъ въ послѣднемъ письмѣ Императору, что сынъ мой Бакаръ, бывшій въ Тифлисѣ съ турками, не могъ снести ихъ утѣсненій и уѣхалъ оттуда». Вся страна разорена до крайно-

---

скому архіепископу 19-го апрѣля 1723 г.: «...понеже имѣемъ мы вѣдомость, что Турки ...уже войско свое нарядили вступить въ Жоржію (Грузію) и въ другіе мѣста въ Персіи, того ради Е. И. В. войскъ своихъ нѣкоторое число въ Жоржію, для обороны принца (т. е. Вахтанга) и васъ отправилъ» etc. Эзовъ Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ, № 222 стр. 345; ср. ib. № 225.

сти, много поселеній совершенно уничтожено, а жители уведены въ рабство. «Если Вы желаете что-нибудь сдѣлать для насъ,—сдѣлайте этимъ лѣтомъ, такъ какъ позже доброта Ваша будетъ безполезна».

Въ концѣ лѣта 1723 г. Вахтангъ прибылъ въ крѣпость св. Креста, выстроенную Петромъ въ 1722 г. на Сулакѣ. Вмѣстѣ съ нимъ выѣхало въ Россію свыше 1.000 лицъ разныхъ званій, начиная съ царевичей и іерарховъ церкви. Эмиграція эта сыграла видную роль въ исторіи Грузіи XVIII вѣка. Замѣтно усилились связи съ Россіей, создался очагъ литературной дѣятельности въ Москвѣ. Русскія власти получили въ свое распоряженіе контингентъ лицъ, знакомыхъ съ грузинскими дѣлами.

Мы не будемъ касаться ни судебъ этой эмиграціи, ни дальнѣйшей участи Вахтанга.

Своеобразно и крайне характерно для тогдашняго русскаго правительства, вѣрнаго завѣтамъ Петра,—отношеніе къ грузинамъ, послѣ того какъ поддержка царю Вахтангу была снята съ очереди, какъ не согласная съ программой восточной политики Петра. Разсчеты и планы грузинъ ни мало его не интересовали; онъ видѣлъ въ Вахтангѣ одно лишь орудіе своей политики, а въ грузинахъ—элементъ, которымъ онъ былъ не прочь заселить свои прикаспійскія пріобрѣтенія. Далѣе, онъ видѣлъ въ грузинахъ нужный ему военный матеріалъ—и много-

людство свиты Вахтанга не только не шокировало русское правительство—напротивъ, были разочарованы тѣмъ, что такъ *мало* грузинъ привелъ съ собой Вахтангъ!

Словомъ, старались извлечь пользу и изъ свиты и изъ царя. Надежда вернуться въ Грузію и занять престолъ не покидала его во время позднѣйшаго исполненія имъ дипломатическихъ порученій русскаго правительства. Надежды эти не сбылись, Россіи же онъ оказалъ существенныя услуги въ персидскихъ дѣлахъ.

VI.

Какъ тяжело ощущался турецкій гнетъ въ 1723—1724 гг., объ этомъ краснорѣчиво говорятъ письма современниковъ. «Они расхитили иконы, кресты, сожгли церкви, истребили много христіанскихъ душъ, опустошили города и деревни», пишетъ католикосъ Доментій, многострадальный глава грузинской церкви, Государю въ маѣ 1723 г.

Осенью того же года «первенствующій изъ князей Карталиніи», арагвскій эриставъ Отаръ, пишетъ губернатору г. Терки: «христіанство не можетъ быть подвержено бѣдствіямъ сильнѣе этихъ. Выкажите теперь вѣру во Христа, силу и мужество, и если Вы хотите помочь странѣ, не медлите болѣе». Тотъ же Отаръ въ письмѣ къ брату, своему ар-

химандриту Романозу, говоритъ: «въ противномъ случаѣ, если мы обратимся въ мусульманство, Государь *да не прогнѣвается на насъ»*. Очевидно, грузины видѣли въ Императорѣ Россіи не только могущественнаго Государя, но и блюстителя православія.

Именемъ православія ихъ призывали къ политическимъ предпріятіямъ, при ликвидаціи которыхъ оставляли на произволъ судьбы. Грузины еще не знали, что въ политикѣ такія вещи какъ «православіе», «иго невѣрныхъ», «борьба съ врагами Христа» должно понимать cum grano salis.

«Мы желаемъ, говорится въ одномъ современномъ письмѣ (императрицѣ Екатеринѣ I-ой), чтобы орелъ всероссійскаго православія разостлалъ бы крылья свои и призрѣлъ бы насъ, птенцовъ своихъ» [1]).

Но наиболѣе трагически звучитъ просьба о помощи кахетинскихъ сословій (тоже въ 1725 г.). Епископы Кахетіи, вельможи, «прочіе князья, дворяне и крестьяне, мы всѣ уповающіе на вѣру христову, удрученные, гонимые и притѣсненные отвергающими Христа, ударяя въ головы и съ плачемъ докладываемъ великому Государю»... «Государь всегда радуетъ насъ надеждою на избавленіе». Надежда эта еще болѣе разгнѣвала мусульманъ. Въ яркихъ словахъ рисуютъ кахетинцы

---

[1]) Переписка, 159.

опустошеніе и гнетъ, постигшія ихъ. Оставшіеся въ живыхъ скрываются въ горахъ, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ. «Надежда на Государя, и радостная мысль о прибытіи войска подкрѣпляютъ насъ, *иначе, и звѣрь не перенесъ бы такого положенія*».

Правда, кахетинцамъ предлагали выселиться на берега Терека (у впаденія его въ море), — что было въ интересахъ Россіи; но грузинамъ это не улыбалось.

«Грузія есть жребій св. Богородицы... Мы не можемъ покинуть ни гробницу св. равноапостольной Нины, ни гробницъ другихъ святыхъ» [1]).

Эмиграція была бы отказомъ отъ всего прошлаго и будущаго. Грузины не согласились на нее.

VII.

Трактатомъ 1724 года Россія признала власть Турціи надъ Грузіей. Въ итогѣ радужныхъ надеждъ — турецкое иго. Русское правительство не сочло нужнымъ или возможнымъ отстоять Грузіи при раздѣлѣ сферъ вліянія въ Закавказьѣ.

Правда, Петръ вмѣнялъ въ обязанность своимъ властямъ бдительный надзоръ за всѣмъ, что происходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, велѣлъ изучить пути

---

1) Ib., 170—172.

отъ Каспійскаго моря въ Грузію и т. д.—но, вѣроятно, руководился не столько заботами о грузинахъ, сколько желаніемъ, при случаѣ, распространить свои владѣнія на западъ отъ Каспія.

Политика Петра по отношенію къ грузинамъ—обыкновенная реалистическая политика, и, если грузины слишкомъ наивно полагались на православіе и вѣрили въ «борьбу съ агарянами», то это потому, что у нихъ элементарная борьба за существованіе легко принимала религіозную окраску, и они не имѣли возможности подняться до болѣе сложныхъ политическихъ идей—для этого имъ не доставало болѣе сложныхъ интересовъ. Примитивный строй влечетъ за собой примитивное мышленіе и примитивную политику.

Поэтому, катастрофа Вахтанга не послужила грузинамъ урокомъ. Остальную часть XVIII вѣка, они продожали вращаться въ томъ же кругу идей, и воззрѣнія ихъ на Россію не измѣнились. Интересы и культура оставались тѣ же—и политика поражаетъ неизмѣнностью своихъ исходныхъ точекъ и ошибокъ.

Никакой критики не было возбуждено несчастіями Вахтанга.

Въ 1754 г. вернулось въ Тифлисъ посольство, ѣздившее просить помощи у императрицы Елизаветы; историкъ Папуна Орбеліани, комментируя

неуспѣшность этого посольства, пишетъ: «дѣйствительно мы ожидали помощи и сильнаго подкрѣпленія, согласно завѣщанію Великаго, блаженной памяти Петра. Когда царь Вахтангъ отправился просить о покровительствѣ Россіи и вооруженной помощи для Карталиніи, онъ пріѣхалъ не во время, такъ какъ императоръ и самодержецъ Петръ былъ сильно боленъ. Но въ своемъ завѣщаніи онъ написалъ: «Грузія несчастна, защищайте ее ради вѣры, пошлите ей войско, на счетъ моей казны».

«Но, добавляетъ историкъ, интриги сыновъ Грузіи, пребывавшихъ въ Россіи, отклоняли ее отъ оказанія помощи» [1]).

Вотъ, что вынесли грузины изъ опыта 20-хъ и 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Легенда эта, при всей своей трогательности, не свидѣтельствуетъ объ умѣніи грузинъ разбираться въ дѣлахъ и условіяхъ XVIII столѣтія. Являясь по отношенію къ персіянамъ и туркамъ нерѣдко ловкими, вѣроломными политиками восточной школы, въ свое отношеніе къ Россіи они, повторяемъ, вносили всю наивность, всю легковѣрность и непосредственность среднихъ вѣковъ, изъ пеленокъ которыхъ никогда не вышли.

---

[1]) Chronique de Papouna Orbélian, § 261.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Надиръ-шахъ и возвышеніе Грузіи.

I.

Мы видѣли, что трактатомъ 12 іюня 1724 года Россія отступилась отъ Грузіи и признала власть Порты надъ этой страной.

Однако, обладанію этому не суждена была прочность; Иранъ, земли котораго Турція и Россія, какъ ни въ чемъ ни бывало, дѣлили между собою, вдругъ воспрянулъ, разорвалъ цѣпи, наложенныя на него, и заставилъ содрогнуться тѣхъ, кто еще вчера видѣлъ въ немъ трупъ.

Искорененіе афганской смуты, возвращеніе провинцій, отнятыхъ Турціей и Россіей, легендарный походъ въ Индію, разграбленіе Дели и увозъ оттуда сокровищъ, стоимость которыхъ многіе высчитывали—но безуспѣшно; возвышеніе—хотя и кратковременное—Персіи на небывалую ступень

могущества — вотъ что послѣдовало за тѣмъ поворотнымъ пунктомъ персидской исторіи, который связанъ съ именемъ шаха Надира. Онъ овладѣлъ престоломъ въ 1735 г. [1]); но, еще будучи слугой своего законнаго государя и называясь Тахмаспъ-кули-ханомъ, онъ уже былъ главнымъ вершителемъ дѣлъ.

Въ 1732 г. обстоятельства сложились такъ, что мира съ Персіей желали и турки, и русскіе Въ этомъ году заключено два мирныхъ договора; каждый изъ нихъ касается и Грузіи. По Гамаданскому соглашенію съ Портой Персія признаетъ пока за послѣдней ея обладаніе Грузіей [2]).

А, на основаніи рештскаго трактата 21 янв. того же года, Россія отдаетъ обратно Персіи всѣ провинціи отъ Куры до Астрабата, шахъ же, между прочимъ, обязуется, въ случаѣ возвращенія Грузіи подъ власть Персіи, вернуть престолъ Вахтангу [3]).

---

[1]) Напомнимъ, что формальное провозглашеніе Надира шахомъ на Моганскомъ полѣ произошло послѣ смерти Тахмаспа и малолѣтняго сына его Аббаса III. Трактатъ 1732 г. заключенъ еще отъ имени Тахмаспа, ганжійскій же трактатъ — отъ имени Аббаса III, что̀ обозначено въ шахскихъ ратификаціяхъ.

[2]) 5-го января 1732 г. Таврисъ оставленъ за шахомъ, Грузія — за Турціей. Бутковъ, Матеріалы т. III, стр. 45. Лучшее сочиненіе по исторіи Персіи — повидимому, все еще Малькольмъ, книгу котораго (History of Persia) мы имѣемъ всегда въ виду.

[3]) П. С. З. № 5935, ст. 2. и 8. Однако, Россія не считала

Недолго продолжался миръ съ Турціей (заключенный шахъ-Тахмаспомъ противъ воли Надира)— она владѣла еще нѣкоторыми персидскими землями. Въ 1733 г. война въ полномъ разгарѣ. Побѣда подъ Багдадомъ даетъ персіянамъ возможность двинуться на сѣверъ и выбить турокъ изъ Адербейджана. Въ 1734 году турки очищаютъ Грузію, и она въ рукахъ Надира.

Одновременно, дипломатическимъ путемъ былъ разрѣшенъ вопросъ о Баку и Дербентѣ: Россія не нашла препятствій уступить ихъ обратно (окончательно по Ганжійскому трактату съ Персіей, 10 марта 1735 г.) [1]). Конечно эта уступчивость свидѣтельствуетъ лишь объ осторожности русскаго правительства, находившаго, что провинціи персидскія не стоили того, чтобы изъ за нихъ воевать съ Надиромъ.

Отношеніе свирѣпаго, жаднаго Надира къ Грузіи вмѣщаетъ въ себѣ всѣ оттѣнки, начиная отъ самыхъ чрезвычайныхъ проявленій благосклонности и кончая необузданнымъ деспотизмомъ и

Грузію никогда частью Персіи. Характерно описательное выраженіе, рисующее здѣсь связь Грузіи съ Ираномъ: «...обѣщаетъ Шахово Величество, что когда Грузія будетъ попрежнему *при Персіи* въ протекціи Шахова В-ства, по прежнему обыкновенію, въ Грузіи владѣніе и правленіе имѣть да опредѣлится». Но Вахтангъ никогда не вернулся въ Грузію.

[1]) П. С. З. № 6,707.

жестокостью. Ревнивое вообще поведеніе Надира касательно грузинъ вполнѣ понятно: при его обширныхъ военныхъ предпріятіяхъ на всѣхъ границахъ Ирана, ему необходимо была увѣренность въ томъ, что Карталинія и Кахетія будутъ служить его интересамъ, а не Турціи или Россіи.

Съ своей стороны, грузины видѣли, что имъ предстоитъ выборъ между Турціей и Персіей. Турецкіе паши властвовали въ странѣ, но съ юго-востока надвигался Надиръ, которому уже сдались Ганджа и Эривань. Грузины не могли остаться безразличными, и мы видимъ, что въ теченіе ряда ближайшихъ лѣтъ они обнаруживаютъ поразительную подвижность, становясь, сообразно обстоятельствамъ, то на одинъ, то на другой путь. Въ этихъ, знакомыхъ имъ условіяхъ, съ этими привычными имъ, хоть и свирѣпыми, контрагентами грузины отнюдь не являются наивными политиками, напротивъ, ихъ ловкость часто не уступаетъ ихъ мужеству, и, въ концѣ концовъ, солнце успѣховъ начинаетъ ронять на ихъ землю свои лучи.

При всей запутанности этой чрезвычайно интересной страницы грузинской исторіи, отчетливо бросается въ глаза слѣдующее: Кахетія раньше и рѣшительнѣе становится на сторону Надира, чѣмъ Карталинія. Надиръ еще стоялъ у Ганджи; турки

отправили особый отрядъ защищать Кахетію отъ персіянъ, отрядъ этотъ, однако, былъ уничтоженъ кахетинцами съ Теймуразомъ во главѣ. Разсчетъ его (что персіяне возьмутъ верхъ) оказался вполнѣ правильнымъ. Вообще, въ это время Кахетія единодушно поддерживаетъ Теймураза, своего законнаго и природнаго царя, который и турками былъ признанъ въ этомъ достоинствѣ. Напротивъ, Карталинія, съ отъѣздомъ Вахтанга и Бакара—замѣтимъ, что ихъ партія была еще сильна въ странѣ—осталась безъ человѣка, за которымъ бы всѣ пошли, и въ Карталиніи, за это время, первая роль переходитъ къ крупнымъ феодаламъ. Близость къ Ахалцихской области и желаніе не поддаться Надиру толкали ихъ къ сближенію съ Турціей.

Когда турки были вытѣснены изъ всей Восточной Грузіи, персіяне поставили въ Карталиніи своихъ должностныхъ лицъ, которыми бывали и перешедшіе въ исламъ представители грузинской династіи. Крайнее напряженіе платежныхъ силъ, чудовищныя реквизиціи—все это побуждало населеніе къ неоднократному противодѣйствію. Иногда это навлекало гнѣвъ Надира, иногда удавалось жалобами вызвать присылку контролеровъ и т. д.

Въ 1737 году, передъ своимъ походомъ въ Афганистанъ, Надиръ велѣлъ измѣнническимъ образомъ захватить многихъ первѣйшихъ князей Кар-

талиніи и Кахетіи, а также Теймураза. Всѣ они участвовали въ походѣ и отличились при взятіи Кандагара. Затѣмъ, шахъ потребовалъ сына Теймуразова, молодого Ираклія, который и сдѣлалъ съ нимъ походъ въ Индію. Легко понять, что забирая съ собой грузинскую знать, Надиръ желалъ имѣть надежныхъ заложниковъ.

II.

Но главныя осложненія съ грузинами были еще впереди. Нѣсколько позже, во время дагестанскаго похода Надира, когда требованія и поборы персіянъ превзошли крайнюю—даже по тамошнимъ условіямъ—мѣру, броженіе въ Грузіи сильно увеличилось [1]). Тогда-то образовалась лига князей верхней Карталиніи, подъ главнымъ руководствомъ могущественнаго феодала Гиви Амилахвари; поборникъ православія, одновременно авантюристъ, ловкій политикъ, упрямый и властолюбивый—это славный экземпляръ старогрузинскаго магната.

Всѣ недовольные персидскимъ гнетомъ переходили на его сторону; вся верхняя Карталинія, долины Ксанская и Арагвы повиновались ему. Онъ

---

[1]) Дѣло въ томъ, что Надиру пришлось долго возиться съ Дагестаномъ, по сосѣдству съ Грузіей.

привелъ въ состояніе обороны многочисленныя укрѣпленія этихъ мѣстностей, въ томъ числѣ Сурамскій замокъ; посылая своихъ агентовъ въ Дагестанъ, онъ вербовалъ на свою службу многія тысячи лезгинъ, цѣлыя партіи которыхъ являлись къ нему, предводительствуемыя своими *беладами*, т.-е. вожатыми. Политическое значеніе лиги заключалось, помимо противодѣйствія Надиру и смутъ, вызываемыхъ въ странѣ, въ томъ особенно, что лигѣ явно покровительствовала Турція — помогала ей людьми и, особенно, деньгами. Все это имѣло болѣе чѣмъ серіозный характеръ, особенно когда явились самозванцы, выдававшіе себя за дѣтей Шаха-Гуссейна, т.-е. за законныхъ наслѣдниковъ иранскаго престола (въ противоположность узурпатору Надиру). Этихъ самозванцевъ поддерживали именно турки и лига.

Послѣднюю надо было уничтожить, и вотъ Надиръ посылаетъ одного за другимъ хановъ съ войскомъ — но все неудачно. Ярости его не было предѣловъ. Этотъ повелитель странъ отъ Каспійскаго моря до Инда принужденъ былъ вести долгія переговоры съ человѣкомъ, который, сидя въ своемъ замкѣ, требовалъ отъ «шахиншаха» письменнаго обѣщанія не причинять ему зла. Наконецъ, дошло до того, что, когда Амилахвари согласился дать

заложниковъ, Надиръ велѣлъ отослать ихъ обратно, требуя полной сдачи [1]).

Но персіяне не умѣли этого добиться, и только съ вмѣшательствомъ Теймураза въ дѣла, лига постепенно распадается. Кахетинскій владѣтель отлично понялъ, что, уладивъ эту неурядицу, онъ неминуемо выиграетъ въ свою пользу не мало, и онъ не ошибся. Строго говоря, Гиви Амилахвари уступилъ лишь увѣщаніямъ Тамары, супруги Теймураза. Затѣмъ онъ отправился въ почетную ссылку въ Хорасанъ [2]).

А Теймуразъ и сынъ его Ираклій своими побѣдами надъ лезгинами, дѣйствіями противъ самозванцевъ и утвержденіемъ спокойствія въ Карталиніи оказали Надиру большую услугу, и онъ ихъ неоднократно и щедро вознаграждалъ. Наконецъ, въ

---

[1]) «На всемъ пространствѣ моихъ владѣній, сказалъ Надиръ, взялъ ли я у кого-нибудь заложниковъ, въ обезпеченіе службы? Если онъ (т. е. Амилахвари) покорился, пусть придетъ и исполняетъ мои приказанія; если же нѣтъ, пусть его уничтожатъ немедленно».

Chronique de Papouna Orbélian, p. 72.

[2]) Ib., p. 97. Передъ самой смертью Надиръ-шахъ, въ гнѣвѣ на Теймураза, вызвалъ Амилахвари изъ «ссылки» и думалъ было отправить его въ Грузію, въ качествѣ правителя; но по смерти Надира, онъ остался въ Персіи, именовался тамъ Шахъ-кули-ханъ и, въ званіи куларъ-агаса, игралъ видную роль въ персидскихъ смутахъ, а затѣмъ вернулся на родину и умеръ въ 1754 г.

1744 г. окончательно отдана Карталинія—Теймуразу, Кахетія—Ираклію. Съ тѣхъ поръ начинается совмѣстная дѣятельность отца и сына на пользу родины—что̀ прекратилось, со смертью Теймураза, въ 1761 году, когда Карталинія и Кахетія объединились подъ скипетромъ Ираклія.

Всматриваясь въ отношенія Надира къ Грузіи, мы видимъ на протяженіи всего лишь двѣнадцати лѣтъ всѣ пріемы, къ какимъ персидская политика принуждена была прибѣгать, въ теченіе вѣковъ, въ разное время и при разныхъ условіяхъ. Казалось, будто исторія даетъ грузинамъ послѣдній повторительный урокъ — напоминаетъ имъ еще разъ, въ краткихъ выразительныхъ чертахъ то, что они издавна знали. Овладѣніе силой оружія, насильственныя выселенія, управленіе черезъ хановъ-персіянъ, хановъ-грузинъ, признаніе законныхъ владѣтелей, неумолимые поборы денежные, натурою, вербовка, отбираніе заложниковъ, женъ и дѣтей — все это пускалось въ ходъ, включая сюда и истинную щедрость, которую Надиръ иной разъ проявлялъ, порой же обнаруживалъ способность внимательно разслѣдовать дѣло и давать ходъ жалобамъ.

До самой смерти Надира (въ 1747 г.) приходилось считаться съ его капризами.

Тѣмъ не менѣе, 1744 годъ — свѣтлый годъ въ грузинской исторіи. Возобновленъ обрядъ короно-

ванія царей въ Мцхетѣ — чего не было начиная съ 1632 г., когда вступилъ на карталинскій престолъ мусульманинъ Ростомъ [1]).

[1]) Каждая строка хроники П. Орбеліани, посвященная описанію коронаціи Теймураза, отражаетъ подъемъ національнаго и религіознаго чувства, характерный для Грузіи XVIII вѣка. При этомъ, ярко сказался консерватизмъ грузинъ. Съ особой щепетильностью возстановлены старыя обрядности и обычаи, выходившіе изъ употребленія за время царей-мусульманъ, напримѣръ, вновь розданы, какъ знакъ военачальства, хоругви первѣйшимъ князьямъ, по старому обычаю (Въ Грузіи, какъ и въ феодальной Европѣ, каждый сражался подъ хоругвью своего патрона).

Ираклій, на пути къ Тифлису, куда онъ спѣшилъ присутствовать на коронаціи своего отца, подвергся нападенію лезгинъ. Описывая тріумфальную встрѣчу Кахетинскаго царя, историкъ восклицаетъ: «Нѣтъ, клянусь вамъ, никогда не видали подобнаго зрѣлища. Онъ сидѣлъ на темно-гнѣдомъ жеребцѣ, опоясанный саблей въ золотыхъ ножнахъ — нельзя было смотрѣть на него и не нѣмѣть отъ изумленія. Гіацинты распускались, почки раскрывались на вѣтвяхъ, издавая ароматъ мускуса; розы тянулись къ нему — всякій спѣшилъ увидѣть благороднаго героя, подобнаго кипарису, поздравить его, сказать привѣтственное слово. У дворца онъ сошелъ съ коня; царь и царица вышли навстрѣчу ему и нѣжно обняли этого сына, единственное ихъ чадо» и т. д. Когда окончился обрядъ помазанія и принесены были поздравленія, началось традиціонное пиршество, на которомъ «все совершалось согласно обычаямъ Карталиніи; и каждый, какъ добрый грузинъ, старался превзойти другихъ въ радости и весельи — вѣдь сколько времени не было царя-христіанина! какъ давно мы не видѣли царя помазаннаго и коронованнаго! Теперь, напротивъ, благость Бо-

Какъ будто новое вѣяніе пронеслось по странѣ; старая Грузія еще хочетъ жить; черезъ 60 лѣтъ ея ужъ не будетъ, но пока она даетъ знать о себѣ—да еще какъ! Много еще впереди битвъ, много крови, много побѣдъ—но скоро конецъ этому безмѣрно тернистому пути.

III.

Видная роль, сыгранная Грузіей среди сосѣднихъ странъ въ XVIII вѣкѣ, успѣхи ея оружія, извѣстность, выпавшая на долю Ираклія II—могутъ быть поняты только въ связи съ исторіей Персіи.

Со смертью Надиръ-шаха, какъ это всегда бываетъ въ случаяхъ такого сказочнаго возвышенія, наступило безначаліе, путаница, которой, надо имъ отдать справедливость, Теймуразъ и Ираклій воспользовались съ большимъ искусствомъ. Ихъ политикѣ открывалось широкое поприще въ хаосѣ враждующихъ между собой областей и хановъ.

Соединенными силами Теймураза и сына его, позже, трудами Ираклія достигнуто то значеніе, ка-

---

жія послала намъ царя-ученика Христова, непоколебимаго въ вѣрѣ — всѣ, и великіе, и малые возносили Богу благодарность».

Хроника Папуна Орбеліани, Hist. mod. II, livr. 2, p. 101—105. Эти люди въ XVIII столѣтіи были сверстниками Владиміра Мономаха. При такомъ запозданіи, конецъ Грузіи былъ лишь вопросомъ времени.

кое Грузія пріобрѣла въ дѣлахъ этой части Азіи. Преемникъ Надира, Адиль-шахъ, родственникъ Теймураза, благоволилъ грузинамъ, которые, въ свою очередь, были его сторонниками, зная, что при такомъ шахѣ отношенія ихъ къ Персіи будутъ чистой идилліей. Но Адиль не продержался и года, также какъ и слѣдующій за нимъ «шахъ» Ибраимъ. Затѣмъ, одинъ за другимъ появляются искатели престола, опирающіеся на бо́льшее или меньшее число приверженцевъ, но ихъ исканія были всегда гадательны [1]); и только возвышеніе Керима, хана Ширазскаго, изъ племени зендовъ, привело къ сравнительно прочному и спокойному порядку вещей. Одно время выдвинулся афганскій Азадъ-ханъ, дѣйствовавшій со своими дружинами въ Адербейджанѣ, но Ираклій, помогая Эривани, отбросилъ афганца за Араксъ [2]).

[1]) Между прочимъ, сохранился фирманъ Шахъ-Роха о возведеніи Теймураза въ званіе главнокомандующаго Адербейджаномъ. Акты кав. арх. ком., т. I, стр. 76. Но этотъ «шахъ», внукъ Надира, никогда не признавался государемъ Персіи; онъ съ самаго же почти начала удалился въ Хорасанъ, гдѣ и властвовалъ чуть не 50 лѣтъ. Фирманъ этотъ означаетъ просьбу о поддержкѣ.

[2]) Между Иракліемъ и Азадъ-ханомъ, при заключеніи мира, было условлено, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ распространять власть на другую сторону Аракса. Это было въ 1751 г. Ср. Watson, A history of Persia etc. p. 44. Picault, Histoire des révolutions de Perse, P. 1810, т. II, стр. 335.

Позже, когда Керимъ-ханъ взялъ верхъ надъ соперниками, названный Азадъ-ханъ, послѣдній изъ этихъ соперниковъ, гонимый побѣдителемъ искалъ убѣжища у Ираклія, но былъ выданъ [1]). И, вообще, грузины умѣли ладить съ Керимомъ, который и не былъ такъ значителенъ, чтобы предписывать имъ свою волю; онъ даже не именовался шахомъ, а векилемъ (намѣстникомъ). Грузины же были настолько осторожны, что не дѣйствовали вызывающимъ образомъ по отношенію къ Керимъ-хану [2]). Характерно, что теперь, когда Теймуразъ и Ираклій были совершенно независимы и самостоятельны, они не отрекались отъ своихъ связей съ Персіей. Это было очень умно; званіе «валія» давало имъ лишнюю пружину въ ихъ персидской политикѣ, а уклоняться отъ самыхъ дѣятельныхъ сношеній съ плеядой сосѣднихъ хановъ грузины не могли, такъ какъ именно путемъ покровительства однимъ и обузданія другихъ

---

[1]) Историкъ Ираклія, Оманъ Херхеулидзе сообщаетъ, что Керимъ просилъ царя выдать ему Азадъ-хана и написалъ письмо «полное любви и братской пріязни», съ увѣреніемъ, что этимъ онъ заслужитъ «величайшую признательность со стороны Персіи». Жизнь царя Ираклія, подъ 1760 г.

[2]) Вотъ что говоритъ самъ Ираклій о своихъ отношеніяхъ къ этому симпатичному правителю Персіи: «Керимъ-ханъ... въ Ширазѣ находится и съ нами въ дружбѣ состоитъ и оказываетъ, и мы тоже съ нарочнымъ извѣщаемъ его о дружбѣ» Грамоты etc., изд. проф. Цагарели, стр. 437—438.

Ираклій добился того престижа и того первенствующаго положенія, которыми довольно долго пользовался.

Итакъ, мы видимъ, какъ связь съ Ираномъ, вассаломъ котораго являлся въ теоріи Ираклій въ качествѣ валія гурджистанскаго — какъ эта связь, иногда, въ прежнее время, столь тягостная, теперь превращается, въ рукахъ Ираклія, въ рычагъ его политики, служащій *его* интересамъ. Но успѣхи, достигаемые на такомъ пути, не прочны.

Какъ ни поглощается первоначальный смыслъ этой связи, ея предполагаемое юридическое значеніе фактическимъ соотношеніемъ силъ — но идея, мысль о томъ, что Грузія, такъ или иначе, входитъ въ сферу вліянія Ирана, продолжаетъ тлѣть, какъ уголь, не угасающій до конца подъ слоемъ земли.

Придетъ день и новая династія — каджаровъ — попытается воскресить отжившую теорію. Но у нея хватитъ силъ лишь, чтобы отомстить, со всей жестокостью могущества, безсильнаго созидать; вернуться же къ временамъ Аббаса и Надира нельзя будетъ на грани XVIII и XIX вѣковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Участіе грузинъ въ первой турецкой войнѣ при императрицѣ Екатеринѣ II.

I.

Великая, блестящая Екатерина и ея самоувѣренные даровитые сановники нашли неожиданный поводъ обратить близкое вниманіе на Грузію и ея владѣтелей.

Съ давнихъ поръ сносилась Грузія съ Россіей; мало-по-малу тѣ, кому о томъ «вѣдать надлежало», привыкли къ постояннымъ пріѣздамъ въ Астрахань, Кизляръ грузинскихъ посланцевъ, иногда самихъ владѣтелей, часто царевичей, духовныхъ лицъ, князей и т. д. Сложилась постепенно практика насчетъ дальнѣйшаго ихъ слѣдованія, дачи имъ кормовыхъ денегъ и пр. «по прежнимъ примѣрамъ». Въ концѣ концовъ, у русскихъ дипломатовъ соста-

вилось представленіе о маленькомъ единовѣрномъ народѣ и его владѣтеляхъ, постоянно «докучающихъ» просьбой о помощи, о защитѣ. Видя, что народъ этотъ отдается въ подданство, даже независимо отъ того, помогутъ ему или нѣтъ, правительство русское относилось къ нему болѣе или менѣе ласково.

Но иногда политическія обстоятельства складывались такъ, что дѣло доходило до политики въ прямомъ смыслѣ слова, до результатовъ осязательныхъ.

Мы говорили уже о роли, сыгранной грузинами въ персидскомъ походѣ Петра Великаго.

Теперь обратимся къ первой турецкой войнѣ императрицы Екатерины II-й и къ участію въ ней грузинъ.

Не забудемъ, что война эта, пробный камень иностранной политики Екатерины, была для Россіи дѣломъ очень труднымъ и сложнымъ, при веденіи и ликвидаціи котораго приходилось самымъ серіознымъ образомъ считаться съ европейскими державами, особенно Пруссіей и Австріей, не говоря уже о Польской республикѣ, часъ которой скоро пробилъ.

Если разсматривать въ правильной перспективѣ эти историческія событія, то закавказская экспедиція Тотлебена и участіе грузинъ въ войнѣ пред-

ставится какъ второстепенный дополнительный эпизодъ борьбы, происходившей на глазахъ Европы и, преимущественно, на европейскомъ театрѣ дѣйствій.

Отъ всей этой кампаніи—т. е. посылки экспедиціоннаго корпуса въ Грузію—такъ и вѣетъ авантюризмомъ, «прожектерствомъ» XVIII столѣтія.

Когда на одномъ изъ первыхъ засѣданій Совѣта (учрежденнаго непосредственно послѣ разрыва съ Портой) Екатерина пригласила вельможъ этого Совѣта высказаться, если «кто что придумалъ для пользы» дѣла, Орловъ предложилъ свою экспедицію въ Средиземное море; и затѣмъ рѣшено было призвать къ оружію всѣхъ православныхъ, обитающихъ въ турецкихъ областяхъ; предполагали поднять Морею, далматинцевъ, черногорцевъ и *Грузію,* при чемъ имѣлось въ виду разглашать, что Россія принуждена вести войну съ турками за законъ [1]). Словомъ, звали участвовать какъ бы въ крестовомъ походѣ на мусульманъ. Проектъ этотъ, конечно, оказался вздорнымъ, безполезнымъ, но и безвреднымъ для Россіи.

Итакъ, вотъ почему вспомнили о грузинахъ. Ихъ удалось вовлечь въ войну съ турками; но, какъ показали событія, то, что для Россіи было лишь

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 28-й, стр. 13.

эффектной, далекой отъ рутины, выходкой, для Грузіи было дѣломъ серіознымъ, крайне рискованнымъ и опаснымъ.

Разъ рѣшено было, такимъ образомъ, побудить грузинъ къ участію въ войнѣ, стали наводить справки, собирать свѣдѣнія. Сама Императрица требуетъ у Коллегіи иностранныхъ дѣлъ отвѣта на рядъ вопросовъ, касающихся Грузіи. Составляется въ Коллегіи «разсужденіе о способахъ, какими грузины преклонены быть могутъ къ воспріятію участія въ настоящей съ Портою Оттоманскою войнѣ» [1]).

Соломона, царя Имеретинскаго не трудно было притянуть къ дѣлу; воевать съ турками ему было не въ первые; онъ еще незадолго до того просилъ помощи у Государыни, но тогда ему было въ ней отказано. Съ Иракліемъ, казалось первоначально Коллегіи, будетъ больше хлопотъ. Но это было неосновательно.

«Грузинскіе цари и народъ, по словамъ проф. Цагарели, восторженно приняли воззваніе Великой императрицы, призывавшей ихъ на борьбу съ общимъ врагомъ христіанства, и выразили готовность немедленно послѣдовать призыву «право-

---

[1]) Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи. Т. I (1768—1774 гг.), №№ 1 и 2. На это превосходно составленное профессоромъ Цагарели собраніе матеріаловъ мы неоднократно будемъ ссылаться.

славной монархини», что̀ они дѣйствительно и доказали, сражаясь противъ турокъ въ теченіе всей пятилѣтней турецкой войны» [1]).

Грамоты самой Екатерины, письма Панина, воздѣйствіе пограничныхъ начальниковъ и особо посланныхъ агентовъ, все было пущено въ ходъ, чтобы изъяснить грузинамъ пользу, какая послѣдуетъ для нихъ отъ участія въ войнѣ, въ которой они будутъ подкрѣплены русскимъ корпусомъ. Обѣщалась помощь денежная, награда на небесахъ — и «внесеніе въ трактатъ», т. е. будущій трактатъ съ Портою, о чемъ и владѣтели просили. «Внесеніе въ трактатъ» означало бы формальное обязательство Турціи не посягать на предѣлы Грузіи.

2.

Что призывъ Россіи нашелъ благодарную почву въ грузинскихъ земляхъ — не удивительно.

«Борьба за православіе» — это нѣчто такое, что грузины того времени легко могли понимать, такъ какъ сами они не совсѣмъ были чужды этому занятію. Но религія являлась однимъ изъ стимуловъ борьбы политической, стремленія отстоять — и обезпечить — свою независимость среди враждебныхъ

[1]) Ib., стр. II—III.

или могущихъ стать враждебными политическихъ единицъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка Соломонъ въ Западной, Ираклій въ Восточной Грузіи достигаютъ крупныхъ политическихъ успѣховъ, и, тѣмъ не менѣе, — вѣрнѣе, именно поэтому, они ищутъ помощи Россіи, а когда имъ ее предложили, то съ энтузіазмомъ принимаютъ приглашеніе.

Всѣ успѣхи Соломона и Ираклія были зданіемъ, построеннымъ на пескѣ.

Благодаря слабости Персіи, ловкой политикѣ и военному дарованію, Ираклій «возвелъ Грузію на степень той важности, коею она содѣлалась извѣстна сосѣднимъ державамъ» [1]).

Но положеніе Ираклія было очень шаткое; сейчасъ онъ получаетъ дань отъ Ганджи и Эривани; и если они заупрямятся, то карталинскія и кахетинскія дружины напомнятъ имъ, кто такой Ираклій. Но что дѣлать, если появится въ Иранѣ настоящій властелинъ, всѣми признаваемый? [2]) Status quo, достигнутый въ теченіе десятковъ лѣтъ неустаннаго труда, опасностей и войнъ—разсыпется въ поро-

[1]) Бутковъ, матеріалы, т. I, стр.

[2]) Ираклію благопріятствовало именно то обстоятельство, что престолъ шаховъ былъ не занятъ; это отлично сознавалось. Самъ Ираклій въ письмѣ Панину отъ 24 авг. 1774 г. (Грамоты etc. № 185), говоритъ: «А какъ Персія не имѣетъ

шокъ. Персидскіе ханы, турецкіе паши, лезгины— все что въ двухъ шагахъ, всѣ они слѣдятъ за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ. Надо вести политику на три фронта, не допускать коалицій, задабривать однихъ, помогать другимъ, наказывать третьихъ. И цѣною неслыханнаго напряженія что же достигается? Развѣ одна «слава». Спокойствія же, простой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ — нѣтъ. Что такое внѣшнее положеніе связано съ неустойчивостью внутри страны — это слишкомъ очевидно. Не перевелись еще искатели карталинскаго престола, потомки Вахтанга; у нихъ приверженцы среди дворянства, укрыватели—въ Персіи [1]). Всѣ недовольные, всѣ питающіе злобу —

шаха, то жилъ я съ ханами не только въ согласіи и въ покоѣ, но по многимъ моимъ стараніямъ доведены были до того, что нѣкоторые платили мнѣ и дань». Въ «Запискѣ» кн. Амилахорова (ib., № 13) преобладаніе Ираклія надъ сосѣдними персидскими ханами объясняется прямо тѣмъ, что «нынѣ Персія и шаха не имѣетъ, а, слѣдовательно, нѣтъ никого, кому бы, представивъ свои обиды, жаловаться могли».

[1]) Одинъ изъ такихъ искателей, сынъ Вахтанга, Паата, получившій образованіе въ Россіи и Англіи, странствовалъ по Европѣ, побывалъ въ Турціи, жилъ нѣкоторое время въ Персіи, при Керимѣ, затѣмъ въ Грузіи. Нѣсколько князей карталинскихъ, движимыхъ отчасти мотивами личной злобы противъ Ираклія, отчасти же вѣрныхъ старой карталинской вѣтви Багратіоновъ — составили заговоръ и предложили корону Паатѣ. Заговорщики-легитимисты были приговорены къ смерт-

находятъ пріютъ у двуличныхъ сосѣдей. Ни о какой реформѣ, ни о какомъ предпріятіи нельзя думать, ничего довести до конца. Прежде, чѣмъ дѣло станетъ прочно, придутъ и сожгутъ, разграбятъ, уничтожатъ. Есть планы, есть идеи, но, въ такихъ условіяхъ, нельзя ихъ осуществить!

Не имѣя возможности сноситься съ Европой, не уживаясь въ Азіи и съ Азіей, хотя всецѣло почти связанные ея рутиной, грузинскіе цари обращались къ Россіи. Другого исхода у нихъ не было. Какъ ни мало находили они на этомъ пути, взоры ихъ, снова и снова — неуклонно обращались къ сѣверу.

Ища русскаго покровительства и добиваясь гарантіи неприкосновенности противъ произвола восточныхъ державъ, цари грузинскіе были вполнѣ разсудительны, такъ какъ только при внѣшней обезпеченности могли они довести до успѣшнаго конца то, чего имъ такъ и не удалось сдѣлать—обузданіе вассаловъ и упроченіе государственнаго порядка.

Обезопасивъ себя со стороны Персіи и Турціи,

ной казни собраніемъ свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ. Это было въ 1765 г. См. извлеченія изъ грузинскихъ мемуаровъ, сдѣланныя Броссе въ Hist. moderne, II. livr, 2. p. 238. А также Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht. Introduction III.

*

грузины, можетъ быть, съумѣли бы сладить съ внутренними смутами и стать на путь сколько-нибудь нормальнаго общественнаго развитія. Вотъ что побуждало Ираклія и Соломона искать русской помощи, вотъ почему они съ такой радостью отозвались на приглашеніе дѣйствовать противъ турокъ, не смотря на очевидную для нихъ опасность этого шага.

Они видѣли впереди, какъ обѣщанную награду со стороны Россіи—покровительство единовѣрной державы. Счастье близко и возможно. Со стороны грузинъ было бы трусостью пропустить такой шансъ. Они рискнули, какъ рискнулъ въ свое время Вахтангъ—и опять проиграли ставку.

II.

Когда отправляли экспедиціонный корпусъ, то его предназначали не столько для прямыхъ дѣйствій, сколько для подкрѣпленія грузинъ—именно послѣдніе должны были «учинить важную диверсію».

Какъ разъяснялъ графъ Панинъ Тотлебену, нужно дѣйствовать такъ, чтобы, незамѣтно для грузинъ и ихъ владѣтелей, они воевали какъ бы по собственному побужденію, на дѣлѣ же все это должно производиться «здѣшнимъ руководствомъ и просвѣ-

щеніемъ», т. е. грузины должны играть роль орудія въ рукахъ Тотлебена. Какъ формулируетъ Панинъ: «была бы душа здѣшняя, а тѣло грузинское»[1]).

Мы не будемъ разбирать причинъ, повлекшихъ за собой неудачу этихъ замысловъ Панина. Пришлось бы для этого излагать ходъ кампаніи, постепенное накопленіе недоразумѣній между Тотлебеномъ и владѣтелями, дошедшее до разрыва и непріятностей, пришлось бы оцѣнивать поступки и поведеніе отдѣльныхъ лицъ. Насъ все это не касается. Скажемъ лишь одно: ни Соломонъ, ни Ираклій не были расположены играть ту роль, какую имъ, повидимому, предназначалъ Тотлебенъ: т. е. роль начальниковъ иррегулярныхъ ополченій при его корпусѣ. Для этого Соломонъ былъ слишкомъ привыченъ самостоятельно воевать съ турками, не говоря объ Иракліѣ, боевая слава и опытность котораго была иныхъ размѣровъ и иного качества, чѣмъ Тотлебеновская.

Но замыселъ Панина былъ по существу нелѣпъ: гармоническое совмѣстное дѣйствіе регулярныхъ войскъ и грузинскихъ дружинъ едва ли было возможно. Это были войска совершенно разныхъ эпохъ. Съ одной стороны, полная дисциплина, планомѣр-

---

1) Грамоты etc., № 64.

ность, техника, сильная артиллерія, провіантская часть и пр. Съ другой — контингенты всадниковъ и пѣхотинцевъ съ весьма несложной организаціей, съ болѣе чѣмъ шаткой дисциплиной; всякій продовольствуется, какъ можетъ, и вся эта масса удерживается въ повиновеніи только благодаря авторитету и популярности царя и высшихъ начальниковъ.

Съ одной стороны, люди прошедшіе строгую казарменную школу, съ другой—феодальные бароны и воины—крестьяне.

Вотъ одинъ, и очень важный источникъ шероховатостей во взаимныхъ отношеніяхъ. Но были еще осложненія, которыхъ не предвидѣли въ Петербургѣ и съ которыми не могъ справиться ни пресловутый Тотлебенъ, ни позже — генералъ Сухотинъ.

Владѣтели гурійскій и мингрельскій, въ теоріи вассалы Имеретинскаго царя, на практикѣ же почти всегда независимые отъ него, велп свою самостоятельную политику. Осилить этихъ вассаловъ и объединить Западную Грузію, было мечтою имеретинскихъ царей—и Соломонъ надѣялся, при поддержкѣ Россіи, добиться этого.

Русскимъ генераламъ пришлось не столько руководить согласными движеніями грузинскихъ владѣтелей, сколько разбираться въ ихъ взаимныхъ

отношеніяхъ, склонять къ единодушію. Естественно, что на мѣстѣ все это оказалось сложнѣе, запутаннѣе и труднѣе, чѣмъ думали въ Петербургѣ. Но если бы внимательно читали донесенія пограничныхъ начальниковъ и всю переписку по грузинскимъ дѣламъ, и вникли бы въ дѣло, тогда меньше бы было неожиданностей. Неосновательныя ожиданія замѣнились разочарованіемъ, а виноватыми оказались грузины.

Мы уже говорили, что помощь Россіи укрѣпила бы царей и внутри Грузіи [1]). Такъ что, если Россія преслѣдовала свои интересы въ Грузіи, то и грузинскіе владѣтели надѣялись, что, воюя по призыву Россіи съ Турціей, они добьются существеннаго улучшенія, упроченія своихъ дѣлъ.

Но всякій разъ, когда замѣтно было, что они и себя не забываютъ, и о себѣ думаютъ, русскіе власти ставили это въ укоръ владѣтелямъ; они желали слѣпого послушанія.

Тягостность положенія обострялась и тѣмъ, что русскіе генералы не были особенно счастливы въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, тогда какъ Ирак-

---

[1]) П. ч. внѣшняя необезпеченность и шаткость царской власти внутри страны стояли въ тѣснѣйшей взаимной связи. Такъ что, какъ уже говорено было, поддержка во внѣшнихъ отношеніяхъ легко повлекла бы за собой упроченіе власти и порядка. Интересы династическіе и національные совпадали.

лій и Соломонъ имѣли не мало успѣховъ. Эта общая обрисовка избавляетъ насъ отъ необходимости входить въ ближайшее разсмотрѣніе событій 1768—74 годовъ.

Но, такъ или иначе, дѣло уладилось.

Государыня и Панинъ выражали свое неудовольствіе грузинскимъ владѣтелямъ въ грамотахъ и письмахъ, нѣкоторые мѣста которыхъ должны были казаться обидными для самолюбія Соломона и Ираклія [1]). Но, затѣмъ, прежнее благоволеніе вернулось, и тонъ смягчился. Экспедиція въ Грузію обманула ожиданія Екатерины [2]). Что въ грузинахъ разочаровались — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

---

[1]) См., напримѣръ, укоризненную грамоту Императрицы Ираклію отъ 9-го іюля 1770 г. (послѣ распри его съ Тотлебеномъ) и снисходительное письмо Панина, писанное тогда же. По воззрѣнію Панина, генералъ могъ поступить съ Иракліемъ «по всей строгости военныхъ правилъ». Но, утѣшаетъ онъ царя, «благополучна, по крайней мѣрѣ, ваша судьба въ томъ, что рѣшить ее оставалось монархинѣ великодушной и милосердной». Грамоты, №№ 58 и 57.

[2]) «Въ прошедшее время черезъ отправленіе въ Грузію и содержаніе тамъ войскъ здѣшнихъ не пріобрѣтено успѣховъ и выгодностей противъ общаго непріятеля, коихъ... ожидать было можно». Ib., № 167. Главная причина — несогласія владѣтелей и различіе въ способѣ веденія войны. Ср. №№ 148, 149, 150. Въ концѣ концовъ, совмѣстныя дѣйствія такого во всѣхъ отношеніяхъ «иррегулярнаго» народа, какъ грузины, и русской арміи—не могли быть иными.

Строго говоря, ими не могли быть недовольны; они одержали надъ турками рядъ побѣдъ, посылали ко двору трофеи, готовы были воевать ad infinitum. Служили, какъ могли, какъ умѣли.

Причина недовольства русскаго правительства— въ тѣхъ непріятностяхъ и нарушеніяхъ воинской дисциплины, которыя имѣли мѣсто во время экспедиціи. Конечно, все это было скоро забыто. «Эти смуты въ отдаленномъ Закавказьѣ, говоритъ Соловьевъ, не могли производить сильнаго впечатлѣнія: о нихъ мало знали въ Россіи, вовсе не знали въ Западной Европѣ, гдѣ хорошо знали о кагульскомъ и чесменскомъ бояхъ» [1]).

Въ этомъ разгадка многаго: Екатерина сначала интересовалась закавказской экспедиціей, не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ къ Вольтеру; затѣмъ, когда разочаровались въ ожиданіяхъ, забыли о томъ, что побудили [2]) грузинскихъ владѣтелей стать въ открытую вражду съ турками, забыли, что обѣщали имъ золотыя горы, что ихъ участіе въ войнѣ было не эпизодическое, а всецѣлое. Когда

---

[1]) Соловьевъ, т. 28-й, стр. 139.

[2]) Сначала придумывали способы, которыми можно было бы «подвигнуть» грузинъ къ войнѣ съ Портой; а позже неоднократно твердятъ владѣтелямъ, что ихъ «допустили» участвовать въ войнѣ, снисходя «на докучное и неоднократное прошеніе», напр., ib. стр. 336, 339.

за Кавказомъ горсть храбрецовъ наносила пораженіе несравненно сильнѣйшему врагу, и всѣ свои удачи приписывала «счастію Ея Императорскаго Величества», то отзвукъ этихъ удачъ въ самой Россіи совершенно заглушался громомъ кагульской и чесменской побѣдъ—до Европы же онъ и не доходилъ [1]).

Того, что обѣщали владѣтелямъ, не исполнили: во-первыхъ, измѣнились обстоятельства, во-вторыхъ, русское правительство временно охладѣло къ грузинамъ, подъ вліяніемъ недобросовѣстныхъ (какъ теперь оказывается) донесеній Тотлебена.

III.

1.

Каковъ же былъ результатъ войны для грузинъ? Меньшее, на что они могли разсчитывать—это «внесеніе въ трактатъ». Грузины были убѣждены въ томъ, что при заключеніи трактата ихъ не за-

[1]) Послѣ Аспиндзской побѣды, трофеи которой были отправлены Императрицѣ, Ираклій не получилъ ни благодарственнаго рескрипта, ни вообще какого-либо одобренія. Причиной этому были, повидимому, превратныя сообщенія Тотлебена.

будутъ [1]). Копія съ 23 ст. Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата (20 іюля 1774 г) была сообщена Ираклію и Соломону, вмѣстѣ съ Высочайшими грамотами и письмомъ Панина. Смыслъ этихъ грамотъ тотъ, что пусть грузины чувствуютъ, какъ они осчастливлены трактатомъ.

«Послѣ такого оказаннаго отъ насъ всему Грузинскому народу благодѣянія... съ основаніемъ ожидать можно, что ваша свѣтлость и прочіе владѣтели грузинскіе останетесь благодарными къ нашему императорскому престолу и жребіемъ своимъ обрадованными и довольными» [2]). Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Екатерина Ираклію. Панинъ поздравляетъ «отъ всего сердца» Соломона съ «толикимъ неоцѣненнымъ счастьемъ» [3]). Что же выиграла Грузія ст. 23 Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата?

Прежде всего, несмотря на присылку Ираклію копіи съ трактата, якобы его касающагося, собственно о немъ и о царствѣ Кахетинскомъ и Карталинскомъ тамъ *нѣтъ ни слова*. Никакихъ притязаній на Восточную Грузію Порта не имѣла и не

---

[1]) Самыя рѣшительныя обѣщанія на этотъ счетъ неоднократно давались какъ Императрицей, такъ и Панинымъ.

См., напр., ib., стр. 87, 373—4, 401 (Письмо вице-канцлера Голицына Ираклію 13 февраля 1774 г.), 396, и т. д.

[2]) Ib., № 186.

[3]) Ib., № 188.

заявляла; дружелюбныя отношенія къ сосѣднимъ пашамъ были всегда однимъ изъ пунктовъ политики Ираклія. Если онъ вступилъ въ войну, то въ надеждѣ на дальнѣйшее покровительство и поддержку Россіи; цѣной разрыва съ Турціей онъ думалъ, вспомоществуемый Россіей, обезопасивъ себя извнѣ и укрѣпившись внутри, дать, наконецъ, Грузіи возможность пользоваться благами прочнаго порядка. Затѣмъ, въ немъ жила старая идея Багратидовъ—возвратъ отторгнутыхъ Турціей провинцій; онъ былъ бы радъ, съ помощью русскаго войска, выступить и на болѣе широкое поприще: поставить въ Персіи желательнаго грузинамъ и русскимъ шаха, итти вглубь Малой Азіи и завоевать ее Императрицѣ до Стамбула.

Человѣкъ съ такими планами не могъ быть безсловеснымъ орудіемъ въ рукахъ Тотлебена.

О царствѣ Карталино-кахетинскомъ въ трактатѣ—ни слова; хотя въ виду разрыва, именно теперь внесеніе въ трактатъ было ему необходимо. Ираклію осталась лишь слава о его удачахъ—и ожиданіе мести со стороны турокъ и лезгинъ [1]).

Соломона все это касалось ближе; онъ дѣйствительно считался вассаломъ Порты. Но еще задолго до русско-турецкой войны онъ отказался платить

[1]) Въ трактатѣ говорится о Грузіи и грузинахъ, но разумѣется при этомъ Имеретія.

дань невольниками [1]), и воспретилъ торговлю ими. Онъ велъ очень удачно партизанскую войну съ турками и надѣялся, съ помощью Россіи, упрочить себя окончательно во внѣ и внутри.

Трактатъ ни іоты не прибавляетъ къ тому, чего Соломонъ уже достигъ; хуже того, Россія признаетъ status quo ante, именно тотъ порядокъ, съ которымъ Соломонъ желалъ порвать, т. е. туркамъ принадлежитъ по трактату, въ Имеретіи и Мингреліи то—и въ такой мѣрѣ,—что имъ принадлежало издавна. По ходу дѣла, съ самаго начала, надо было ожидать, что Турцію принудятъ отказаться принципіально отъ верховенства надъ Западной Грузіей. Но этого-то и не было. «Какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то Россійская Имперія не имѣетъ совсѣмъ впредь въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ». Вотъ заключительныя слова разбираемой статьи трактата 1774 г.

2.

Таковъ былъ исходъ пятилѣтнихъ ожиданій и трудовъ. Не удивительно, что въ Грузіи нѣкоторые оцѣнивали слѣдующимъ образомъ русско-турецкое

---

[1]) Отъ чего теперь Порта формально отрекается и обѣщаетъ не утѣснять христіанства. Ib.

соглашеніе: «Россія заключила миръ съ турками и отдала имъ Имеретію» [1]. Болѣе того, не мало было такихъ, которые, послѣ возвращенія русскихъ войскъ въ Россію (лѣтомъ 1772 г.), заявляли, что русскій корпусъ былъ присланъ въ Грузію съ тѣмъ, чтобы впутать тамошнихъ христіанъ въ войну съ турками—а затѣмъ его увели обратно [2].

Понятное дѣло, ни о какихъ коварныхъ замыслахъ русскаго правительства не могло быть рѣчи. Желали возбудить грузинъ къ войнѣ съ Турціей; отправили для руководства ими русскій отрядъ; результатами экспедиціи остались недовольны—такъ какъ не предполагали имѣть дѣло съ цѣлой кучей обстоятельствъ, открывшихся на мѣстѣ—и, разочаровавшись, отозвали войска назадъ.

Но, повторяемъ, то, что для Россіи имѣло значеніе лишь эпизодическое, для Грузіи приводило къ серіознѣйшимъ послѣдствіямъ.

Русская политика, хоть и не дававшая пока Грузіи осязательной поддержки, естественно вызывала и усиливала враждебное отношеніе къ этой странѣ ея мусульманскихъ сосѣдей. Выгодному положенію Грузіи, созданному съ большимъ искусствомъ долголѣтними усиліями Ираклія, угрожала опасность.

---

[1]) Извлеченія изъ ненапечатанныхъ мемуаровъ у Броссе Hist. mod. II, l. 2, p. 242.

[2]) Грамоты etc., № 168. Рапортъ Львова Панину.

Ираклій съ самаго начала сознавалъ, куда идетъ и какъ рискуетъ. Но онъ надѣялся, что не проиграетъ, что обѣщанное будетъ ему дано. Еще въ 1769 г., одновременно съ прибытіемъ въ Тифлисъ русскаго агента, пріѣзжали туда, по словамъ послѣдняго, и посланцы отъ сосѣднихъ пашей, просившіе царя, чтобы онъ «при нынѣшнемъ военномъ между Всероссійской Имперіею и Портою оттоманскою обстоятельствѣ остался въ покоѣ» [1]).

Насколько Ираклій былъ остороженъ и осмотрителенъ, видно изъ того, что въ сентябрѣ 1769 г., при первыхъ дѣйствіяхъ, онъ уже спѣшитъ увѣдомить Панина объ измѣнившемся къ нему отношеніи мусульманъ и высказываетъ при этомъ, надежду, что какъ «дѣло приходить будетъ къ примиренію», то грузины не будутъ забыты [2]).

Но когда отозваніе войскъ изъ Закавказья было рѣшено, когда Ираклію предстояло самому выпутываться изъ осложненій, созданныхъ его участіемъ въ войнѣ, онъ рѣшается высказаться откровенно.

Въ письмѣ Панину 21 апрѣля 1772 г. онъ пишетъ: «Такое время нынѣ настоитъ, что не въ состояніи уже мы молчать передъ Всемогущимъ Создателемъ и предъ Е. И. В., и потому по сущей

---

[1]) Грамоты, стр. 427. Ср. письмо чилдирскаго валія Наами къ Ираклію у проф. Цагарели (Грамоты, т. II, 1898 г.).

[2]) Ib., № 203 (стр. 442—3).

справедливости осмѣливаемся объявить, что до получения Е. И. В. повелѣнія находились мы въ тишинѣ и мирѣ съ султаномъ, а съ персицкими владѣтельными ханами имѣли съ нѣкоторыми миръ, а нѣкоторые изъ нихъ платили намъ и дань, изъ лезгинцевъ же также нѣкоторые жили съ нами въ перемиріи, а хотя иные и дѣлали нападенія и раззоряли наши владѣнія, однако доведены были нами до того, что и они начинали опасаться насъ» [1]. Въ рапортѣ кизлярскому коменданту, поданномъ лѣтомъ 1769 года поручикомъ Хвабуловымъ говорится то же самое: «въ нынѣшнее время въ Грузіи, Кахетіи и Имеретіи нетолько внутренняго замѣшанія, но и отъ околичныхъ народовъ никакого нападенія не происходитъ, но настоитъ тишина» [2].

Въ письмѣ Панину отъ 24 августа 1774 г. Ираклій еще рельефнѣе противополагаетъ политическія условія Грузіи до войны позднѣйшему положенію. Его трудами установились выгодныя для грузинъ отношенія къ сосѣднимъ пашамъ, ханамъ (тѣмъ болѣе, что Персія не имѣла шаха), къ лезгинамъ. Участіе въ войнѣ съ турками онъ счелъ за свой долгъ, да и теперь признаетъ, что *обязанъ испол-*

---

[1] Ib., № 151.

[2] Ib., № 198, стр. 431—2.

нять повелѣнія и служить православной Императрицѣ. Во время войны столько турокъ и лезгинъ пало отъ руки его воиновъ! «И потому, теперь, турки, разиня рты свои, какъ змѣи, окружають насъ, персіяне, какъ свирѣпые львы, смотрять на насъ, а лезгинцы острять зубы свои противъ насъ, какъ голодные волки». Всѣ они пылають мщеніемъ: онъ, Ираклій, а не они, нарушилъ миръ [1]). И если искоренять его и Грузію, то кто будеть отвѣчать за это Богу, и какая польза отъ этого Россійской Имперіи? Поэтому, «возымѣйте попеченіе о православномъ здѣшнемъ народѣ; я и моя область упованіе наше имѣемъ единственно на Бога и на всемилостивѣйшую государыню» [2]).

Но, пока, русское правительство ограничилось присылкой копіи Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, при милостивой Высочайшей грамотѣ.

Что же побуждало Ираклія, не взирая на неудачи и непріятности, снова и снова искать опоры въ

---

[1]) Политическія отношенія Ираклія къ Турціи до войны, отношеніе Порты къ Имеретіи, «вѣчный» миръ, въ какомъ пребывали Восточная Грузія и Турція еще со времени Надира — все это характерно изображено и изложено въ чрезвычайно важномъ и интересномъ письмѣ къ царю Ираклію ахалцихскаго паши (валія чилдирскаго) Наами, написанномъ до начала военныхъ дѣйствій. См. Цагарели, Грамоты etc., томъ II, Грузинскіе тексты, № 9, стр. 14.

[2]) Ib., т. I, № 187.

Россіи? Мы сказали, что положеніе его, не смотря на внѣшніе успѣхи, не смотря на дань, которую ему платили вассалы—мусульмане, было шатко, ненадежно, не по причинамъ одной религіозной розни съ Турціей и Персіей, но, главнымъ образомъ, потому, что, при гадательности всѣхъ его успѣховъ, невозможно было упрочить порядокъ въ самой Грузіи, нельзя было побороть смутъ и крамолъ—въ которыхъ никогда не было недостатка. Настоящей силой авторитетной, постоянной, при томъ единовѣрной и дружески настроенной—была Россія, и только Россія, такъ какъ отъ державъ Запада Грузію отдѣлялъ сплошной барьеръ мусульманства.

Ираклію, какъ и его предшественникамъ, приходилось имѣть дѣло исключительно съ турками, персіянами, дикарями-горцами и Россіей. Многое сближало грузинъ съ азіатскими сосѣдями [1]); но рели-

---

[1]) Въ грамотѣ Имеретинскаго царя Александра (1732 г.), ярко изображающей мусульманскій гнетъ, когда «святые монастыри служатъ стоянками агарянамъ, а церкви обращены въ разбойничьи притоны», и т. д., находимъ слѣдующія грустныя, но близкія къ истинѣ слова: *«общаго съ другими христіанами осталась у насъ лишь одна вѣра;* со взятія Константинополя мусульманами прошло 291 г.; персидское государство неоднократно вѣроломно убѣждало насъ оставить нашу вѣру, то силою и плѣномъ, то лестью и различными дарами; но да сохранитъ насъ Господь отъ измѣны вѣрѣ, проповѣданной намъ Андреемъ апостоломъ; мы твердо стояли въ ней и теперь ее не оставимъ, вѣру отцовъ». Переписка, стр. 196.

гія и неугасавшіе въ нихъ политическіе идеалы (или фантазіи!) связанные съ династическими интересами, влекли ихъ къ Россіи: цари грузинскіе надѣялись, съ ея помощью, стать дѣйствительно православными монархами и открыть для Грузіи путь лучшаго будущаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъ Кучукъ-Кайнарджи до трактата 1783 г.

I.

Мы не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ Ираклій боролся съ внѣшними и внутренними затрудненіями, послѣ ухода русскихъ войскъ. Пока, энергія и силы его не ослабѣвали, и ему удалось благополучно избѣжать многихъ грозившихъ ему опасностей.

Такъ, Керимъ-ханъ, векиль (т. е. намѣстникъ) Персіи, обезпокоенный покровительствомъ, какое, повидимому, оказывала Россія Ираклію, прибылъ съ персидскимъ войскомъ въ Тавризъ. Понятное дѣло, царь былъ этимъ обезпокоенъ. Съ большимъ искусствомъ удалось ему успокоить Керима. Послы Ираклія внушили послѣднему, что побѣды надъ турками—самое угодное для персіянъ дѣло и свидѣтельствуютъ о преданности грузинъ. Удовлетворившись этимъ объясненіямъ, Керимъ-ханъ

вернулся назадъ, и царь избавился отъ его нашествія [1]).

Вотъ еще любопытный образчикъ восточной дипломатіи. Турки не переставали тревожить Грузію производя набѣги, вмѣстѣ съ лезгинами изъ Ахалцихскаго пашалыка.

Ираклій отвѣчалъ тѣмъ же, и Сулейманъ-паша находилъ для себя выгоднымъ жаловаться въ Константинополь на Грузинскаго царя—такъ какъ ему присылали для борьбы съ послѣднимъ деньги. Мы уже знаемъ, какъ съ давнихъ поръ поступки грузинскихъ царей давали поводъ къ недоразумѣніямъ между Турціей и Персіей. Такъ было и теперь. Керимъ-хану написали: «По трактатамъ, мы съ вами поддерживаемъ миръ. Однако вы спустили съ привязи одного льва, т. е. валія гурджистанскаго— и онъ непрерывно опустошаетъ наши владѣнія. Прекратите это»... Керимъ-ханъ не имѣлъ надъ Иракліемъ никакой власти, и, въ свое время, былъ радъ, что не встрѣтилъ съ его стороны помѣхъ; однако, онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не подразнить турокъ, и заявилъ Ираклію свое удовольствіе за такую его «службу».

«Для меня великая честь, сказалъ онъ, что Ираклій довелъ султана до необходимости жаловаться

[1]) Оманъ Херхеулидзе, подъ 1772 г.

мнѣ. Владыка Персіи обязанъ почтить такого человѣка». И онъ послалъ «валію» письмо съ подарками.

Ираклій же уладилъ недоразумѣнія съ турками, отправивъ посольство въ Константинополь [1]).

Счастливой мѣрой было учрежденіе въ 1773 г. очередного ополченія, *мориге* [2]), въ рядахъ котораго несли службу, въ мѣстахъ указанныхъ царемъ, всѣ, безъ различія сословій и національностей, за исключеніемъ горожанъ и ремесленниковъ. Самъ царь и царевичи подавали примѣръ прочимъ. Душой дѣла, сверхъ Ираклія, былъ сынъ его, Леванъ, со смертью котораго въ 1781 г. все дѣло постепенно разстроилось.

Тогда же оборудованы были серебряные рудники въ Ахталѣ. Ираклій нуждался постоянно въ деньгахъ, «не имѣя, по выраженію одного современника, другихъ сокровищъ, кромѣ собственной доблести» [3]).

---

[1]) Histoire moderne, II, livr. 2, p. 223.

[2]) У Бурнашова, въ обрусѣвшемъ видѣ, «мурыга» «Съ сей мурыгой» царевичь Леонъ очистилъ почти всю землю отъ наглыхъ грабежей горцевъ». Бурнашовъ, «Картина Грузіи» и т. д. изд. 1896 г., стр. 6. Книжка Бурнашова написана въ концѣ XVIII ст.

[3]) Оманъ Херхеулидзе, жизнь царя Ираклія.

II.

Но, продолжали существовать условія, побуждавшія Грузію къ союзу съ Россіей — продолжались и попытки Ираклія въ этомъ направленіи. Неудачныя вначалѣ, попытки эти привели, наконецъ, къ желанной цѣли, — къ грузино-русскому трактату 24-го іюля 1783 г.

Во время пребыванія русскаго корпуса въ Грузіи, она находилась силой вещей, подъ покровительствомъ Россіи. Однако, отношеніе это не получило опредѣленной юридической формы, что̀ ме мѣшало сосѣдямъ Грузіи и самимъ грузинамъ считать, что она находится въ защитѣ и покровительствѣ россійскомъ. Владѣтели грузинскіе неоднократно напоминаютъ въ грамотахъ о своемъ издавнемъ подданствѣ русскому престолу [1]); они такъ

[1]) Грамоты, № 151. Письмо Ираклія Панину. «Предки мои еще передъ симъ предали себя и владѣніе свое блаженныя памяти великимъ государямъ Россійскимъ въ подданство и покровительство...» Вообще въ грамотахъ XVIII и XVII ст. нерѣдко говорится о традиціонномъ покровительствѣ, оказываемомъ Россіей Грузіи, во всякомъ случаѣ, объ давнишней «службѣ» грузинскихъ царей. Даже ренегатъ Константинъ III пишетъ Петру въ 1724 г.: «Государю извѣстно, какими ревностными и вѣрными служителями были нашъ отецъ и дѣдъ, что россійскіе государи оказывали имъ милости и обнадеживанія» etc. Переписка грузинскихъ царей съ россійскими госу-

вѣрили въ надвигающееся исполненіе старинной мечты ихъ предковъ, что легко смѣшивали возможное съ дѣйствительнымъ. Однако, они отлично понимали цѣнность и необходимость формальной гарантіи: не даромъ такъ жаждали «внесенія въ трактатъ». И вотъ, еще во время пребыванія русскихъ войскъ въ Грузіи, наканунѣ полученія письма объ ихъ отзывѣ, Ираклій посылаетъ Императрицѣ письменное представленіе объ условіяхъ, на какихъ онъ желалъ бы поступить подъ покровительство Россіи. Съ этой цѣлью онъ отправляетъ ко двору сына своего, Левана, и брата — католикоса Антонія. Онъ совершенно ясно выражаетъ свое желаніе: онъ про-

---

дарями, стр. 169; ср. ib. 172, 166. Конечно, въ основѣ этой традиціи лежатъ дѣйствительные факты грузинско-русскихъ сношеній и политическія потребности страны, но, затѣмъ, на извѣстную часть грузинскаго общества имѣли вліяніе и ультра-православные взгляды на Россію, какъ на третій Римъ и т. п. Въ замѣчательной грамотѣ царя Имеретинскаго Александра 1732 г. императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ читаемъ: «Какъ въ прежнее время совершилось преобразованіе древняго Рима въ новый Римъ, который есть Византія, и Кесарь былъ замѣненъ другимъ Кесаремъ, такимъ же образомъ за наши грѣхи кончилось и это государство, и власть перешла къ новому царству и кесарству, замѣнившему Константинополь, которое и есть Бѣлая Россія великаго сѣвера, святого города Москвы» и т. д. (Ib. 193). Ср. Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей», стр. 63. Очевидно, такая теорія имѣла бы больше успѣха въ XVI ст.—или въ концѣ XIX. Для Бирона это пища неудобоваримая.

ситъ «удостоить насъ нынѣ такимъ покровительствомъ, дабы всѣмъ, какъ доброжелателямъ нашимъ, такъ и непріятелямъ, видно было, что я нахожусь точнымъ подданнымъ россійскаго государства, и мое царство присовокуплено къ Россійской Имперіи» [1]). А на какихъ основаніяхъ должно произойти это «присовокупленіе», это подробно излагается въ Иракліевомъ проектѣ условій [2]).

Условія, предложенныя имъ, совершенно подтверждаютъ высказанную уже выше мысль, что грузины, ища подданства у Россіи, переносили mutatis mutandis на свое отношеніе къ православному сюзерену тѣ формы, въ которыхъ обнаруживалась исторически сложившаяся зависимость Грузіи отъ Персіи. Самъ Ираклій, въ молодости бывшій нѣсколько лѣтъ вассаломъ Надиръ-шаха, зналъ по опыту эти формы.

Иначе не могло и быть: разъ неясному и расплывчатому «покровительству» и оборотной его сторонѣ — «подданству» надо было придать отчетливыя очертанія, то откуда ихъ взять, какъ не изъ знакомой всѣмъ дѣйствительности? Юридическое

---

[1]) Грамоты, № 144. Не забудемъ, что номинальное подданство Грузіи начинается еще съ конца XVI вѣка. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ было прибавлено къ титулу московскихъ царей: «Государь Иверскія земли и грузинскихъ царей».

[2]) Ib., № 143.

творчество и находчивость, да еще въ такомъ вопросѣ, какъ соединеніе государствъ, не могло имѣть мѣста тамъ, гдѣ раны измѣряли ячменными зернами и оплачивали по счету зеренъ, и гдѣ цари собственноручно водили воиновъ въ атаку.

Свое отношеніе къ шаху Надиру и отношеніе къ Россіи самъ Ираклій сближаетъ, когда, разъясняя одно недоразумѣніе съ генераломъ Сухотинымъ, пишетъ ему: «если персидскому государю справедливо и вѣрностью служилъ, кольми паче столь долженствую служить православному государю» [1]).

Въ замѣнъ покровительства и помощи, Ираклій обязуется прислать къ В. двору, въ качествѣ заложниковъ, одного изъ сыновей своихъ, а также нѣсколькихъ князей и дворянъ. Населеніе уплачиваетъ въ казну Имперіи по 70 коп. со двора. Присылается ежегодно по 14 наилучшихъ лошадей. Взамѣнъ извѣстнаго количества невольниковъ и вьюковъ наилучшаго вина, что взималось нѣкогда мусульманами, Ираклій берется привозить ежегодно 2,000 ведеръ въ Кизляръ. Наконецъ, когда утвердится спокойствіе въ Грузіи, Ираклій будетъ представлять солдатъ съ такого числа дворовъ, съ какого числа душъ они набираются въ Имперіи. Заложники, дань деньгами, виномъ, наборы воиновъ—

1) Грамоты, стр. 487.

все это, съ небольшими видоизмѣненіями, взято изъ политическаго опыта Грузіи. Упоминается также о дани шелкомъ — обычномъ прежде въ Персіи платежномъ средствѣ [1]).

Съ другой стороны, въ словахъ Ираклія звучитъ надежда на исполненіе завѣтной національной идеи. Присылка регулярныхъ войскъ для защиты Грузіи и для военныхъ дѣйствій противъ турокъ дастъ, наконецъ, возможность вернуть отторгнутую турками Ахалцихскую область — Ираклій проситъ, чтобы ближайшей же весною было повелѣно приступить къ ея завоеванію. Это старая Грузинская земля, тамъ говорятъ по-грузински и много христіанъ. Участь же другихъ, не грузинскихъ земель, завоеванныхъ совмѣстно русскимъ и грузинскимъ оружіемъ—будетъ зависѣть отъ государыни.

Мы видимъ, что каждое слово Иракліева «представленія» опирается на плачевную исторію Грузіи и на ея чаянія, не задавленныя еще окончательно.

Содержаніе этого «представленія»—прямой источникъ договора 1783 г.

---

[1]) Какую роль игралъ сборъ шелкомъ въ доходахъ Персіи, объ этомъ много сообщаетъ Олеарій.

*

2.

Но когда Ираклій предлагалъ свои условія и отправлялъ пословъ въ Россію, вопросъ объ отозваніи русскихъ войскъ изъ Закавказья былъ рѣшенъ, и уже окончательно разочаровались въ грузинской экспедиціи и въ грузинахъ. Поэтому, продержали пословъ цѣлый годъ въ Астрахани, а затѣмъ отвѣтили на ихъ «докучныя» нросьбы отрицательно 8-го февраля 1773 г. Панинъ писалъ Ираклію, что посланное ко двору представленіе о заключеніи формальнаго союза между Россіей и Грузіей признано не своевременнымъ, и что Львовъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Грузіи, отзывается обратно [1]). А въ слѣдующемъ 1774 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія трактата въ Кучукъ-Кайнарджи прислана Ираклію грамотаИмператрицы Екатерины, въ которой приводится мысль, что теперь военная помощь и вообще открытое покровительство Грузіи едвали будетъ послѣдней выгодно; да и изъ опыта экспедиціи, видно, что при тамошнихъ несогласіяхъ и неудобствахъ, содержаніе войска въ Грузіи оказывалось безполезнымъ. Вообще же заявляется полное доброжелательство

---

[1]) Грамоты, № 167.

грузинскому народу, и особенное милостивое отношеніе къ Ираклію. Поэтому, обращаясь къ болѣе цѣлесообразнымъ средствамъ оказанія помощи, Императрица твердо намѣрена «при будущемъ заключеніи съ Портою мира формально взять отъ нея обѣщаніе о безопасности и безвредности грузинскаго народа, а на себя и точное всего того наблюденіе» [1]).

Что письмо Панина не совсѣмъ еще искоренило въ Ираклiѣ надежду на удачный исходъ посольства, видно изъ того, что во вступленіи къ договору, заключенному лѣтомъ 1773 г., отчасти по внушенію представителя Россіи, между Иракліемъ и Соломономъ Имеретинскимъ, заявляется о ихъ «всеусерднѣйшемъ желаніи находиться въ подданствѣ всепресвѣтлѣйшей государыни нашей, императрицы Е. А.» и т. д. [2]). Вторымъ пунктомъ этого договора рѣшено дѣйствовать совмѣстно противъ всѣхъ враговъ Россіи и христіанства.

Само собою разумѣется, что горькая для Ираклія

---

[1]) ib, № 179. 31 декабря 1773 г. Вручено царевичу Леону 5 февр. 1774 г. (въ С.-Петербургѣ).

[2]) ib., № 170. Грузинскій текстъ въ II-мъ томѣ, № 72. По возвращеніи изъ ихъ неудавшейся миссіи католикоса Антонія и царевича Леона, Ираклій еще разъ просилъ о разсмотрѣніи его просьбы. См. «Представленіе отъ царя Ираклія имп. Екатеринѣ II» 24 авг. 1774 г. т. II-й, № 75.

пилюля отказа вызолачивалась, какъ слѣдуетъ, золотомъ утѣшительныхъ, милостивыхъ словъ. Отказъ сколько-нибудь рѣзкій, суровый былъ бы слишкомъ грубой ошибкой, какой нельзя было ожидать не только отъ вельможъ Екатерины, но и отъ московскихъ политиковъ [1]).

3.

Такое безразличное отношеніе къ грузинскому вопросу продолжалось еще нѣкоторое время, и стоитъ въ связи съ восточными дѣлами Россіи вообще. На правомъ флангѣ наступательнаго движенія къ двумъ морямъ вниманіе ея было поглощено Крымомъ и Кубанью, въ Закавказьѣ интересы Россіи и Турціи не сталкивались послѣ трактата въ Кучукъ-Кайнарджи, персидская же политика была выжидательная. Въ Персіи пока было спокойно; Керимъ-хана признавали въ бо̀льшей ея части; но онъ не былъ такъ силенъ, чтобы

---

[1]) Вообще же тонъ писаній петербургскихъ дипломатическихъ канцелярій — величественно-снисходительный, какъ подобаетъ великой Имперіи, сносящейся съ маленькимъ народомъ, нуждающимся въ ея помощи. Иногда встрѣчаются фразы, которыхъ можно бы было и избѣжать — но, во-первыхъ, грузинскія просьбы могли причинять порой, дѣйствительно, «докуку великую»; во-вторыхъ, едвали этотъ тонъ слишкомъ задѣвалъ грузинъ, въ ихъ положеніи и при ихъ взглядѣ на Россію, какъ на источникъ всяческой истины.

безпокоить сосѣдку. Зато боялись, что излишнее вмѣшательство Россіи въ дѣла Дагестана и Закавказья можетъ вызвать усиленіе въ Персіи центральной власти и броженіе, опасное для Россіи. Итакъ, чтобы не нарушить благопріятнаго для нея усыпленія Персіи, въ 1776 году былъ очищенъ Дербентъ, куда ген. Медемъ ввелъ было гарнизонъ, безъ прямыхъ на то полномочій, по приглашенію дербентскаго Фетали-хана. Занятіе Дербента послѣдавало экспромтомъ, вслѣдъ за экспедиціей, съ карательной цѣлью, въ Дагестанъ [1]).

Одновременно съ такимъ рѣшеніемъ вопроса о Дербентѣ, рѣшенъ былъ, на основаніи Высочайшей воли, и другой, неожиданно возникшій вопросъ.

Дѣло въ томъ, что узнавъ о походѣ Медема, царь Ираклій прислалъ просить генерала, чтобы онъ приблизился къ Грузіи со стороны Дербента и предпринялъ бы завоеваніе смежныхъ странъ. Но планъ этотъ ни мало не согласовался съ политическими разсчетами Россіи и въ рескриптѣ Медему предписывается безповоротно отказать Ираклію въ такой просьбѣ [2]).

Для того, чтобы грузино-русское сближеніе приняло болѣе отчетливую, осязательную форму, не достаточно было историческаго тяготѣнія съ одной

---

[1]) Поводомъ этой экспедиціи было убійство проф. Гмелина.

[2]) Бутковъ. Матеріалы т. II, гл. 73.

стороны и платоническихъ благожеланій съ другой. Нужно было, чтобы навстрѣчу грузинскимъ исканіямъ, вытекавшимъ изъ первѣйшихъ нуждъ страны и династіи — шли не менѣе практическіе виды и разсчеты русскаго правительства. Всякій разъ, когда съ двухъ сторонъ велась линія практической политики, точка пересѣченія двухъ линій давала осязательные, практическіе результаты. Иначе, грузино-русскія отношенія не вступали въ дѣловой фазисъ. При этомъ не важно, что побужденія одной и другой стороны взаимно не гармонировали. Важно было, чтобы каждая страна шла къ опредѣленной практической цѣли—исходъ же совокупныхъ дѣйствій рѣшался не пожеланіями и ожиданіями, а наличностью обстоятельствъ и соотношеніемъ могущества. Это достаточно подтверждается изложенными эпизодами грузино-русскихъ отношеній, и дальнѣйшимъ ходомъ событій.

III.

1.

Прошло немного времени, и вниманіе Россіи снова обратилось на Грузію, снова сказалась во всей полнотѣ выгода для Россіи тѣхъ симпатій, какими она пользовалась по ту сторону Кавказскаго хребта. Пышно расцвѣтшіе теперь замыслы

на Персію снова указывали на Грузію, какъ на одну изъ пружинъ азіатской политики Россіи.

Послѣ давно ожидавшейся смерти престарѣлаго Керимъ-хана, (онъ умеръ въ Ширазѣ, въ началѣ 1779 г.) наступившая въ Персіи анархія дала русскому правительству поводъ возобновить попытку Петра Великаго—воспользовавшись смутнымъ временемъ въ Персіи, стать твердой ногой на южномъ побережьи Каспійскаго моря. Петровскіе планы относительно восточной торговли, устройства коммерческаго порта на Каспійскомъ морѣ и т. д. нашли въ князѣ Потемкинѣ продолжателя, способнаго изъ политической идеи сдѣлать фантастическій замыселъ и мѣру по существу дѣльную, практическую, обставить самыми причудливыми арабесками. Мы не будемъ говорить о проектѣ постройки города Мелиссополя (т. е. пчелинаго), куда должны были стекаться купцы изъ Тибета, Кашемира, Индіи, а также и болѣе близкихъ странъ: чувствуется, что проектъ этотъ вышелъ изъ той же лабароторіи, что и проекты городовъ въ южно-русскихъ степяхъ—съ шелковыми фабриками, консерваторіями, базиликами, пропилеями и чуть не акрополемъ [1]).

Но люди съ такими планами имѣли власть и,

---

[1]) Ср. Дитятинъ, Устр. и управл. городовъ Россіи, т. I, стр. 376.

для исполненія ихъ, могли приводить въ движеніе полки на сушѣ и корабли на моряхъ.

Заранѣе предвидя неизбѣжную послѣ смерти Керимъ-хана анархію, русское правительство, еще до его смерти, стало съ лихорадочной поспѣшностью подготовлять морскую экспедицію, а лѣтомъ 1781 г. эскадра графа Войновича уже бросила якорь въ Астрабатскомъ заливѣ. Затѣмъ, разсматривая берегъ, какъ res nullius, и войдя въ роль primi occupantis, Войновичъ не шутя приступилъ къ основанію «Мелиссополя», но увы! пчелы, которыхъ онъ тамъ искалъ, вмѣсто меда, познакомили его со своимъ жаломъ.

Владѣтель Астрабата, Ага-Магометъ-ханъ каджарскій, современемъ, основатель нынѣшней династіи шаховъ, а пока одинъ изъ претендентовъ, покинувшій Ширазъ сейчасъ же послѣ смерти Керима, чтобы изъ родового владѣнія своего начать «поиски»,—вѣроломный Ага-Магометъ-ханъ, хитростью заманилъ въ ловушку все начальство русской эскадры, и, велѣвъ схватить беззащитныхъ офицеровъ во время идиллической пирушки, наложилъ колодки на ихъ ноги.

Эта выходка Ага-Магометъ-хана не прошла ему даромъ, но основать колонію въ Астрабатскомъ заливѣ не удалось.

При наличности нѣсколькихъ претендентовъ на

иранскій престолъ, правительству русскому предстояла возможность, взвѣшивая шансы соперниковъ, обѣщать свою поддержку тому, кто за это можетъ больше дать.

Ласкался было къ Россіи и Ага-Магометъ-ханъ, но, пока, дѣла его шли не блестяще, и ему лишь напомнили о «дерзновенномъ поступкѣ его съ россійскими офицерами». Сынъ Керима, Абдулъ-Фети-ханъ молилъ о помощи, обѣщая всю Персію отдать подъ покровительство Россіи,—но онъ скоро умеръ, въ рукахъ Али-Муратъ-хана, овладѣвшаго Ширазомъ и ставшаго на время самымъ виднымъ изъ претендентовъ.

2.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что пришло опять время персидской политики, и нужно было пользоваться всѣми благопріятными обстоятельствами. При такихъ условіяхъ, нетрудно было догадаться о выгодѣ союза съ Грузіей; благодаря нему Россія имѣла бы твердую точку опоры по сосѣдству съ театромъ, на которомъ она собиралась дѣйствовать въ широкомъ масштабѣ.

Разъ союзъ съ Грузіей былъ подсказанъ русскому правительству его видами на Персію, было очень легко осуществить это дѣло, такъ какъ въ Грузіи для такого союза почва была всегда готова.

Попытки Ираклія завести сношенія и испросить помощь у императора Іосифа I не привели ни къ чему, и, понятно, что когда, черезъ нѣмецкаго искателя приключеній доктора Рейнегса, Потемкинъ сдѣлалъ ему надлежащій намекъ, Ираклію оставалось лишь повторить заявленныя имъ десять лѣтъ назадъ условія.

Въ свою очередь, весною 1783 г. Потемкинъ прислалъ свой проектъ трактата, который въ значительной части совпадалъ съ условіями Ираклія [1]).

Такимъ образомъ, 24 іюля 1783 года былъ подписанъ въ Георгіевскѣ русскими и грузинскими полномочными знаменитый трактатъ [2]), къ разсмотрѣнію котораго мы и перейдемъ.

---

[1]) Ровно за десять лѣтъ объ условіяхъ этихъ Панинъ говорилъ: «странныя и совсѣмъ и не по времени учиненныя предложенія». Грамоты etc., стр. 400.

[2]) П. С. З. № 15,835. Уполномоченными со стороны Россіи былъ генералъ-поручикъ П. Потемкинъ, со стороны Грузіи «генералъ отъ лѣвой руки» князь Іоаннъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій и князь Гарсеванъ Чавчавадзе. Послѣдній носилъ придворное званіе *мандатуртъу-хуцеси,* что невѣрно переводилось русскимъ «генералъ-адъютантъ». Что касается выраженія «генералъ отъ лѣвой руки» (точнѣе переводъ sardare de Gauche въ Mémoires inédits, relatifs à l'histoire géorg. P. 1833), то это, если не ошибаюсь,—означаетъ, что Мухранскому принадлежало обыкновенно начальство надъ лѣвымъ крыломъ, или, точнѣе, войска, сражавшіяся подъ его знаменемъ, занимали лѣвое крыло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Грузино-русскій трактатъ 1783 года.

I.

1.

Предметъ договора 1783 г. есть, какъ говорится въ именномъ указѣ Сенату, «признаніе царемъ карталинскимъ и кахетинскимъ Ираклiемъ Вторымъ надъ собою Верховной власти и покровительства Россiйскихъ императоровъ».

Издавна, гласитъ вступленіе къ трактату, «Всероссiйская Имперія по единовѣрію съ грузинскими народами служила защитою, помощью и убѣжищемъ тѣмъ народамъ» и ихъ владѣтелямъ. Покровительство царямъ грузинскимъ произвело ту зависимость ихъ отъ Самодержцевъ Россiйскихъ, которая «наипаче» обнаруживается изъ самаго императорскаго титула.

Нынѣ же заключается дружественный договоръ, посредствомъ котораго царь Грузинскій «ознаменилъ бы торжественнымъ и точнымъ образомъ обязательства свои» по отношенію къ Имперіи, а съ другой стороны, и Е. И. В. также «могла бы ознаменить торжественно, каковыя преимущества и выгоды отъ щедрой и сильной ея десницы даруются» народомъ и владѣтелямъ Карталино-кахетинскаго царства.

Признаваемая такимъ образомъ надъ Грузіей власть императоровъ очевидно исключаетъ «подданство» какой-нибудь иной державѣ. Поэтому, въ первой же статьѣ трактата Ираклій «торжественно навсегда отрицается отъ всякаго вассальства, или подъ какимъ бы то титуломъ ни было, отъ всякой зависимости отъ Персіи, или иной державы; и симъ объявляетъ передъ лицомъ всего свѣта, что не признаетъ надъ собой и преемниками инаго самодержавія, кромѣ верховной власти и покровительства Е. И. В.» и ея преемниковъ.

Этимъ Ираклій заявляетъ подданство своему сюзерену — Императрицѣ; далѣе, слѣдуетъ обѣщаніе вѣрности и готовности способствовать пользѣ Имперіи во всякомъ случаѣ, гдѣ это «будетъ потребовано» (ib. арт. 1). Съ своей стороны, Е. И. В. «равномѣрно обѣщаетъ и обнадеживаетъ императорскимъ своимъ словомъ за себя и преемниковъ

своихъ, что милость и покровительство ихъ отъ Свѣтлѣйшихъ царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ никогда отъемлемы не будутъ. Въ доказательство чего, Е. В. даетъ Императорское свое ручательство на сохраненіе цѣлости настоящихъ владѣній Е. С. Царя Ираклія Теймуразовича, предполагая распространить таковое ручательство и на такія владѣнія, кои въ теченіе времени и по обстоятельствамъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ за нимъ утверждены будутъ». (Ib., арт. 2).

Гарантія цѣлости и неприкосновенности грузинской территоріи и есть именно то, ради чего Ираклій налагаетъ на себя рядъ обязательствъ по отношенію къ Россіи. Обязательства эти лишаютъ его свободы дѣйствій, ограничиваютъ полноту его правъ, какъ государя Грузіи; и этому ограниченію, вѣрнѣе, тѣмъ ограниченіямъ, которыя указаны въ договорѣ, соотвѣтствуетъ рядъ притязаній, вытекающихъ для императорскаго правительства изъ верховенства Россіи надъ Грузіей, признаннаго Ираклiемъ, на основаніи трактата.

Преимущественное значеніе имѣютъ именно тѣ статьи трактата, которыя опредѣляютъ, чего можетъ требовать Россія отъ Грузіи (и, значитъ, къ чему послѣдняя обязана)—и чего Грузія въ правѣ ожидать отъ Россіи (что, слѣдовательно, послѣдняя обязана дать ей).

Въ этомъ соотвѣтствіи взаимныхъ правъ и обязанностей и проявляется договорный характеръ связи между Грузіей и Россіей по трактату 1783 г., хотя по характеру своему, это и есть такъ называемый foedus non aequum, т. е. неравный союзъ. Но, послѣднее обозначеніе свидѣтельствуетъ лишь о политическихъ условіяхъ, поведшихъ къ заключенію договора, и о соотношеніи могущества сторонъ; само же договорное начало и правовая природа договора ни мало отъ этого не страдаютъ.

2.

Отнынѣ, цари грузинскіе, вступая по наслѣдственному династическому праву на престолъ Карталиніи и Кахетіи, тотчасъ же извѣщаютъ объ этомъ Русское правительство и испрашиваютъ, черезъ посланниковъ своихъ, Высочайшаго «подтвержденія» на царствѣ съ инвеститурою. При полученіи инвеститурныхъ знаковъ [1]), царь въ присутствіи Россійскаго резидента приноситъ «присягу на вѣрность и усердіе къ Россійской Имперіи и на признаніе верховной власти и покровительство Всероссійскихъ императоровъ».

[1]) Именно: грамоты, знамени съ гербомъ Всероссійской Имперіи, имѣющимъ внутри себя гербъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго, сабли, повелительнаго жезла и мантіи или епанчи горностаевой (арт. 3-й).

Какое значеніе имѣетъ, въ данномъ случаѣ, императорская инвеститура? Равносильна ли она султанскому фирману, который de jure необходимъ при восшествіи на престолъ египетскихъ хедивовъ и князей болгарскихъ?

Или возьмемъ примѣръ болѣе близкій. Цари-мусульмане получали власть надъ Грузіей на основаніи шахскихъ указовъ; присылались и подарки, имѣвшіе значеніе инвеститурныхъ знаковъ. Съ точки зрѣнія грузинской—національной и христіанской—Багратиды имѣли власть «Божьей милостью». Но съ точки зрѣнія персидской—а также грузинъ-ренегатовъ, вступленіе на престолъ обусловливалось, въ такихъ случаяхъ, шахскимъ фирманомъ. Поэтому, они были царями «милостью счастливаго шаха» [1]).

Какое же значеніе имѣла инвеститура русскихъ императоровъ, по трактату 1783 г.? Она ничего не имѣла общаго съ инвеститурой шахской. Цари «вступаютъ наслѣдственно на царство ихъ»—а затѣмъ, немедленно озабочиваются испрошеніемъ императорской инвеституры. Послѣдней обусловливается не власть царя въ Грузіи, а лишь право на «преимущества и выгоды», даруемыя царямъ Карталиніи и Кахетіи разбираемымъ трактатомъ.

[1]) Впрочемъ, въ грамотахъ, оба источника власти, Богъ и шахъ, упоминаются иногда одновременно.

Такимъ же условіемъ является и присяга, приносимая царемъ. Иначе говоря, царь восходитъ на престолъ и приводитъ къ присягѣ своихъ подданныхъ независимо отъ инвеституры; но притязать на помощь и покровительство Россіи онъ можетъ лишь послѣ полученія инвеституры и принесенія присяги, по формѣ, установленной трактатомъ.

Какія же обязанности вытекаютъ для царя изъ признанія надъ собой верховенства Имперіи?

Прежде всего—и въ этомъ заключается ограниченіе полновластія Ираклія—онъ отказывается отъ свободы внѣшнихъ сношеній, которыя отнынѣ могутъ совершаться только по предварительному соглашенію съ пограничнымъ начальствомъ и съ резидентомъ.

Далѣе, Ираклій обязуется способствовать пользѣ Имперіи при всякомъ требованіи. Но это общее постановленіе арт. 1 получаетъ ближайшее разъясненіе въ арт. 7, по которому царь обѣщаетъ «быть всегда готовымъ на службу Е. В. съ войсками своими».

Что же обѣщано царямъ за признаніе верховенства, отказъ отъ самостоятельной внѣшней политики и готовность «служить?» Гарантія и полная неприкосновенность территоріи; обезпеченіе и въ будущемъ престола за династіей Багратіоновъ; невмѣшательство въ сферу внутренняго управленія

Грузіи. Затѣмъ, какъ прямое послѣдствіе отказа отъ внѣшнихъ сношеній и тѣснаго единенія Грузіи съ Имперіей — статьею 6 установляется, что миръ съ Портой Оттоманской или Персіей, или иной державой, заключаемый Россіей, распространяется и на Грузію. Но, артикулъ этотъ надо понимать шире—изъ всего трактата ясно, что въ международныхъ дѣлахъ владѣнія Ираклія будутъ считаться входящими въ составъ Имперіи. Конечно, главное значеніе имѣли отношенія Грузіи къ Турціи и Персіи; въ 1783 г. Россія взялась быть для Грузіи стѣной и оплотомъ противъ мусульманъ.

Таковы обязательства сторонъ по трактату 1783 г.; таковы его существенные черты — болѣе подробнаго разсмотрѣнія трактатъ этотъ не заслуживаетъ, такъ какъ, въ самыхъ главныхъ своихъ частяхъ, оказался сочетаніемъ словъ и желаній, не увидѣвшихъ своего осуществленія. Скажемъ лишь, что всѣ прочія многочисленныя опредѣленія трактата естественно вытекаютъ изъ взаимной связи и близости, какая создавалась между Имперіей и Грузіей трактатомъ 1783 г. [1]).

---

[1]) Грузинскій текстъ трактата и сепаратныхъ артикуловъ напечатанъ у Цагарели, т. II, № 76, стр. 99 — 110. Отличительную черту грузинской редакціи составляетъ болѣе полный титулъ царя. Здѣсь онъ титулуется: «наслѣдственный государь и владѣтель Ираклій Второй, Божьей милостью и

II.

Спрашивается, теперь, къ какому типу общенія государствъ относится «дружественный союзъ», созданный этимъ трактатомъ? Была ли Грузія (отъ 1783—1801 г.) въ вассальной зависимости отъ Россіи, или находилась подъ ея протекторатомъ? Ни то, ни другое, или, лучше, одновременно и то, и другое. Можно подумать, что это — какъ разъ отношеніе вассальной зависимости, потому что Ираклій, ради своего подданства Россіи, обѣщаетъ не становиться въ вассальную зависимость ни отъ кого другого.

Конечно, говоря вообще, Ираклій былъ вассаломъ Россіи, купившій у нея цѣной обязанности «служить» полную гарантію своихъ владѣній и престола. Но зависимость Грузіи не была вассальной въ точномъ и спеціальномъ смыслѣ слова. Грузія была послѣ 1783 г. государствомъ несуверенннымъ, зависящимъ отъ другого; но, она стала

благоволеніемъ Е. И. В. царь Карталинскій, царь Кахетинскій, наслѣдственный владѣтель Самцхе-Саатабагскій, владѣтельный князь Казахскій, Борчалинскій, Шамшадильскій, Какскій, Шакійскій, Ширванскій, владѣтель и повелитель Ганджи и Эривани». См. тамъ же ратификацію Ираклія отъ 24 янв. 1784 г., скрѣпленную князьями Давидомъ Орбеліани и Кайхосро Чолокаевымъ.

несувереннымъ государствомъ путемъ добровольнаго отреченія отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ, путемъ договорнаго самоограниченія, а не является созданіемъ государства-сюзерена, сообщающаго односторонней волей своей свойства несувереннаго государства провинціи или завоеванной странѣ. Только въ послѣднемъ случаѣ — когда зависимая политическая единица является креатурой сюзерена (съ юридической точки зрѣнія), можно говорить о вассальности [1]). Примѣръ: вассальныя государства, входящія (de jure) въ составъ Оттоманской имперіи — они созданы султанскими фирманами. Болѣе старымъ и типичнымъ примѣромъ можетъ служить обычный въ средніе вѣка актъ предоставленія сюзереномъ кому-нибудь леннаго владѣнія со всѣми относящимися сюда правами и властью, подъ условіемъ вассальной службы.

Очевидно, что въ этомъ смыслѣ Грузія не была вассаломъ Россіи. Но въ договорномъ отношеніи, созданномъ трактатомъ 1783 г., нельзя видѣть и протектората въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ «служба» сюзерену, играющая видную роль въ грузино-русскомъ договорѣ, для протектората никакого значенія не имѣетъ [2]). Общаго же у Гру-

---

[1]) Despagnet. Essai sur les protectorats. p. 46 — 48.

[2]) Поэтому, едвали правильно мнѣніе, будто «зависимость Грузіи по трактату 1783 года представляла чистый видъ про-

зіи съ государствами, находящимся подъ протекторатомъ, то, что всѣ они были государствами до и независимо отъ установленія позднѣйшей зависимости.

Итакъ, разбираемый случай не подходитъ ни подъ понятіе вассальности, ни подъ понятіе протектората—въ строгомъ смыслѣ, и подходитъ одинаково и подъ одно, и подъ другое, если разумѣть ихъ болѣе обще.

Названныя понятія созданы юридической догматикой, имѣющей дѣло съ опредѣленнымъ кругомъ фактовъ. Поэтому они и не имѣютъ общаго значенія [1]).

Но такія общія понятія, какъ несуверенное государство, самоограниченіе путемъ договора и двустороннее соглашеніе (стипуляція) относительно

тектората», высказанное въ прекрасной статьѣ И. Х. «Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской Имперіи. (Юридическій Вѣстникъ за 1891 г., № 7—8, стр. 354.

[1]) Поэтому же они шатки, произвольны и расплывчаты, когда изъ нихъ желаютъ дѣлать общія категоріи. Благоразумнѣе держаться такихъ широкихъ классификацій, какъ напр. у Rivier, Principes du droit des gens T. I., p. 79—93 (le protectorat du suzerain, le protectorat, espèce particulière de souveraineté coloniale, le protectorat proprement dit ou la protection) Различаютъ также протекторатъ государственнаго права (что равносильно вассальной зависимости) и протекторатъ международнаго права и т. д. Нашъ случай относится къ послѣднему разряду.

того, въ чемъ будетъ состоять зависимость—охватываютъ и нашъ случай, и мы видимъ, что съ 1783 г. Грузія является несувереннымъ государствомъ, обязавшимся службой сюзерену и отказавшимся въ его пользу отъ самостоятельнаго завѣдыванія внѣшними дѣлами, въ замѣнъ гарантированной ему международной охраны его территоріи и обезпеченія престола за національной династіей [1]).

Что касается формы, въ которой выразилась зависимость Грузіи отъ Россіи по трактату 1783 г., то мы уже видѣли какъ должны были вліять на эту форму черты былой зависимости Грузіи отъ Персіи. Востокъ гораздо долѣе, чѣмъ Западъ, хранилъ и хранитъ всякіе образцы политическихъ соединеній, основанныхъ на отношеніи сюзерена и вассала. Точно также прибѣгала къ этимъ формамъ, подражая тому, что было на мѣстѣ, и Остъ-индская компанія, заключившая съ индійскими государями не мало договоровъ, похожихъ на договоръ 1783 г. Но, хотя въ договорахъ этихъ и говорилось о «службѣ», какой раджи обязаны компаніи, преимущественно, въ видѣ военной помощи,

[1]) Не трудно замѣтить, какъ первоначальныя предложенія Ираклія получили шлифовку въ трактатѣ. О дани, которую Ираклій обязывался платить—въ немъ нѣтъ ни слова: всякій пойметъ, что если Ираклій могъ ее предлагать, то Императрицѣ не пришло бы въ голову согласиться на это.

но англичанъ занимала, главнымъ образомъ, не эта помощь, а контроль надъ политикой раджей и устройство выгодныхъ для компаніи комбинацій между туземными князьями. Поэтому, мало-по-малу вассальность замѣнялась чистымъ протекторатомъ, вообще же, договоры компаніи съ индійскими князьями представляютъ переходную ступень отъ настоящей вассальной зависимости къ настоящему протекторату [1]).

И отношеніе Грузіи къ Россіи 1783—1801 г., не отличаясь тщательностью и законченностью юридической отдѣлки, относится къ «переходнымъ» формамъ соединеній, да и въ жизни имѣло переходное — и весьма преходящее значеніе.

Съ приведенными оговорками, можно его (т. е. это отношеніе), для удобства, называть протекторатомъ — и, затѣмъ, приступить къ разсмотрѣнію того, какъ Россія этотъ протекторатъ осуществляла.

---

[1]) Heilborn. Das völkerrechtliche Pretektorat., S. 5.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Грузія подъ протекторатомъ Россіи.

I.

Поздней осенью 1783 г. прибыли въ Тифлисъ вслѣдъ за ратификаціей и инвеститурными знаками—два россійскихъ баталіона. Очевидно, такое количество войска признавалось достаточнымъ для гарантіи цѣлости грузинской территоріи и будущихъ пріобрѣтеній (т. е. тѣхъ «земель грузинской короны», которыя надо было еще отобрать у мусульманъ [1]).

А лѣтомъ 1787 г. полковникъ Бурнашевъ, во время похода грузинъ и русскихъ баталіоновъ подъ Ганджу, получаетъ повелѣніе оставить Закавказье;

---

[1]) Относительно войскъ, имѣющихъ быть введенными въ Грузію, было постановлено въ «сепаратныхъ артикулахъ», также какъ и о возвращеніи отторгнутыхъ провинцій.

не смотря на усиленныя просьбы царя, не смотря на то, что приходилось не довести до конца удачно начатый походъ, Бурнашевъ, исполняя приказаніе, маршируетъ обратно и возвращается, съ русскимъ отрядомъ, на «линію». Почему же такое, повидимому, пагубное для Грузіи рѣшеніе?

Какъ это ни странно, но однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ отозванія войскъ изъ Грузіи было то соображеніе, «что царю Ираклію удобнѣе будетъ обезопасить себя черезъ возобновленіе прежнихъ своихъ союзовъ, разрушившихся единственно пребываніемъ въ землѣ его россійскихъ войскъ».

Необходимо пояснить, что 7 сентября того же 1787 г. объявленъ былъ манифестъ о войнѣ съ Турціей (это вторая турецкая война). Правительство русское не думало на этотъ разъ учинять противъ Турціи «диверсію» со стороны Грузіи, и, поэтому, русскіе батальоны не должны были тамъ оставаться. На первый взглядъ можетъ казаться непонятнымъ, почему покидаютъ русскіе баталіоны Грузію передъ самой русско-турецкой войной, когда (казалось бы, по смыслу и буквѣ трактата) непріятели Россіи суть непріятели Грузіи, и обратно; и особенно, когда незадолго до того Грузія выдержала разрушительное и крайне опасное вторженіе предпріимчиваго Омаръ-хана Аварскаго, съ которымъ не умѣли справиться соединенныя

русско-грузинскія силы? Этого Омаръ-хана вдохновляла всячески Порта, черезъ ахалцихскаго пашу; какъ вообще она травила всѣхъ и вся на Грузію послѣ трактата 1783 года, чувствуя, кто стоитъ за спиной Грузіи, и что̀ разумѣется подъ возвратомъ старыхъ грузинскихъ земель [1]).

И, однако, какъ это ни парадоксально, но отозваніе русскихъ войскъ имѣло благопріятное послѣдствіе для Грузіи. Она на нѣкоторое время вздохнула свободнѣе.

Въ чемъ же дѣло? Просто въ томъ, что присланныхъ Россіей войскъ и примѣнявшихся ею средствъ протектората не было достаточно для того, чтобы обезопасить Грузію и дать ей покой; но было совершенно достаточно для того—и только для того, чтобы взбудоражить всѣ осиныя гнѣзда вокругъ Грузіи, всѣхъ пашей, хановъ, весь Дагестанъ [2]).

---

[1]) «Содержаніе 2-го арт. трактата, коимъ императрица Екатерина распространяла ручательство и на такія владѣнія царя Ираклія, кои въ теченіе времени пріобрѣтены будутъ, указывало прямо на ахалцихскій пашалыкъ или Самцхе-Саатабаго, древнее достояніе царей грузинскихъ». Бутковъ, т. II, гл. 125, Объявлять о такихъ замыслахъ предъ «лицомъ всего свѣта» было грубой ошибкой со стороны заключавшихъ трактатъ.

[2]) Даже побѣды, одержанныя, напримѣръ, въ 1785 г., не имѣли иныхъ послѣдствій. «Протекція, какую съ 1783 г. давала Россія Грузіи, сказано было въ 1801 г. въ Государственномъ

Неудивительно, что разъ не сочли нужнымъ оказать помощь и протекцію въ полной мѣрѣ, такъ ужъ заблагоразсудили увести войска и предоставили на усмотрѣніе Праклія «обезопасить себя черезъ возобновленіе прежнихъ своихъ союзовъ (т. е. съ пашами и ханами), разрушившихся единственно пребываніемъ въ странѣ его россійскихъ войскъ».

Но это зрѣлище сюзерена, взявшаго на себя заботу о внѣшней безопасности вассала и предлагающаго странѣ, находящейся подъ его протекторатомъ, выпутываться *самостоятельной дипломатіей* [1]) изъ затрудненій, къ которымъ привелъ этотъ протекторатъ — это зрѣлище разительное, чрезвычайное!

II.

1.

Когда въ 1783 г. заключали трактатъ съ Иракліемъ, и дружественный русскій отрядъ вторично

Совѣтѣ, вовлекло сію несчастную землю въ бездну золъ, которыми она приведена въ совершенное изнеможеніе» ets. Арх. Госуд. Совѣта, т. III, ч. 2-я, 1197.

[1]) Именно отказъ государства, находящагося подъ покровительствомъ, отъ самостоятельной дипломатіи и составляетъ основное требованіе протектората.

проникъ въ долины Грузіи мрачнымъ Даріаломъ, имѣлась въ виду не одна охрана страны, отдавшейся въ покровительство Россіи, но нѣчто больше. Грузія должна была быть лишь однимъ изъ аванпостовъ — и правымъ флангомъ наступательнаго движенія въ Персію.

Мы видѣли, каковы были замыслы Россіи послѣ смерти Керимъ-хана. Не смотря на неудачу графа Войновича, планъ Потемкина не только не захирѣлъ, но, напротивъ, расцвѣлъ еще больше.

Послѣ принятія въ подданство Грузіи, сталъ искать того же одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей Дагестана, шамхалъ Тарковскій. Еще до заключенія трактата 1783 г., обращались къ кн. Потемкину съ просьбой о покровительствѣ и помощи армянскіе мелики, утѣсняемые Ибрагимъ-ханомъ Карабагскимъ.

При такихъ условіяхъ зародилась мысль о принятіи въ протекцію Россіи Карабага и Карадага, объ одновременномъ наступленіи съ двухъ сторонъ— изъ Кизляра, черезъ Дербентъ, на югъ—и изъ Грузіи. Тогда же шли приготовленія въ Астрахани (думали, конечно, дѣйствовать и съ моря), и экспедицію предполагали предпринять лѣтомъ 1784 г. (чтобы раньше покончить съ дѣлами Кубани и Крыма). Но дипломатія Турціи въ Адербейджанѣ оказалась успѣшнѣе русской: Портѣ удалось пере-

тянуть на свою сторону хановъ Карабагскаго и Хойскаго, склонявшихся уже было къ подданству Россіи.

Вслѣдъ затѣмъ, всякія рѣшительныя дѣйствія были пріостановлены, такъ какъ мелькнула возможность безкровнаго пріобрѣтенія многихъ земель.

Уже было сказано, что Али-Муратъ-ханъ, племянникъ Керимъ-хана, былъ въ это время сильнѣйшимъ изъ персидскихъ претендентовъ. Желая стать настоящимъ, признаннымъ шахомъ и считая, что никто, кромѣ Россіи, не можетъ закрѣпить за нимъ престола Сефевидовъ, онъ вошелъ въ сношенія съ кавказской «Линіей»—и предложилъ, за удовлетвореніе его просьбы,—болѣе чѣмъ щедрое вознагражденіе; помимо торговыхъ привилегій, онъ отдавалъ Россіи всѣ ея старыя завоеванія на берегахъ Каспія, [1]) сверхъ того, области Карадагскую, Карабагскую, Нахичеванскую и Эриванскую—т. е. болѣе того, чѣмъ мы теперь владѣемъ.

Князь Потемкинъ немедленно же отправилъ въ Персію спеціальнаго агента—но не суждено было осуществиться сказочной перспективѣ пріобрѣтенія задаромъ персидскихъ провинцій. Раньше чѣмъ дѣло дошло до окончательныхъ переговоровъ, Али-муратъ-ханъ умеръ (въ началѣ 1785 г.).

[1]) Уступленныя обратно трактатами Рештскимъ и Ганджійскимъ (1732—1735).

Тогда опаснѣйшій противникъ зендовъ, Ага-Магометъ-ханъ Каджаръ овладѣлъ Тегераномъ.

Однако, зенды еще далеко не складывали оружія. Братъ умершаго Али-Муратъ-хана, Джаферъ, утвердился въ Испаганѣ и оспаривалъ первенство въ Персіи у будущаго основателя каджарской династіи.

Ѣхавшій съ миссіей къ Али-Муратъ-хану, полковникъ Тамара, пытался завязать сношенія съ Джаферъ-ханомъ, но безуспѣшно.

2.

Долго пришлось Ага-Магометъ-хану работать надъ дѣломъ объединенія Персіи. Не дешево, цѣной многихъ пораженій и неудачъ, путемъ вѣроломства и военнаго счастія, досталась ему, наконецъ, побѣда надъ зендскими владѣтелями. Въ 1789 г. умеръ Джаферъ-ханъ, но затѣмъ, его сынъ, храбрый Лютфъ-Али-ханъ, долго еще ставилъ помѣхи властолюбію Каджара. Только въ 1792 г. Ага-Магометъ-ханъ сталъ господиномъ въ Ширазѣ, а къ 1795 г., съ окончательнымъ торжествомъ надъ Лютфъ-Али-ханомъ, почти вся Персія повиновалась, наконецъ, одному господину.

Каковы же были отношенія Ага-Магометъ-хана къ Грузіи и къ Россіи?

За десять лѣтъ до того, когда и половина Персіи

не признавала еще его власти надъ собой, когда ему нужна была опора въ борьбѣ съ другимъ, столь же, какъ и онъ сильнымъ, претендентомъ, Джаферъ-ханомъ, Ага-Магометъ увѣрялъ Ираклія въ своей дружбѣ и пытался черезъ него добиться русской помощи [1]).

Съ своей стороны, князь Потемкинъ, зная, какъ усилился Ага-Магометъ-ханъ и предполагая получить отъ него то, чего по обстоятельствамъ не могъ ему дать Али-Муратъ-ханъ—отвѣтилъ на заигрыванія Ага-Магомета посылкой особаго агента съ письмомъ, полнымъ благопожеланій и надеждъ на дальнѣйшее сближеніе.

III.

Но, если въ интересахъ Ага-Магометъ-хана было ласкаться къ Ираклію и къ Россіи, пока онъ былъ лишь однимъ изъ соперниковъ въ борьбѣ, исходъ

[1]) 23 декабря 1786 г. полномочный министръ Ираклія при Высочайшемъ Дворѣ, князь Г. Р. Чавчавадзе сообщилъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что ѣздившій въ Персіи по своимъ дѣламъ князь Циціановъ привезъ царю Ираклію отъ Ага-Магометъ-хана (передъ тѣмъ овладѣвшаго Испаганомъ) увѣренія въ дружбѣ, обѣщаніе уступить всѣ адербейджанскія провинціи по сосѣдству съ Грузіей—и просьбу, выхлопотать ему поддержку Россіи. Цагарели, т. II, Грузин. тексты, № 78. Но Ага-Магометъ-ханъ сносился и непосредственно съ Кавказской Линіей.

которой могъ зависѣть отъ всякихъ превратностей; и пока, по сосѣдству съ Россіей, и не безъ поощренія съ ея стороны, мятежный братъ его оспаривалъ у него власть на южномъ берегу Каспія [1]); то инымъ долженъ былъ быть образъ дѣйствій повелителя Ирана, какимъ сталъ теперь Ага-Магометъ-ханъ. Возродился Иранъ, возродились и притязанія его, вытекавшія изъ старыхъ традицій и памяти о болѣе славномъ прошломъ.

Вотъ когда вопросъ о Грузіи выдвинется впередъ; пришло время для Персіи напомнить, какъ она понимаетъ свое отношеніе къ Гурджистану; пришло время Россіи показать, какъ она защищаетъ тѣхъ, кого приводитъ къ присягѣ на подданство.

Главный смыслъ трактата 1783 года для Грузіи заключался въ томъ, чтобы найти обезпеченіе противъ возможнаго вторженія Персіи — вторженія, неизбѣжнаго лишь только появится властелинъ, способный служить возстановленію сферы вліянія и могущества Ирана [2]).

[1]) Муртаза-Кули-ханъ неоднократно овладѣвалъ Гиляномъ и Рештомъ. Съ Рештомъ русскіе купцы давно вели торговлю, а гилянская провинція всегда привлекала особенное вниманіе Россіи; отсюда поддержка Муртаза-Кули-хану, желавшему съ помощью Россіи утвердиться въ Гилянѣ. Бутковъ, т. II и III.

[2]) Это правильно понимаетъ Робертъ Ватсонъ. Царь Ираклій, по словамъ англійскаго автора, предвидѣлъ, что Персія

Грузія, давно независимая и свободная отъ обязательствъ по отношенію къ Персіи, Грузія, торжественно отрекшаяся отъ всякой связи съ ней въ будущемъ—въ глазахъ персіянъ все еще была ихъ достояніемъ, добытымъ безконечными, хотя далеко не всегда удачными, походами ихъ шаховъ. Теорія вассальной зависимости Грузіи отъ Персіи подсказывалась персіянамъ ихъ политическими интересами, боязнью передъ наступленіемъ Россіи черезъ Грузію; теорія эта пережила факты, нѣкогда ей соотвѣтствовавшіе; теперь пытались оживить эту старину, безповоротно отжившую, какъ показало послѣдующее.

Грузія находилась подъ открытымъ и формальнымъ покровительствомъ Россіи. Но одна сѣнь крыльевъ россійскаго орла, umbra alarum, не могла задержать дерзости шакаловъ и гіенъ. Нужны были пушки и баталіоны. А ихъ то и не прислали.

Какъ мы знаемъ, въ 1787 г. русскій отрядъ былъ отозванъ изъ Грузіи. Къ приведеннымъ причинамъ этого увода—и дальнѣйшей неприсылки

не проститъ ему его успѣховъ «когда придетъ день, и Персія опять будетъ имѣть одного правителя; вотъ почему, онъ подготовился на этотъ случай, вступивъ въ тѣсный союзъ, оборонительный и наступательный, съ Императрицей Россіи». R. G. Watson. A history of Persia etc. 1866, p. 89.

условленной по трактату военной помощи—прибавимъ еще одну: неудачу плана касательно занятія персидскихъ провинцій одновременно со стороны Грузіи и Каспійскаго моря.

Держать же въ Грузіи войска только для ея защиты не было разсчета. Въ 1792 г., на усиленную просьбу Ираклія прислать обѣщанные два баталіона, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ генералу Гудовичу, начальствовавшему на Линіи, съ изъясненіемъ, что нынѣ «отправлять въ Грузію войска за благо не пріемлется» [1]). Посольство князя Гарсевана Чавчавадзе въ 1794 г. имѣло не больше успѣха [2]).

---

[1]) Подробности въ «Матеріалахъ» Буткова.

[2]) Вторая кредитивная грамота Г. Чавчавадзе отъ 12 дек. 1793 г. у Цагарели, Груз. тексты, № 84; ср. письмо Ираклія Платону Зубову, отъ того же числа, ib. № 85: «представленіе» Ираклія имп. Екатеринѣ II 17-го января 1795 г., ib. № 88, его же письмо къ гр. Безбородко 27 января 1795 г.; наконецъ, подана была кн. Чавчавадзе записка въ Иностр. Коллегію; грузинскій полномочный напоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что со времени объявленія турецкой войны, когда грузины особенно надѣялись на помощь, они ея вовсе лишены; что теперь «усилился Ага-Магометъ-ханъ и уже приблизился къ границамъ нашимъ и, находясь теперь въ Ардевилѣ, замышляетъ привести Грузію въ то состояніе, въ какомъ она была во времена шаховъ персидскихъ насиліемъ». Въ настоящее время царь взываетъ о помощи къ своей могущественной покровительницѣ и т. д. Кн. Чавчавадзе проситъ

Чтобы помощь Грузіи и протекторатъ не оставались звукомъ пустымъ, необходимо было предоставленіе пограничному начальству дискреціонной власти — оказывать содѣйствіе, въ извѣстныхъ рамкахъ, конечно, но не ожидая всякій разъ на то указа изъ Петербурга. Иначе, Грузія могла быть завоевана и разграблена десять разъ, прежде чѣмъ сдѣлано будетъ нужное распоряженіе о помощи.

Дискреціонная власть, о которой мы говоримъ, была условлена сепаратными артикулами трактата 1783 г. [1]). Но названный рескриптъ 1792 г., въ глазахъ ген. Гудовича отмѣнялъ право его оказывать пособіе по усмотрѣнію, и онъ ограничивался донесеніями и представленіями правительству о необходимости помочь—и платоническими угрозами персіянамъ.

Въ результатѣ оказалось, что только 4-го сентября 1795 г. Высочайше повелѣно «подкрѣпить царя Ираклія, яко вассала Россійскаго противъ непріязненныхъ на него покушеній, положенными по трактату съ ними двумя полными баталіонами

Коллегію содѣйствовать ускоренію резолюціи, въ виду необходимости помочь заблаговременно, ib. № 90, стр. 117—118. Ср. полное тревоги письмо супруги Ираклія имп. Екатеринѣ отъ 6-го іюня 1795 г., ib. № 93.

¹) Ср. Бутковъ, Матеріалы. т. II, с. 128 и 335.

пѣхоты». Высочайшее повелѣніе это получено ген. Гудовичемъ 1 октября, а еще 12 сент.—Тифлисъ былъ взятъ и разоренъ Ага-Магометъ-ханомъ.

2.

Не смотря на свое кажущееся торжество, Ага-Магометъ-ханъ не достигъ главнаго: «валій» Гурджистанскій продолжалъ быть царемъ Грузіи, и не признавалъ надъ собой верховенства Персіи. Не долго занимали персіяне столицу Грузіи—ихъ экспедиціи вглубь страны не имѣли успѣха, и еще въ октябрѣ 1795 г. они покинули предѣлы царства, царь вернулся въ Тифлисъ, энергично стали подымать его изъ развалинъ, и все пошло по-старому.

Понятно, что Ага-Магометъ, до взятія Тифлиса, дѣлалъ предложенія Ираклію, и очень для него выгодныя, лишь бы онъ ему подчинился.

Затѣмъ, когда разрушенный Тифлисъ былъ занятъ персіянами, переговоры возобновились. Ага-Магометъ-ханъ обѣщалъ вернуть всѣхъ плѣнниковъ и поставить Ираклія надъ всѣмъ Адербейджаномъ, требуя отъ него за это признанія покорности и присылки заложникомъ одного изъ царевичей. Навѣрное можно сказать, что было бы благоразумно

со стороны грузинъ признать, хотя бы временно, верховенство шаха, и отвести такимъ образомъ тяжкіе удары, обрушившіеся на страну [1]). Поведеніе Ираклія по отношенію къ Ага-Магометъ-хану и его готовность вступить въ очевидно неравный бой, не измѣняя сюзерену, которому присягнулъ, будетъ всегда служить примѣромъ рыцарства (и того, какъ оно бываетъ невыгодно въ политикѣ!). Одинъ современникъ сообщаетъ, что когда вернулся посланный Иракліемъ къ Ага-Магометъ-хану и сообщилъ его предложенія, то «не смотря на желаніе грузинъ войти въ соглашеніе съ персіянами, царь, будучи знакомъ съ вѣроломствомъ евнуха (т. е. Ага-Магомета) и зная, что нельзя ему довѣрять, не захотѣлъ положиться на его обѣщанія. Впрочемъ, онъ съ давнихъ уже поръ находился подъ покровительствомъ Россіи, и, связавъ себя съ этой

---

[1]) Нѣкоторые идутъ дальше и признаютъ заключеніе самаго трактата 1783 г. неблагоразумнымъ шагомъ со стороны Ираклія. Ссылаясь на исторію грузино-персидскихъ отношеній. Picault говоритъ по поводу трактата 1783 г.: «on se persuadera sans peine que la Russie ne pouvoit, d'une part, faire une acquisition plus précieuse, et que, de l'autre part, un marché plus onéreux ne pouvoit être conclu par les princes géorgiens. La soumission nominale à la Perse étoit virtuellement l'indépendance, tandisque la plus foible liaison avec la Russie devenait l'équivalent d'une servitude positive». Histoire des révolutions de Perse, v. II, p. 409.

стороны обѣщаніемъ вѣрности, онъ не желалъ вступать въ союзъ съ Персіей» [1]).

Еслибы планъ Ага-Магометъ-хана относительно Грузіи удался и, какъ въ былое время, валій Гурджистанскій согласился держать мечъ при обрядѣ шахскаго коронованья, тогда шансы Персіи много бы увеличились. Тогда была бы поставлена серіозная преграда русскому наступленію въ Дагестанъ и Адербейджанъ, и всѣ ханы поспѣшили бы окончательно и болѣе надежнымъ образомъ признать Ага-Магометъ-хана. Не забудемъ, что разореніе Грузіи не могло не уронить временно престижа Россіи.

Однако, насколько правильна была мысль каджарскаго властителя, настолько неудачный исходъ его похода грозилъ Персіи дальнѣйшими бѣдствіями. Разъ Грузія оставалась въ сферѣ русскаго вліянія, русская политика имѣла всегда точку опоры за Кавказомъ, и эта точка опоры постепенно превра-

---

[1]) Но и со стороны персіянъ многіе противились примиренію: ханъ Ганджійскій, до 1795 г. вассалъ Ираклія, боялся кары съ его стороны (она и постигла его въ слѣдующемъ же году); другіе не согласились бы отдать назадъ плѣнныхъ, которыхъ успѣли уже между собою раздѣлить.

Ср. извлеченія изъ ненапечатанныхъ мемуаровъ у Brosset, Histoire moderne, II, livr. 2, p. 265; и его же Mémoires inédits relatifs à l'Histoire et à la langue géorgiennes, литограф. париж. изданіе 1833 г., ч. II, §§ 79—108.

тится въ точку притяженія—вольнаго или невольнаго—для всѣхъ сосѣднихъ ханствъ, лишь на живую нитку пришитыхъ къ Персіи.

IV.

На самомъ закатѣ дней и царствованія Екатерины Великой, правительство русское снова вернулось къ мысли осуществить грандіозный планъ Потемкина относительно Персіи. Вторженіе Ага-Магомета-хана въ Грузію давало Россіи законное основаніе вступить съ оружіемъ въ персидскіе предѣлы. Съ самаго 1796 года на Линіи стали готовиться, по петербургскому указу, къ походу.

Душой дѣла были братья Зубовы; главное командованіе экспедиціей поручалось графу Валерьяну Александровичу, и въ рескриптѣ, данномъ ему 19 февраля, изложена цѣлая политическая программа, идущая путемъ плановъ Петра и замысла Потемкина. Опять загорается надежда на «богатый торгъ» при берегахъ Каспійскаго моря и внутри Персіи; опять взоры видятъ вдали Индію и ея богатства. Тожественны планы—тожественны и средства; какъ въ 1722 г., какъ въ 1783—1784 гг., такъ и теперь думаютъ наступать съ двухъ сторонъ; опредѣлено дѣйствовать двумъ корпусамъ—каспійскому вдоль берега моря, кавказскому же начать съ за-

воеванія, изъ Грузіи, странъ между Курой и Араксомъ. Какъ видно, Екатерина надѣялась украсить конецъ своего царствованія неожиданнымъ и блестящимъ расширеніемъ своихъ владѣній въ Азіи. Что не удалось Потемкину, могло удасться Зубовымъ.

Въ мартѣ 1796 г. изданъ манифестъ «о вступленіи россійскихъ войскъ въ предѣлы Персіи противъ похитителя власти въ семъ государствѣ» [1]) Нѣкогда Петръ, открывая военныя дѣйствія противъ Персіи, заявлялъ, что не съ персіянами онъ идетъ воевать, а лишь наказывать бунтовщиковъ; такъ и теперь Императрица, не признавая Ага-Магометъ-хана шахомъ и видя въ немъ своего рода «бунтовщика» въ большомъ масштабѣ, начинаетъ съ того, что объявляетъ «милость и благоволеніе» всѣмъ и каждому, особенно же «знаменитымъ сипехисаларамъ, валіямъ» и т. д. «честнымъ кадіямъ», вообще, всѣхъ чиновъ людямъ.

Въ манифестѣ говорится о противодѣйствіи мирнымъ торговымъ сношеніямъ, какія Россія встрѣчала въ Персіи, напоминается объ обидѣ, нанесенной графу Войновичу. Но все же это еще не исполнило бы мѣры миролюбія, «еслибы помянутый хищникъ Ага-Магомедъ... не распространилъ наконецъ насильствія и лютости свои въ оскорбле-

[1]) П. С. З. № 17451.

ніе правъ и достоинства нашей Имперіи, даже до впаденія въ Грузію», что сопровождалось завладѣніемъ столицей царя, находящагося подъ покровительствомъ Россіи, разореніемъ церквей и т. д.

Такимъ образомъ, формальнымъ поводомъ войны послужило посягательство на грузинскую территорію, находившуюся подъ протектаторомъ Имперіи.

Всякій разъ, какъ Грузія привлекала вниманіе Россіи, въ качествѣ орудія политики въ дѣлахъ персидскихъ, естественно, что Россія предпочитаетъ орудіе сильное, дѣятельное—орудію слабому. Поэтому, неудивительно, что въ 1783—1784 гг. думали усилить Грузію не только военной помощью и присылкой въ подарокъ пушекъ [1]), но и присоединеніемъ новыхъ земель—правда, когда онѣ будутъ завоеваны.

Такъ и во время экспедиціи Зубова, усиленіе Грузіи прямо входило въ программу русской политики (имѣлось въ виду, сверхъ того, также какъ и при Потемкинѣ, возстановленіе Арменіи). Думали окончательно присоединить къ Грузіи платившіе ей дань ханства—Ганджійское и Эриванское. Во избѣжаніе слабости, могущей произойти

---

[1]) Значительная часть которыхъ такъ и не дошла по назначенію. О присылкѣ пожалованной, по застрявшей въ дорогѣ артиллеріи, грузины хлопотали еще наканунѣ самаго присоединенія.

отъ споровъ многочисленныхъ царевичей и отъ связанныхъ съ этимъ партійныхъ несогласій, предполагали отвлечь царевичей службой и т. д.

Между прочимъ, въ апрѣлѣ 1796 г. кн. Платонъ Зубовъ въ письмѣ Ираклію, приглашая его содѣйствовать успѣхамъ русскаго оружія, которые создадутъ для Грузіи безопасность, совѣтуетъ ему заботиться всемѣрно о нераздѣльности власти и избѣгать дѣленія на удѣлы, пагубные для царства.

Но эти платоническія желанія видѣть Грузію сильной мало что значили, когда заявлялись такимъ «вельможей въ случаѣ», какимъ былъ кн. П. Зубовъ [1]).

Шестого ноября скончалась Екатерина и смерть ея унесла съ собой и Зубовыхъ, и персидскій походъ и многое другое.

Экспедиція съ «индѣйскими» перспективами была отмѣнена, до того, близкаго впрочемъ, дня, когда внезапное рѣшеніе императора Павла пошлетъ донскихъ казаковъ умирать среди безводныхъ пустынь, въ поискахъ тѣхъ же индійскихъ сокровищъ.

---

[1]) Въ 1801 г. именно Зубовы были противниками сохраненія за Грузіей самостоятельности, подъ протекторатомъ Россіи!

V.

Неожиданное очищеніе занятыхъ ханствъ и уходъ изъ Персидскихъ владѣній и Грузіи русскихъ войскъ (ихъ уже не было тамъ лѣтомъ 1797 года) произвели на персіянъ впечатлѣніе одержанной ими побѣды. Ага-Магометъ-ханъ рѣшилъ, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и всюду оповѣстилъ какъ о своихъ успѣхахъ въ Хорасанѣ (гдѣ онъ тогда находился) [1]), такъ и объ отступленіи русскихъ войскъ; отступленіе это прямо приписывалось ихъ трусливости. Ираклію онъ прислалъ фирманъ съ требованіемъ подчиниться, въ противномъ же случаѣ грозилъ мщеніемъ; и только вмѣшательство русскихъ офицеровъ спасло шахскаго посланца отъ ярости народной толпы [2]).

---

[1]) Хорасанъ (провинція эта нынѣ граничитъ съ нашей Закаспійской областью и съ Афганистаномъ) и его столица, священный городъ Мешедъ, за все время, что Персія не имѣла шаха, т. е. съ 1747 г., находился въ обладаніи внука Надира, слѣпого Шахъ-Роха. Керимъ-ханъ не трогалъ его, и только каджарскій объединитель Персіи вновь распространилъ свою власть на этотъ край.

[2]) Бутковъ, т. II, стр. 426. См. грузинскій переводъ этого фирмана у Цагарели, т. II, № 117. Начинается онъ словами: «Повелѣніе нашего величества таково: высочайшій вали Грузіи Эрекле-ханъ!» и т. д. Между прочимъ, по мнѣнію шаха, призваніе русскихъ издавна заключалось въ торговлѣ сук-

Трудно сказать, что постигло бы Грузію, опять оставшуюся лицомъ къ лицу съ пылавшимъ злобой Ага-Магометъ-ханомъ, если бы кинжалъ убійцы не пресѣкъ 4 іюня 1797 г. нить жизни этого нужнаго Ирану человѣка, причинившаго столько зла при осуществленіи «историческихъ задачъ» Персіи.

Теперь бросимъ самый бѣглый взглядъ на то, какъ русскій протекторатъ сберегалъ Грузію отъ Турціи и Дагестана.

Уже на слѣдующій годъ послѣ заключенія трактата, полномочный министръ Россіи при турецкомъ дворѣ, Булгаковъ, дѣлалъ представленіе относительно непричиненія безпокойствъ Грузіи и Имеретіи. Объ Имеретіи онъ не обязанъ былъ и не имѣлъ права дѣлать представленій (по трактату 1783 г. и Кучукъ-Кайнарджійскому мирному договору 1774 г.); Карталинію же и Кахетію эти представленія не могли уберечь, такъ какъ рус-

номъ и кумачемъ, а никакъ не въ воинскихъ подвигахъ (!). «Какъ только эти русскіе узнали, что наши счастливыя знамена двинулись сюда, они тотчасъ же вернулись въ свою скверную землю». Далѣе, говорится о высокомъ положеніи, которое принадлежитъ Ираклію въ Иранѣ, и что, «по отношенію къ тебѣ въ сердцѣ нашемъ ничего не было кромѣ милости и добра. А то, что тогда случилось (разореніе Тифлиса)—отъ тебя произошло» и т. д. Въ концѣ, приглашеніе «стать на путь службы», и явиться за полученіемъ милостей лично или прислать одного изъ сыновей. Въ противномъ случаѣ, пусть не пеняетъ.

скій протекторатъ угрожалъ сосѣднему ахалцихскому пашѣ потерей его владѣнія (которое, съ помощью русскихъ, предполагалъ завоевать Ираклій). Поэтому, какъ мы впрочемъ уже говорили, только съ уходомъ русскихъ войскъ, т. е. въ 1787 г., когда Ираклій возобновилъ съ нимъ союзъ, паша этотъ пересталъ его безпокоить. Поэтому же, какъ это ни странно, но во время второй турецкой войны, не смотря на то, что, строго говоря, и Грузія, какъ зависящее отъ Имперіи государство, находилась въ войнѣ съ Турціей, послѣдняя не предпринимала ничего враждебнаго по отношенію къ Ираклію. Словомъ, во время мира съ Турціей, русскій протекторатъ не уберегалъ Грузію; а во время войны онъ оказался излишнимъ! Разгадка заключается въ самостоятельной политикѣ Сулеймана, паши Ахалцихскаго; сначала онъ боялся притязаній Ираклія на Саатабаго, а теперь не прочь былъ стать, подъ покровомъ Россіи, и черезъ посредство Грузинскаго царя, самостоятельнымъ владѣтелемъ.

Точно также и Омаръ-хана Аварскаго неоднократно убѣждали съ «Линіи» не вторгаться въ Грузію, иногда угрожая ему, иногда даже посылая поощрительные подарки деньгами, но не этими средствами воздѣйствія онъ удерживался отъ вторженій, а «жалованьемъ», которое Ираклій былъ

вынужденъ ему платить, со времени памятнаго набѣга въ 1785 г. [1]).

Было бы, однако, ошибочно думать, что Россія когда-нибудь забывала о существованіи трактата 1783 г. Протекторатъ ея мало приносилъ пользы Грузіи, но Россія, естественно, не уступила бы его другимъ.

Въ манифестѣ 7 сентября 1787 г. объ объявленіи войны Оттоманской Портѣ, вторженіе въ область сюзеренныхъ правъ надъ Грузіей выставляется какъ одинъ изъ поводовъ войны. Трактатъ о подданствѣ, заключенный Иракліемъ, не былъ противенъ обязательствамъ Россіи въ отношеніи Порты. «Тогда же Порта, извѣстна будучи о Нашемъ трактатѣ, не оспаривала онаго; но гдѣ

---

[1]) При заключеніи Ясскаго мирнаго трактата съ Турціей (29 декабря 1791 г.), русскіе уполномоченные добивались того, чтобы Порта взяла на себя обязательство отвѣчать за грабежи, чинимые лезгинами въ Грузіи. Добиться этого однако они не добились. Но на этотъ разъ грузины были «внесены» въ трактатъ. Именно, въ ст. V постановлено: «...блистательная Порта обѣщаетъ подтвердить вновь издаваемымъ фирманомъ данный прежде, чтобъ Ахалцихскій губернаторъ, пограничные начальники и прочіе отнынѣ ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ не оскорбляли и не безпокоили земель и жителей, владѣемыхъ царемъ Карталинскимъ, о чемъ и отправить... съ строжайшимъ прещеніемъ и подтвержденіемъ указы». П. С. З. № 17,008. См. благодарственное письмо Ираклія во II-мъ томѣ «Грамотъ» Цагарели, № 83.

не имѣла право въ дѣло вмѣшиваться для нея постороннее, тутъ не оставила дѣйствовать коварно». Именно, она склоняла лезгинъ нападать на грузинскія земли, разорять ихъ, забирать въ плѣнъ христіанъ [1]). Кромѣ того, черезъ ахалцихскаго пашу она предлагала Ираклію признать надъ собою власть султана [2]).

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы составить сужденіе о томъ, насколько успѣшно осуществляла Россія свой протекторатъ надъ Грузіей; насколько обстоятельства позволяли «сильной десницѣ» Имперіи отвращать вражескіе удары отъ «присовокупленнаго» къ ней царства Грузинскаго. Надо удивляться не тому, что порой являлась у грузинъ мысль о политической сдѣлкѣ съ Персіей или Турціей; а тому, какъ вѣра въ Россію не изсякла окончательно. Но, велика была эта вѣра, руководящіе элементы тяготѣли къ Россіи, потому что слишкомъ много шаговъ было уже сдѣлано по этому пути, и считали невозможнымъ довѣрять ни Персіи, ни

---

[1]) Впрочемъ, какъ замѣчено было въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1801 г., императрица Екатерина «въ случаяхъ нерѣдкихъ покушеній горцевъ на предѣлы наши, иногда до крайности доводила настоянія свои у Порты; хищничества же лезгинъ и турковъ въ Грузіи большею частью оставляемы были безъ всякаго вниманія». Архивъ Государств. Совѣта, т. III, ч. 2-я, стр. 1203, прим.

[2]) П. С. З. № 16,567.

Турціи. Невниманіе же Европы достаточно объясняется тревогами французской революціи.

Была, впрочемъ, минута — уже передъ самой смертью Ираклія, когда кн. Гарсеванъ Чавчавадзе ребромъ поставилъ вопросъ въ Петербургѣ: именно, онъ заявилъ, что если трактатъ сохраняетъ силу, то пусть будетъ прислано подкрѣпленіе; въ противномъ случаѣ, Ираклію необходимо возобновлять союзы съ персидскими ханами и Дагестаномъ [1]).

---

[1]) См. представленіе Гарсевана Чавчавадзе имп. Павлу 31 дек. 1797 г. Цагарели II, Грузинск. тексты, № 126. «Представленіе» это написано подъ впечатлѣніемъ неизбѣжно надвигавшейся кончины Ираклія. Дѣйствительно, уже черезъ 12 дней, вся Грузія, какъ одинъ человѣкъ, оплакивала смерть царя-патріота.

Между прочимъ, читаемъ въ этомъ «представленіи» слѣдующее: «угодно ли тебѣ, самодержавный и великій государь, соблюдать трактатъ въ его первоначальной силѣ, и угодно ли, согласно вытекающимъ изъ трактата обязательствамъ, оказать царю моему, находящемуся въ стѣсненномъ положеніи, обѣщанную помощь? Или, по какимъ-нибудь причинамъ, это пока неисполнимо? Великій Государь, удостой вывести меня изъ неизвѣстности, дай Всемилостивѣйшій отвѣтъ на ожиданія всей Грузіи, чтобы Его Высочество царь, государь мой, и народъ его, пребывающіе до сихъ поръ, какъ и я, въ неизвѣстности, соблюденіемъ трактата и клятвой въ вѣрности В. В. не были бы доведены до полнаго уничтоженія».

Размѣры очерка не позволяютъ намъ останавливаться на подробностяхъ. Отмѣтимъ лишь слѣдующую просьбу грузинскаго полномочнаго: пусть прикажутъ пограничнымъ начальникамъ не препятствовать найму на грузинскую службу чер-

---

кесовъ. Въ первую половину царствованія Ираклія, онъ неоднократно и успѣшно пользовался услугами кабардинскихъ владѣтелей, издавно дружественныхъ Грузіи. Позже, русское правительство ставило помѣхи этому (Примѣры можно найти въ «Мат.» Буткова). Въ заключеніе кн. Чавчавадзе проситъ, изъ вниманія къ послѣднимъ днямъ престарѣлаго царя, уже лежащаго на смертномъ одрѣ, изъ вниманія къ его скорбнымъ тревогамъ за отечество—ободрить царя, наслѣдника, весь народъ изъявленіемъ монаршаго благоволенія и помощью, по трактату. «Прикажи мнѣ теперь же ѣхать туда и увѣрить царя, возлюбленнаго государя моего, въ твоемъ къ нему доброжелательствѣ, все равно, застану ли я его въ живыхъ, или, вмѣстѣ съ другими буду оплакивать его» (стр. 143 — 146).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Накануне присоединенія.

I.

Въ 1796 г. скончалась Екатерина, въ 1797 г. убитъ Ага-Магометъ-ханъ, въ 1798 г., 11-го января не стало Ираклія. Какъ сложатся отношенія между новыми государями?

Георгій XII вступилъ на престолъ Карталиніи и Кахетіи и привелъ къ присягѣ населеніе тотчасъ же послѣ смерти Ираклія. Онъ сталъ царемъ Грузіи по наслѣдственному праву и для того, чтобы пользоваться поддержкой Россіи, долженъ былъ, по трактату 1783 года, получить императорскую инвеституру [1]).

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1798 г. кн. Чавчавадзе формально извѣстилъ Коллегію иностр. дѣлъ о вступленіи на престолъ Георгія. Цагарели, т. II-й, № 132. Онъ прибавляетъ, что царь не прислалъ пока собственноручнаго извѣщенія, такъ какъ обстоятель-

Лѣтомъ 1798 года обстоятельства принимали такой оборотъ и впечатлѣнія русскаго покровительства были таковы, что Георгій видѣлъ себя принужденнымъ отвѣтить на фирманъ новаго шаха Фетали посылкой къ нему своего тестя князя Ціціанова; и готовъ былъ искать покровительства Турціи; но оба посланца вернулись обратно — кн. Ціціановъ, потому что узналъ о неудачахъ Баба-хана (это другое имя шаха), отправленнаго же въ Турцію вернули изъ Ахалциха, потому что пріѣхавшій изъ Петербурга царевичъ Давидъ привезъ оттуда добрыя вѣсти [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ Георгій получилъ, въ отвѣтъ на собственное письмо Государю, Высочайшее поздравленіе со вступленіемъ на престолъ, причемъ прибавлено было, что отъ него ожидается

ства не оставляли ему времени. Еще раньше о намѣреніи Георгія прислать просьбу объ утвержденіи на престолѣ писала имп. Павлу вдова Ираклія, царица Дарія. См. письмо ея 10 марта 1798 г. (ib. № 130).

[1]) Бутковъ., Матеріалы, т. II, стр. 445—446. Впрочемъ, еще 30 іюня 1798 г. Георгій писалъ имп. Павлу, что признаетъ его «своимъ августѣйшимъ монархомъ и государемъ», что надѣется на его покровительство, согласно трактату, что какъ онъ самъ не будетъ оставленъ Императоромъ, такъ и сынъ его Давидъ и т. д. Георгій говоритъ, что, когда онъ, по законному праву наслѣдства, получилъ престолъ и сталъ царемъ, то онъ писалъ объ этомъ на Линію. Цагарели, т. II, Грузин. тексты, № 135.

формальное ходатайство объ утвержденіи, предусмотрѣнное арт. 3-имъ трактата [1]).

Въ ноябрѣ того же года, Георгій отправилъ въ Петербургъ съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ кн. Авалова; и возобновилъ полномочія кн. Гарсевана Чавчавадзе, въ качествѣ министра при Имп. дворѣ. Помимо собственнаго утвержденія, Георгій добивался признанія сына своего Давида наслѣдникомъ по себѣ [2]). 18-го апрѣля 1799 года, Вы-

---

[1]) Ср. предыдущее примѣчаніе. «Формальное» ходатайство противополагается приведенному тамъ письму Георгія отъ 30-го іюня. Ср. также письмо неизвѣстнаго изъ Петербурга къ царю Гергію, ib. № 137. Вообще, не остается сомнѣній, что Георгій энергично искалъ покровительства имп. Павла, который, наконецъ, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ грузинскимъ дѣламъ.

[2]) См. грамоту Георгія кн. Чавчавадзе 11 окт. 1798 г. у Цагарели, т. II, № 138. Одновременно царь пишетъ кн. Безбородкѣ о положеніи вещей и замѣчаетъ: «Уже второе столѣтіе, какъ все наше упованіе—Россійскій В. Дворъ, и мы избѣгаемъ вступать въ сдѣлку съ названными сосѣдями (т. е. персіянами и турками), во 1-хъ, изъ за христіанства, въ 2-хъ, будучи связаны присягой передъ В. престоломъ. Мы, находясь въ такомъ положеніи, никогда не имѣли при В. Дворѣ заступника и ходатая. Блаженной памяти отецъ нашъ имѣлъ великое упованіе на кн. Потемкина; но онъ насъ обманывалъ, думая только о возвеличеніи своего имени, а для другихъ ничего не дѣлалъ». Георгій надѣется, что Безбородко будетъ радѣть, какъ слѣдуетъ, о грузинахъ (ib., № 141). Прошеніе Георгія въ двухъ пунктахъ, объ утвержденіи его на престолъ и о признаніи наслѣдникомъ Давида, ib., № 143. См. Приложенія В.

сочайшей грамотой утвержденъ Георгій на царствѣ, Давидъ же — наслѣдникомъ, съ ссылкой на ст. 3 трактата [1]).

Въ ноябрѣ 1799 г. доставлены въ Тифлисъ инвеститурные знаки, и Георгій принесъ присягу на вѣрность Императору. Итакъ, отношеніе Грузіи и Россіи въ концѣ 1799 г. опредѣляется всецѣло началами трактата 1783 года [2]).

Но, обратимъ вниманіе на слѣдующее: царь Грузинскій просилъ объ утвержденіи—и Императоръ утвердилъ наслѣдникомъ по Георгіѣ сына его Давида.

Въ трактатѣ ничего не говорится о наслѣдникахъ,

---

[1]) Акты Кавк. археограф. коммиссіи, т. II, стр. 1147. Копія съ утвердительной Е. И. В. грамоты царю Грузинскому Георію отъ 28-го апр. 1799 г.

[2]) Изъ представленія царя Георгія имп. Павлу, посланнаго, одновременно съ просьбой, объ инвеститурѣ, въ октябрѣ 1798 г., ясно видно, что въ началѣ Георгій отнюдь не думалъ о чьемъ бы то ни было вмѣшательствѣ въ дѣла управленія; напротивъ, онъ категорически желалъ, чтобъ русскіе начальники ни съ кѣмъ, кромѣ царя, не имѣли дѣла; чтобъ онъ могъ сноситься непосредственно съ Дворомъ, черезъ своего министра, минуя пограничное начальство, во избѣжаніе волокиты (при этомъ онъ ссылается на случившееся въ 1795 г.). Георгій прямо просилъ такого *протектората, который бы навсегда избавилъ его отъ необходимости искать помощи и покровительства въ другомъ мѣстѣ* и т. д. Цагарели, II, № 144. Печальный опытъ принесъ пользу, но нѣсколько просвѣтленное пониманіе этихъ людей позже не могло противостоять force majeure.

напротивъ, ясно слѣдуетъ изъ него, что вопросъ о замѣщеніи престола есть вопросъ внутренней жизни Грузіи, который рѣшается независимо отъ сюзерена; словомъ, это вопросъ грузинскаго престолонаслѣдія, а не усмотрѣнія Императора. И если теперь Георгій проситъ объ утвержденіи наслѣдникомъ по немъ Давида, то едвали онъ считалъ такое утвержденіе необходимымъ юридическимъ условіемъ для вступленія на престолъ [1]); вѣдь самъ же онъ сталъ царемъ, не ожидая, не испрашивая императорскаго разрѣшенія. Смыслъ просьбы его не этотъ — онъ желалъ обезпечить своему сыну, какъ Высочайше предназначенному на царство наслѣднику, *политическую* поддержку русской власти.

А о такой поддержкѣ надо было заботиться, такъ какъ, на бѣду Грузіи, позже, въ самый рѣшительный моментъ, не было одного мнѣнія на тотъ счетъ, кто законный наслѣдникъ Георгія: сынъ его, Давидъ, или братъ, Юлонъ? Права послѣдняго основывались на завѣщаніи царя Ираклія, сила и даже подлинность котораго оспаривались.

Намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопросовъ грузинскаго престолонаслѣдія. Намъ

---

[1]) Цѣлый рядъ выраженій въ цитированныхъ выше грузинскихъ грамотахъ не оставляетъ сомнѣній на этотъ счетъ.

нужно было отмѣтить, что подтвержденіемъ правъ Давида, какъ наслѣдника, Императоръ *не создавалъ* ему этихъ правъ—этого онъ не могъ, такъ какъ, по трактату, не имѣлъ на то власти, а бралъ лишь на себя передъ царемъ обязанность оказать содѣйствіе сыну его, при будущемъ вступленіи на престолъ.

Но, императоръ Павелъ, давая такое утвержденіе, очевидно, и не думалъ о томъ, насколько это вяжется съ трактатомъ, на который самъ же онъ ссылается.

2.

Какъ бы то ни было, трактатъ теперь въ полной силѣ, и, въ виду серіозныхъ опасностей русскому вліянію въ Закавказьѣ со стороны Персіи, отчасти, и Турціи, правительство русское рѣшается дѣйствовать энергичнѣе и, беря за отправную точку свою связь съ Грузіей—прочнѣе обосноваться по ту сторону хребта.

Одновременно, съ утвердительной грамотой царю Георгію, послѣдовало, наконецъ, назначеніе министра въ Грузію,—ему же поручены и персидскія сношенія.

Инструкція, данная этому чиновнику изъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, показываетъ, какъ ревниво относится теперь Россія къ

неоспоримости своего вліянія въ Грузіи. «Легко случиться можетъ, читаемъ тамъ, что вдовствующая царица, имѣя сыновей—братьевъ владѣющаго царя... вступитъ въ какія-либо сплетни, столь въ тѣхъ краяхъ свойственныя, къ предосужденію е. в. и видамъ нашимъ». Поэтому, «надлежитъ вамъ бдительное смотрѣніе имѣть за поступками царицы... и людей ей приверженныхъ...» Конечно, «по превратности тамошнихъ владѣльцевъ и двоякости, часто ихъ руководствующей», необходимо слѣдить и за поступками самого царя, «дабы никогда не могло имъ ничто учинено быть вопреки интересовъ Высочайшаго двора» [1]).

Отъ такого надзора одинъ шагъ до вмѣшательства; пусть прибудутъ войска для защиты Грузіи; неусыпный надзоръ и вооруженная сила обезпечатъ исполненіе всякой волѣ. А страна, истерзанная вѣками несчастій, находившаяся съ 1783 г. подъ гнетомъ постоянной опасности, не можетъ и не хочетъ говорить о себѣ такъ громко, чтобы остановить властное рѣшеніе Имперіи.

Теперь событія развиваются съ силой урагана; эта связь царства и Имперіи, вѣками томитель-

[1]) Акты, т. I, стр. 93—95. Инструкція, данная по имянному Е. И. В. указу изъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ министру въ Грузіи с. с. Коваленскому, 16 апр. 1799 года.

ныхъ, безплодныхъ сношеній, дошла до десятилѣтій покровительства, приносившаго несчастія, и, наконецъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, маховое колесо исторіи довело дѣло до разрушительнаго конца, не пощадивъ хрупкихъ, запоздавшихъ желаній грузинскаго народа.

Но, рушилось то, чему при данныхъ условіяхъ уже не было мѣста на этой землѣ; зато, суждено было водвориться порядку тамъ, гдѣ самая мысль о немъ давно утратилась.

II.

Прежде чѣмъ окончательно присоединять царство грузинское, простимся съ грузино-персидскими отношеніями. Племянникъ и наслѣдникъ Ага-Магомета, Баба-ханъ или, торжественнѣе, Фетали-шахъ, далекъ былъ отъ мысли уступить Грузію Россіи. Но и ему пришлось бороться изъ-за престола съ соперниками, и онъ, пока, не имѣлъ возможности силой оспаривать у Россіи Закавказья [1]). Подъ грозой его нашествія Гру-

[1]) Фетали-шахъ короновался въ Тегеранѣ, весною 1798 г. Ср. O. v. Schlechta-Wssehrd. Fethali Schah und seine Thronrivalen. Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften (phil.-hist. Classe) Wien XLV, B. 1864.

зія находилась, однако, довольно долго[1]); и на Кавказской линіи принимались дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ вторженія, ввести въ Грузію для ея защиты достаточное количество войскъ.

Пріѣздъ въ Тифлисъ русскаго резидента окончательно открылъ глаза Персіи на судьбу Грузіи. Императоръ Павелъ отозвалъ свои войска изъ Закавказья, дѣйствовалъ, повидиму, миролюбиво, но съ такимъ миролюбіемъ не мирилась присылка резидента въ Тифлисъ. Персидская оцѣнка грузино-русскаго отношенія съ большой выпуклостью выражена въ письмѣ къ резиденту визиря Фетали-шаха, Хаджи-Ибрагимъ-хана, вид-

---

[1]) См. писмо Г. Чавчавадзе къ кн. Безбородко отъ 8-го января 1799 г. о домогательствахъ преемника Ага-Магометъ-хана (Цагарели, II, груз, тексты, № 150, вторая тирада). Подробнѣе ib., № 154. Выдержки изъ письма царевича Давида Георгіевича, представленныя княземъ Г. Чавчавадзе въ Ин. коллегію. Въ благодарственномъ (за утвердительную грамоту) письмѣ царя Георгія императору Павлу прямо заявляется, что, въ случаѣ неоказанія помощи или ея запозданія, персіане «и сына у насъ возьмутъ (т. е. заложникомъ) и *ко многому другому обяжутъ, и тогда мы уже совсѣмъ удалены будемъ отъ связи съ Вами»* ib., № 174. Опубликованные проф. Цагарели документы ярко освѣщаютъ это странное, но трагическое положеніе Грузіи между сюзереномъ, не оказывающимъ дѣйствительной помощи—и толпой враговъ, сдѣлкѣ съ которыми мѣшаетъ долгъ вѣрности по отношенію къ тому же сюзерену.

наго государственнаго человѣка Персіи того времени[1]). «Дѣло сіе (т. е. пріѣздъ резидента), пишетъ онъ, сверхъ чаянія, ибо какъ свѣтъ солнца изливается на землю, такъ равномѣрно всѣмъ извѣстна истина, что съ самаго того времени, какъ весь земной шаръ раздѣлился на четыре части, Грузія, Кахетія и Тифлисъ заключались въ Иранскомъ государствѣ»... Жители обязаны были повиновеніемъ и службой, по шахскимъ указамъ, а подъ властью Россіи не находились, «кромѣ того случая, когда царь Ираклій, князь надъ князьями, современникъ блаженныя памяти самодержавнаго государя Ага-Магометъ-хана, вздумалъ, отторгнувшись отъ власти всегдашнихъ владѣтелей своихъ, итти непріятельской противъ Персіи стезею». Но, онъ за это получилъ возмездіе. Теперь, намъ говорятъ о миролюбіи русскаго монарха. Зачѣмъ же желаетъ онъ «уничтожить запечатлѣнныя вѣками права и преимущества?» Какую силу могутъ имѣть обязательства царя Ираклія? Персидскій дипломатъ такъ поясняетъ свою мысль: «напримѣръ, если бы одинъ изъ народовъ, въ пре-

[1]) Онъ много содѣйствовалъ торжеству каджарской династіи надъ зендами, но, скоро послѣ восшествія на престолъ Фетали-шаха, былъ умерщвленъ: опасались его чрезмѣрнаго вліянія и связей съ ханами. Ср. Watson, A history of Persia, p. 120.

дѣлахъ Россійскаго государства состоящихъ, предался самопроизвольно персидскому владѣнію, учинилъ съ нимъ трактатъ и другія условія, то сильны ли таковыя сдѣлки?» Правда, при царѣ Ираклiѣ не было въ Персіи верховнаго обладателя, но и «во время сихъ, такъ сказать, двухъ дней», Грузія не могла отложиться отъ Персіи. Теперь, благодареніе Богу, передъ престоломъ шаха склонили выи всѣ ханы и «того не предусматривается, чтобы чрезъ тысячи лѣтъ принадлежавшее владѣніе отдать другому». Въ заключеніе, иранскій канцлеръ приглашаетъ уважать взаимныя права и границы, «не прерывая цѣпи тишины и дружбы, дабы область Тифлисская не была паки попрана ногами коней и удачныхъ воиновъ нашихъ...» Впрочемъ, лучше «чтобы дверь обоюднаго дружества всегда была открыта» [1]).

Мы знаемъ уже, что Вахтангъ отказался отъ подданства Персіи; затѣмъ, болѣе десяти лѣтъ господствовали въ Грузіи турки, пока не были вытѣснены оттуда Надиръ-шахомъ.

Послѣ смерти Надира не было ни одного настолько признаннаго въ Персіи властителя,

[1]) Переводъ письма отъ визиря властвующаго въ Персіи Баба-хана, Хаджи-Ибрагимъ-хана, къ министру всемилостивѣйшаго, великаго всероссійскаго кесаря, П. И. Коваленскому, Акты, т. I, стр. 96—97.

чтобы можно было говорить о его власти въ Грузіи [1]).

Какъ возвысился и усилился Ираклій, пользуясь персидскими смутами — объ этомъ мы достаточно говорили; это общее мѣсто во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи Персіи того времени. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія Грузія не знаетъ зависимости отъ Персіи. Заключая трактатъ съ Россіей, Ираклій дѣлалъ по отношенію къ Персіи *политически* рискованный шагъ (какъ это объяснено выше), но никакого права Персіи на Грузію онъ не нарушалъ, такъ какъ это право давно испарилось, да и въ дни его дѣйствительности съ нимъ не мирилось христіанское правосознаніе грузинъ. Споръ могъ быть рѣшенъ силой — но, въ борьбѣ съ Иракліемъ, Ага-Магомедъ-ханъ *проигралъ* его, не смотря на внѣшнюю побѣду: дѣйствительно, онъ не добился признанія своихъ правъ со стороны Ираклія, и, не будучи въ состояніи утвердиться въ странѣ, торопливо вернулся во-свояси.

Фетали-шахъ возобновилъ свои притязанія, и мы видѣли, какъ его канцлеръ ихъ формулировалъ.

---

[1]) Изложенная въ текстѣ персидская точка зрѣнія, но безъ иранской колоритности красокъ, проглядываетъ и у редактора матеріаловъ подъ заглавіемъ «Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ», г. Эзова. См. его забавное разсужденіе о трактатѣ 1783 г. (стр. XCII и XCIII).

Ему пришлось спорить уже съ русскимъ оружіемъ, и Гюлистанскій миръ, черезъ 15 лѣтъ, рѣшилъ вопросъ опять-таки не въ его пользу.

Но приведенная нота показываетъ, какъ судорожно Персія противилась утвержденію Россіи въ Закавказьѣ, и какъ упорно она защищала очевидно несостоятельную мысль о своемъ «правѣ» на Грузію.

Была, впрочемъ, и среди грузинъ небольшая группа лицъ, готовыхъ признать права Баба-хана, такъ какъ они считали возможнымъ, съ помощью Персіи, сохранить за Грузіей извѣстную самостоятельность. Главный выразитель этого теченія, царевичъ Александръ, сынъ Ираклія, открыто перешелъ на сторону Персіи, и былъ ея орудіемъ въ войнахъ съ Россіей; онъ умеръ на чужбинѣ и никогда не примирился съ уничтоженіемъ самостоятельности Грузіи. Большинству же, вѣрному вѣковой традиціи—сближенія съ Россіей, суждено было окончательно и навсегда освободиться отъ всякаго вліянія Персіи, прежде, многосторонняго и вѣками длившагося. Такъ, начали измѣняться кореннымъ образомъ условія жизни грузинъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Присоединеніе Грузіи къ Имперіи.

I.

Теперь близится день присоединенія Грузіи. Манифестъ 18-го января 1801 г. объявитъ объ этомъ всѣмъ и каждому; и Грузія станетъ частью Россіи.

Мы показали, какъ въ 1799 году, съ полученіемъ инвеституры и принесеніемъ присяги, царь Георгій становится въ такое же отношеніе къ Имперіи, въ какомъ былъ Ираклій, т. е. Грузіи дается «предъ лицомъ всего свѣта» гарантія цѣлости и неприкосновенности, а также обезпечивается престолъ за національной династіей, подъ условіемъ службы и вѣрности.

Мы должны разсмотрѣть, какъ совершился этотъ переходъ отъ двусторонняго договорнаго отноше-

нія, въ которомъ Грузія и Россія находились еще въ 1799 г. и въ 1800 г., къ положенію созданному манифестомъ 18-го января 1801 г., т. е. къ «присоединенію Царства Грузинскаго на вѣчныя времена подъ Державу» Имперіи.

1.

Для юридической оцѣнки присоединенія Грузіи къ Россіи; а также для оцѣнки взгляда, выраженнаго въ Императорскихъ манифестахъ и, затѣмъ, усвоеннаго всѣми — относительно добровольнаго присоединенія Грузіи, необходимо отыскать и разсмотрѣть въ отдѣльности звенья той цѣпи, которая начинается *договорнымъ отношеніемъ* 1799—1800 годовъ (по силѣ обновленнаго тогда трактата 1783 г.)—и кончается *инкорпораціей* Грузіи, т. е. распространеніемъ на нее территоріальнаго верховенства Россіи, ея власти во всей полнотѣ проявленій и во всей необъятности ея компетенціи.

Переходъ отъ перваго положенія ко второму *могъ бы быть* юридически безупречнымъ, корректнымъ; тогда бы мы имѣли, дѣйствительно, непрерывную цѣпь юридическихъ отношеній, изъ которыхъ каждое послѣдующее заимствуетъ свою правомѣрность отъ предыдущаго, имъ освящается, и, въ свою очередь, даетъ юридическую основу но-

вому отношенію. И, еслибы даже, въ концѣ концовъ, мы пришли къ чему-нибудь вовсе отличному отъ начальнаго положенія, тѣмъ не менѣе, не оставалось бы мѣста для юридической критики: все было бы какъ слѣдуетъ, безукоризненно съ точки зрѣнія права.

Для того, чтобы—съ юридической точки зрѣнія—можно было говорить о добровольномъ присоединеніи Грузіи къ Россіи, необходимо, чтобы акту инкорпораціи предшествовало обоюдное согласное волеизъявленіе заинтересованныхъ сторонъ.

2.

Инкорпорація есть актъ, посредствомъ котораго власть государства распространяется на такъ или иначе присоединяемую къ нему область. Инкорпораціи могутъ предшествовать различныя событія и правоотношенія, создающія власть государства надъ присоединяемой территоріей. Въ одномъ случаѣ это можетъ быть завоеваніе, въ другомъ добровольная уступка, въ третьемъ—купля-продажа и т. д.

Но когда рѣчь идетъ о добровольномъ присоединеніи, то этотъ (всегда односторонній) актъ инкорпораціи долженъ слѣдовать за другимъ актомъ (или актами), въ которомъ обнаруживалось бы *со-*

глашеніе относительно утраты самостоятельности съ одной стороны и принятія въ подданство—съ другой.

Словомъ, утрата государствомъ независимости и инкорпорація дѣйствительно возможны путемъ добровольнымъ, но для этого требуется формально выраженное согласіе воль. И не только утрата самостоятельности, но всякое вообще измѣненіе, тѣснѣе сжимающее два государства въ одно цѣлое, должны происходить путемъ двусторонняго соглашенія.

Ирландскій парламентъ былъ жалкимъ подобіемъ представительнаго учрежденія, но юридически онъ былъ органомъ Ирландіи, и окончательное объединеніе ея съ Англіей, не смотря на темныя политическія средства, примѣненныя въ этой цѣли британскимъ правительствомъ, съ юридической точки зрѣнія — безупречно. Именно было постановлено обоюдно, что «съ 1-го января 1801 г. королевства Великобританія и Ирландія соединяются навсегда въ одно королевство, подъ названіемъ Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи». Постановлено было также относительно единства престолонаслѣдія (какъ было и до того) и единства парламентскаго представительства; Ирландія получила въ немъ свою долю. Она лишилась своей привилегіи *добровольно*.

Но Ирландія не была самостоятельнымъ государствомъ; возьмемъ примѣры болѣе похожіе на нашъ случай. Въ 1798 г., за два года до присоединенія Грузіи, добровольно вошли въ составъ французской республики—вольный городъ Мюльгаузенъ (нынѣ въ Эльзасѣ) и Женевская республика. Инкорпораціи предшествовали, въ данномъ случаѣ, договоры объ объединеніи.

3.

Повторяемъ: если добиваются полнаго присоединенія, сліянія, то во всякомъ случаѣ, необходимо долженъ предшествовать инкорпораціи актъ отреченія отъ своихъ правъ монарха (если рѣчь идетъ о монархіи) и, вообще, должно быть изъявлено предварительное согласіе на инкорпорацію со стороны тѣхъ, кто имѣетъ право и обязанъ выражать волю государства.

За 5 лѣтъ до присоединенія Грузіи, вошла въ составъ Россіи Курляндія. До того, она находилась въ ленной связи съ королевствомъ польскимъ. Съ уничтоженіемъ самостоятельности Рѣчи Посполитой, связь эта, естественно, прекращалась, и Курляндія вернулась въ первобытное состояніе, т. е. вольна была избрать себѣ новаго сюзерена, или иначе распорядиться своей судьбой. Курляндія по-

ступила въ полную, безусловную зависимость Имперіи, вошла непосредственно въ составъ ея владѣній. Для того, чтобы оформить надлежащимъ образомъ это присоединеніе, нуженъ былъ рядъ юридическихъ актовъ, которые всѣ и состоялись.

Чтобы осуществить «безусловное подверженіе» (unbedingte Subjection) Курляндіи скипетру Россіи, созванъ былъ чрезвычайный сеймъ. Манифестомъ 18-го марта 1795 г. сеймъ «торжественно и навсегда отрекся отъ польскаго верховнаго леннаго начальства». Затѣмъ, другимъ *манифестомъ* отъ того же числа, депутаты «признали за благо и полезно» вовсе «отмѣнить существовавшее понынѣ княжеское правленіе, дабы отнынѣ быть безпосредственно и прямо присоединенными къ Имперіи Россійской».

Но, кромѣ сейма, Курляндія имѣла и герцога. Послѣдній «приступаетъ» къ торжественному акту сейма и самъ проситъ Екатерину II принять въ подданство Курляндію. Поэтому, онъ «*разрѣшаетъ* и *освобождаетъ* всѣхъ и каждаго изъ жителей» Курляндіи отъ учиненной ему присяги и «повергаетъ къ стопамъ августѣйшей монархини Россійской Имперіи» торжественное *отреченіе* отъ всѣхъ своихъ «государскихъ преимуществъ и княжескихъ правъ».

Въ отвѣтъ на эти акты, Императрица заявляетъ о своей увѣренности въ томъ, что желаніе, заявленное сеймомъ и его уполномоченными передъ Ея Величествомъ—относительно присоединенія—чистосердечно, и она торжественно *удовлетворяетъ* такъ заявленному желанію.

Въ результатѣ, манифесту Екатерины II о присоединеніи къ Имперіи княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго предшествуютъ: а) актъ отреченія герцога Курляндскаго Петра отъ принадлежащихъ ему правъ владѣтельнаго герцога; b) манифестъ рыцарства и земства Курляндіи объ отреченіи отъ прежней связи съ Польшею; с) актъ тѣхъ же рыцарства и земства о подверженіи ихъ Е. И. В.[1]).

Мы видимъ, что воля, изъявленная Курляндіей и отвѣтное волеизъявленіе Императрицы, совпадаютъ по своему предмету. Согласіе воль выражено здѣсь не въ трактатѣ — оно явствуетъ изъ сопоставленія актовъ.

Но если ищется подданство не безусловное, а *условное*, то подавно требуется формальное согласіе насчетъ условій соединенія. *Различіе культуръ, эпохъ и мѣстностей не имѣетъ здѣсь значенія. Различіе это отразится въ содержа-*

---

[1]) См. эти акты въ П. С. З. № 17,319.

ніи и формѣ статей соглашенія, но само соглашеніе остается необходимой предпосылкой.

Посмотримъ же, какими путями совершился переходъ отъ договорной связи Грузіи съ Россіей къ прекращенію политическаго бытія и къ инкорпораціи.

II.

1.

Покровительство, оказываемое Грузіи, и защита ея территоріи отъ внѣшнихъ враговъ—къ чему обязалась Россія по трактату 1783 г. были, къ сожалѣнію, настолько недѣйствительны, что, если вѣрить оффиціальнымъ даннымъ, населеніе Грузіи въ періодъ отъ 1783 г. до 1801 г. уменьшилось чуть не на половину. Что къ 1801 г. Грузія представляла картину полнаго разоренія, и что пепломъ забвенія покрыта была лучшая пора царствованія Ираклія—въ этомъ никто не сомнѣвается.

Такое исполненіе обязательствъ, вытекавшихъ изъ протектората со стороны Россіи, равнялось ихъ неисполненію, и Грузія могла бы считать и себя свободной отъ обязательствъ въ отношеніи Россіи.

Извѣстны случаи, когда неоказаніе помощи за-

висимому государству сюзереномъ влекло за собой отказъ перваго отъ покровительства. Такъ поступили Нидерланды по отношенію къ Германской имперіи, не поддержавшей ихъ въ борьбѣ съ Испаніей. Точно также Люцернъ, будучи покинутъ герцогами Австрійскими, вступилъ въ Швейцарскій союзъ [1]).

Мы упомянули, что Грузія одно мгновеніе готова была стать на такую дорогу и обезпечить свою будущность помимо Россіи. Но она предпочла остаться при старыхъ традиціяхъ и лелѣяла совершенно правильную мысль о необходимости болѣе *тѣснаго единенія* съ Россіей, такого единенія, при которомъ помощь Россіи, условленная трактатомъ, стала бы дѣйствительной. Еще Ираклій понялъ, что для этого необходимо ближе заинтересовать Россію: онъ предложилъ въ ея распоряженіе рудники, и былъ готовъ предоставить ей видное участіе въ дѣлѣ внутренняго переустройства Грузіи, переустройства, необходимость котораго давно сознавали; но которое было бы возможно, какъ мы не разъ говорили, лишь при внѣшней обезопасенности страны. Въ этомъ смыслѣ дѣлалъ въ Петербургѣ, передъ самой смертью

---

[1]) F. Despagnet, Essai sur les protectorats, p. 400—401.

Ираклія, представленія кн. Чавчавадзе, но безуспѣшно [1]).

Въ руководящихъ кружкахъ Грузіи, при царѣ Георгіѣ XII, эта идея созрѣла окончательно, и для ея осуществленія, для созданія такого союза, который бы далъ Грузіи обѣщанное ей еще трактатомъ 1783 г., и были отправлены въ Петербургъ Георгій Аваловъ и Елеазаръ Палавандовъ. Совмѣстно съ кн. Гарсеваномъ Чавчавадзе [2]), они выработали планъ болѣе тѣснаго соединенія Грузіи съ Россіей, который мы и разсмотримъ.

2.

Соображенія грузинскихъ уполномоченныхъ изложены были въ 16 пунктахъ (такъ наз. «просительные пункты»), и нота, ихъ содержащая, была подана отъ имени Георгія XII княземъ Чавчавадзе *17 ноября 1800 года.*

Предположенія грузинскаго правительства, по

---

[1]) Представленіе отъ кн. Г. Чавчавадзе имп. Павлу 11 іюля 1797 г. (Цагарели, т. II, № 120). Здѣсь мы имѣемъ уже, въ грубыхъ очертаніяхъ, начала позднѣйшихъ «просительныхъ пунктовъ».

[2]) Всѣ трое отправились въ Россію въ началѣ 1800 года, См. объ этомъ «объявленіе отъ царя Георгія русскому посланнику при Грузинскомъ дворѣ, ст. сов. П. И. Коваленскому» у Цагарели, ib., № 160.

разсмотрѣніи въ Госуд. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, были одобрены по всѣмъ пунктамъ имп. Павломъ—19 ноября [1]). 23-го того же мѣсяца послана царю Георгію Высочайшая грамота съ извѣщеніемъ, что нота, поданная его уполномоченными, «аппробована» Государемъ [2]).

Тогда же первоприсутствующій въ Коллегіи графъ Растопчинъ сообщилъ Грузинскому царю Высочайшую волю относительно дальнѣйшаго хода дѣла. Именно, изъ Петербурга отправлены въ Грузію князья Г. Аваловъ и Е. Палавандовъ, съ тѣмъ, чтобы посылаемый съ ними списокъ съ ноты грузинскихъ уполномоченныхъ получилъ бы утвержденіе въ Грузіи, и, затѣмъ, съ названными князьями отосланъ обратно въ Петербургъ вмѣстѣ съ благодарительной грамотой, при чемъ, всѣ три посла должны быть названы послами отъ царя и отъ всего царства. А послѣ этого, будетъ заключенъ въ Петербургѣ *«обоюдный императорскій актъ»*, съ пристойнымъ торжествомъ.

Очевидно, что если бы форма соединенія Грузіи съ Россіей, предложенная грузинскими уполномоченными и принятая предварительнымъ соглашеніемъ

---

[1]) Акты, I стр. 179—181, № 121. См. Приложенія, E.

[2]) Рескриптъ Павла I, данный въ С.-Петербургѣ 23-го ноября 1800 года. Акты, т. I, стр. 181, № 122. См. Приложенія, F.

русскаго и грузинскаго правительствъ, получила окончательную ратификацію и подтвержденіе «въ обоюдномъ Императорскомъ актѣ», какъ это обѣщано было Императоромъ, исторія увидѣла бы добровольное не только по существу, но и по формѣ присоединеніе Грузіи къ Россіи, на началахъ, принятыхъ обѣими договаривавшимися сторонами.

Въ дѣйствительности же характеръ присоединенія не выразился съ отчетливостью въ юридическихъ актахъ; не произошло этого, потому что одновременно съ отправленіемъ грузинскихъ уполномоченныхъ, съ указанной цѣлью, въ Тифлисъ, задуманъ и постепенно приведенъ въ исполненіе другой циклъ распоряженій, имѣющихъ источникомъ единственно инициативу и волю русскаго правительства. И именно этотъ циклъ заканчивается безповоротной инкорпораціей Грузіи, тогда какъ первая, единственно правомѣрная и правильная, (если разсуждать формально), линія обоюднаго, двусторонняго соглашенія, внезапно обрывается и уступаетъ постепенно, но очень скоро, новому порядку вещей.

3.

Предложенныя грузинскими уполномоченными и одобренныя, какъ мы видѣли, имп. Павломъ начала соединенія Грузіи съ Россіей представляютъ

*

не шагъ, а тысячу шаговъ впередъ на пути сплоченія и единства. Интересы и нужды Имперіи соблюдены въ такой мѣрѣ, что, рамки автономіи, оставляемыя за собой Грузіей, сводятся къ нулю.

Проектъ этотъ былъ, по самому существу своему, мертворожденнымъ, и поэтому, мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Основное его начало, что отнынѣ Грузія поступаетъ въ *полную* зависимость и подданство Россіи и будетъ оставаться *во всѣхъ частяхъ* въ повиновеніи Императора.

Династія Багратіоновъ сохраняется [1]) и представителямъ ея попрежнему принадлежитъ власть исполнительная въ царствѣ Грузинскомъ, но *власть законодательная цѣликомъ передается Имперіи;* такъ что цари правятъ по законамъ—и подъ законами Императора. Точно также, доходы Грузіи цѣликомъ находятся въ распоряженіи Русскаго Государя: царю же грузинскому обезпечивается со-

---

[1]) Эти два принципа: распространеніе на Грузію силы общеимперскихъ законовъ и сохраніе наслѣдственнаго царства за Багратіонами, ясно выражены въ «полномочіи, данномъ царемъ Георгіемъ посланникамъ своимъ, отправленнымъ имъ въ С.-Петербургѣ». Цагарели, II, № 175. См. Приложенія, D. Начала эти и были положены въ основу «просительныхъ пунктовъ» 1800 года, а также позднѣйшей ноты, поданной грузинскими послами въ апрѣлѣ 1801 года, уже послѣ перваго манифеста о присоединеніи.

держаніе. Войска русскія будутъ занимать грузинскую территорію и крѣпости. Наконецъ, обезпечивается равенство въ правахъ и передъ законами отдѣльнымъ состояніямъ грузинскихъ подданныхъ съ «россіянами».

Несомнѣнно, что Имперіи здѣсь предоставлена львиная доля, и что притязанія грузинскихъ контрагентовъ очень скромны; въ концѣ концовъ, Грузинскій царь былъ бы лишь наслѣдственнымъ намѣстникомъ Грузіи и, говоря практически, Грузія была бы не болѣе, какъ привилегированной провинціей Имперіи, интересы которой были бы такимъ образомъ, согласованы съ національными стремленіями Грузіи. Вѣроятно, авторамъ проекта казалось, что какими скромными предѣлами ни ограничивается власть грузинскихъ царей и независимость Грузіи, по этому проекту, все же, сохраняя національную династію, администрацію и пр., Грузія сохраняла тѣнь политическаго бытія; признаніемъ всестороняго верховенства Имперіи, она давала послѣдней больше чѣмъ можно было ожидать отъ любого самостоятельнаго государства. *Но то немногое, что она оставляла за собой, она желала поставить подъ гарантію Императорскаго обоюднаго акта.* Въ Грузіи, повидимому, считали, что только такая гарантія сколько-нибудь серіозна; и, дѣйствительно, до тѣхъ поръ,

пока связь Грузіи съ Россіей укрѣплялась и осложнялась путемъ соглашенія, договора,—царство Грузинское сохраняло въ принципѣ, свою независимость; оно и по проекту, не превращалось въ созданіе Имперіи; нѣтъ, оно лишь *передавало* Имперіи ему принадлежащее право законодательства, взиманія податей и пр. Изъ полноты своихъ правъ отдавали очень много, но отдавали добровольно. Всякое дальнѣйшее измѣненіе могло бы произойти, опять-таки, путемъ соглашенія.

Необходимо признать, что «просительные пункты» были со стороны грузинской монархіи признаніемъ полнаго своего безсилія. Вполнѣ естественно, что у царей не хватило духа отречься отъ своихъ прерогативъ до конца; отъ всего существеннаго они отреклись, но желали еще для себя привилегій; они готовы были стать, вмѣсто царей, наслѣдственными правителями Грузіи. Однако подобный чисто средневѣковый порядокъ вещей не могъ быть вовсе терпимъ въ XIX вѣкѣ. Разъ самыя главныя права власти переходили къ Россіи, то царская власть была бы уже формой безъ содержанія, своего рода скорлупой выѣденнаго яйца. Вышвырнуть за бортъ эту скорлупу было необходимо; сдѣлать это не могли представители самой династіи; не могли и грузины, у которыхъ для этого не хватило бы иниціативы; это могло и должно было сдѣлать одно

только русское правительство; оно и выполнило эту задачу,—неблагодарную задачу устраненія династіи, отжившей свое время.

III.

Теперь посмотримъ, какъ пришло русское правительство къ манифесту 18-го января 1801 года.

За два дня до подачи грузинскими послами разобранной ноты — и за четыре дня до ихъ «аппробаціи» имп. Павломъ, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ генералу Кноррингу (15 ноября 1800 года). Въ рескриптѣ этомъ говорится о ходатайствѣ посольства грузинскаго относительно вступленія въ подданство; подчеркивается «важность дѣла сего, сколько въ отношеніе земли той самой по себѣ, столько по соображеніямъ спокойства границъ нашихъ»; поэтому, повелѣвается «представить Намъ немедленно мнѣніе Ваше, сколько изъ ввѣренныхъ Вамъ войскъ можно отдѣлить для *занятія Грузіи* и пребыванія въ оной...»[1]) Затѣмъ, въ виду ожидавшейся уже тогда кончины Георгія XII, дается такая инструкція: «отправьте, коль скоро кончина (его) послѣдуетъ, немедленно туда объявленіе отъ имени Нашего, чтобы *до полученія отъ насъ со-*

---

[1]) Т. е. сверхъ тѣхъ войскъ, которыя уже были въ Грузіи для ея защиты, по трактату, съ 1799 года.

изволенія даже не было приступаемо къ назначенію преемника на царство Грузинское...[1])

Въ этотъ моментъ, отношенія Грузіи къ Россіи опредѣлялись еще началами трактата 1783 года, и предписаніе имп. Павла не допускать наслѣдниковъ къ престолу является очевиднымъ нарушеніемъ внутренней независимости Грузіи. Еще въ сентябрѣ 1800 года ген. Кноррингъ въ письмѣ Георгію XII ссылается на артикулы трактата [2]).

Теперь Императоръ, не ожидая «обоюднаго акта», дѣлаетъ распоряженія относительно занятія Грузіи войсками и оставляетъ за собой право распорядиться ея престоломъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ рядъ постановленій, также отступающихъ отъ теоріи «обоюднаго Императорскаго акта».

Одновременно съ отъѣздомъ изъ Петербурга грузинскихъ уполномоченныхъ, графъ Растопчинъ писалъ Кноррингу о необходимости заблаговременнаго распространенія въ Грузіи слуха, что получено повелѣніе итти въ Грузію съ войсками, будто бы на защиту ея. А когда послы вернутся въ Петербургъ, то послѣ этого (предполагалось, въ апрѣлѣ 1801 года) генералъ можетъ занять Грузію войсками;

---

[1]) Акты, т. I-й, стр. 177—8. № 116. См. Приложенія, G.
[2]) ib., стр. 147, № 66.

до того, пусть все остается безъ измѣненій [1]). 18 декабря судьба Грузіи уже (пока на бумагѣ) рѣшена. Въ этотъ день (значитъ, когда послы еще не доѣхали до Тифлиса) подписанъ манифестъ о присоединеніи Грузіи и посланъ Кноррингу.

Моментъ опубликованія этого манифеста желали поставить въ зависимость отъ смерти царя и прибытія пословъ. Разсчетъ не оправдался—т. е. царь умеръ не въ тотъ моментъ, когда въ Петербургѣ ему предназначено было умереть, но это вещь второстепенная. Интересно для характеристики присоединенія Грузіи, что подписанъ манифестъ, помимо обоюдности; интересно, что не велѣно—впредь до указа—быть грузинскому царю; интересно, наконецъ, что того же 18-го декабря повелѣвается Кноррингу представить подробное описаніе Грузіи—чтобы *«можно было приступить къ образованію правленія»*.

Итакъ, пока послѣдній царь Грузіи лежалъ на смертномъ одрѣ, а послы его съ проектомъ «обоюднаго акта» тащились по этой безконечной россійской равнинѣ къ горамъ Кавказа — въ Петербургѣ уже было произнесено властное слово.

Павелъ такъ торопился получить Грузію, что можно понять его нетерпѣніе. Какъ долго при-

[1]) «И мы будемъ имѣть удовольствіе соучаствовать въ дѣлѣ столь Богу и Государю угодномъ». Такой фразой оканчивается это письмо Ростопчина Кноррингу. Акты, т. I, стр. 181, № 124.

шлось бы ждать исполненія послами ихъ маршрута! Поэтому, не надо удивляться, что его приказъ Кноррингу относительно незамѣщенія престола данъ за 4 дня до аппробаціи «просительныхъ пунктовъ».

Съ этого-то момента сложный путь «обоюднаго» соглашенія замѣняется болѣе простымъ — и, при извѣстныхъ условіяхъ, болѣе цѣлесообразнымъ — путемъ непосредственныхъ указовъ «кому вѣдать надлежитъ» или «до кого сіе касаться можетъ».

Не смотря на такое неожиданное рѣшеніе вопроса о Грузіи, императоръ Павелъ, тѣмъ не менѣе, предполагалъ устроить въ Петербургѣ театральный пріемъ и приведеніе къ присягѣ «депутатовъ» отъ грузинскаго народа. Романтически настроенное вообраafженіе этого монарха предназначало Грузію къ высокой чести: замѣнить для ордена св. Іоанна Іерусалимскаго Мальту, потерянную кознями коварныхъ британцевъ. Но этого не случилось.

IV.

28-го декабря 1800 года скончался царь Георгій, и тотчасъ же объявлена населенію воля Императора относительно престола [1]). Но, вскорѣ

[1]) Еще 2-го декабря Кноррингъ предписывалъ ген. Лазареву принять мѣры, чтобы не было приступлено къ провозглашенію царя. «Сіе извольте содержать въ той тайнѣ, кото-

вслѣдъ за тѣмъ, прибыли, наконецъ, въ Тифлисъ князья Аваловъ и Палавандовъ. Оставаясь на почвѣ «пунктовъ», копію съ которыхъ они привезли въ Грузію — мы уже знаемъ, для чего — грузинскіе уполномоченные, которые, очевидно, по самому существу миссіи, на нихъ возложенной, не могли еще считать Грузію окончательно присоединенной — вручили царевичу Давиду грамоту императора Павла, и, вообще, смотрѣли на него, какъ на естественнаго преемника грузинскаго престола [1]).

15-го января 1801 г. царевичъ Давидъ опубликовалъ воззваніе къ грузинскому народу, въ которомъ заявлялъ: «...Высочайше повелѣно мнѣ торжественно приблизиться къ трону Грузіи по наслѣдству, въ званіи правителя оной. И такъ какъ необходимо было объявить о семъ всѣмъ моимъ народамъ, то симъ и извѣщаемъ о принятіи нами

рую требуетъ важность онаго дѣла; а въ случаѣ смерти царя объявите монаршую волю царевичамъ, дворянству и народу и удерживайте тогда все въ предѣлахъ повиновенія»... О всякой «важности» поспѣшно сообщать; депеши поручать исправнымъ казачьимъ старшинамъ, а, извѣщая о кончинѣ царя, посланнаго снабдить сильнымъ казачьимъ конвоемъ до Моздока. Акты. ib., стр. 182, № 125. См. «циркуляръ» Лазарева жителямъ Кахетіи 28-го декабря 1800 г. (день смерти царя), Цагарели, II, № 177.

[1]) Собственно русскія власти желали временное правленіе поручить царевичу Іоанну.

управленія наслѣдственнымъ престоломъ»... января 15, годъ хроникона 489 [1]).

Однако, Давиду только и удалось «приблизиться» къ трону. Рядомъ съ умиравшимъ династическимъ правомъ, Императорскіе манифесты и указы уже создавали постепенно базисъ для новаго строительства; уже готовились бочки охры и налаживались кисти, чтобы перекрашивать Грузію въ общеимперскій цвѣтъ [2]).

18-го января 1801 г. обнародованъ въ Петербургѣ 1-й манифестъ [3])—менѣе знаменитый и хуже написанный, но не менѣе дѣйствительный, чѣмъ манифестъ 12-го сентября.

18-го января Грузія объявлена уже частью русской территоріи, и если до 12-го сентября положеніе ея еще какъ бы не опредѣлилось окончательно, то только потому, что понадобилось нѣ-

---

[1]) Акты, I, стр. 297, № 358. Воззваніе насл. царевича Давида къ грузинскому народу.

[2]) Какъ пишетъ авторъ меланхолическаго мемуара о послѣднихъ дняхъ Грузіи, «царевичъ Давидъ занялъ престолъ отца своего по наслѣдственному праву, и ему принадлежала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ власть, которую имѣли во всей полнотѣ дѣдъ его и отецъ. Но, обстоятельства и политическіе перевороты не позволили ему воспользоваться всѣми царскими прерогативами». И, такимъ образомъ, «коренная перемѣна постигла Иверію». Mémoires inédits, relatifs à l'histoire etc. II-de partie, § 198.

[3]) См. Приложенія, Н.

сколько мѣсяцевъ, пока личное правосознаніе Александра I примирилось съ *такимъ* присоединеніемъ, какое произошло при его отцѣ.

Характеръ состоявшагося по первому манифесту присоединенія Грузіи къ Россіи смягчался нѣсколько тѣмъ, что Императоръ желалъ въ торжественной аудіенціи принять грузинскихъ депутатовъ [1]), при чемъ онъ самъ былъ бы въ одѣяніи древнихъ царей Грузіи и т. д. Но теорія «обоюдности» не сразу была оставлена грузинами. 18-го января 1801 г. (въ одинъ день съ опубликованіемъ манифеста въ Петербургѣ) царевичъ Давидъ писалъ Кноррингу, что, согласно Высочайшей волѣ, онъ отправилъ князей Авалова и Палавандова къ Государю полномочными министрами, какъ отъ себя, «такъ и отъ здѣшнихъ духовенства и свѣтскихъ вельможъ»... Онъ проситъ генерала оказать имъ содѣйствіе «для пріобрѣтенія, какъ онъ говоритъ, *мнѣ* и *царству моему* заблаговременно благоденственной Высокомонаршей милости» [2]).

Посылая уполномоченныхъ, царевичъ Давидъ придавалъ имъ то значеніе, какое вытекало изъ пере-

---

[1]) Рескриптомъ 18-го января (одновременно съ манифестомъ) повелѣно Кноррингу обнародовать этотъ манифестъ въ Грузіи и поспѣшить присылкой депутатовъ.

[2]) Акты, т. I, стр. 297—8, № 359. Письмо царевича Давида ген.-л. Кноррингу.

данной Растопчинымъ Высочайшей воли. Но мы видѣли, что воля эта шла одновременно двумя путями—путемъ «обоюдности» и путемъ болѣе упрощеннаго односторонняго волеизъявленія. Какъ бы то ни было, въ Петербургѣ тоже ожидали депутатовъ—они были нужны для «публичной аудіенціи».

Павлу хотѣлось, чтобы «весь свѣтъ» видѣлъ добровольное присоединеніе Грузіи.

Иронія судьбы вторично нарушила предположенный церемоніалъ этого присоединенія. Тогда уполномоченные не застали въ живыхъ царя Георгія; теперь, раньше ихъ пріѣзда въ Петербургъ, скончался самъ императоръ Павелъ [1]). Это произошло 12 марта 1801 г.

Теперь вопросъ о пріемѣ Императоромъ депутатовъ въ торжественной аудіенціи уступаетъ мѣсто другому, болѣе важному—именно, Александръ I не рѣшается сразу взять на свою совѣсть присоединенія Грузіи, предписаннаго манифестомъ императора Павла.

Поддержанный въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ этому акту ближайшими своими сподвижниками, членами знаменитаго «тріумвирата», моло-

[1]) «По чудесному стеченію судебъ, пишетъ Бутковъ, полномочные грузинскіе, не обрѣвъ въ живыхъ своего царя, лишились счастія зрѣть еще и россійскаго монарха». Извѣстіе о смерти Павла застало ихъ въ Москвѣ.

дой Государь противопоставляетъ точку зрѣнія *права*—идеѣ государственнаго *интереса,* которой одной руководились, присоединяя Грузію.

2.

Черезъ мѣсяцъ послѣ опубликованія манифеста въ Петербургѣ, послѣдовало его обнародованіе въ Тифлисѣ.

Между тѣмъ, царевичъ Давидъ, взявшій, по побужденію грузинскихъ уполномоченныхъ, въ свои руки бразды правленія въ Грузіи, дѣйствовалъ, какъ настоящій блюститель престола и будущій царь. Это положеніе вещей создалось фактически, благодаря «послабленію» русскихъ военныхъ властей въ Грузіи.

Такимъ образомъ, при вошествіи на престолъ императора Александра, хотя Грузія и была уже манифестомъ 18 января объявлена частью Имперіи, но окончательной оккупаціи, окончательнаго водворенія въ ней русскихъ властей еще не произошло.

Для «присоединеній», какъ и для многаго другого, не достаточно еще одной воли, хотя бы въ манифестѣ изъявленной; необходимо еще создать соотвѣтствующій этой волѣ фактическій порядокъ вещей. Требовался рядъ политическихъ мѣръ, имѣющихъ

цѣлью лишить государство, предназначенное къ упраздненію, его органовъ. А такъ какъ естественнымъ и нормальнымъ представителемъ Грузіи, носителемъ ея исчерпаннаго уже политическаго бытія являлся царь, то незамѣщеніе престола, на основаніи Высочайшаго распоряженія, и было той мѣрой, которая влекла за собой конецъ одного порядка и начало другого. Военныя власти не допустили провозглашенія новаго царя. Такое провозглашеніе привело бы къ открытому столкновенію. Этого не произошло, между прочимъ, и потому, что надѣялись еще на старый путь—двусторонней сдѣлки.

Послѣ перваго манифеста—отправленіе многолюдной депутаціи, съ прежними уполномоченными во главѣ, съ грамотами отъ всѣхъ сословій—открывало русскому правительству возможность, не доводя оккупаціи до конца, пересмотрѣть и провѣрить свои права на Грузію.

Словомъ, обратный пріѣздъ уполномоченныхъ съ депутаціей въ Петербургъ, съ намѣреніемъ добиться обоюднаго торжественнаго акта и двустороннимъ соглашеніемъ закрѣпить присоединеніе Грузіи къ Россіи—давалъ прямой отвѣтъ на сомнѣнія императора Александра, и указывалъ ему единственно правильный и простой способъ правомѣрнаго разрѣшенія вопроса.

Но, въ томъ то и дѣло, что всѣ старанія уполно-

моченныхъ были тщетны, и нашлись иные способы примирить колебанія щепетильнаго Императора съ политическими выгодами Имперіи.

V.

1.

Вопросъ о присоединеніи Грузіи былъ однимъ изъ первыхъ вопросовъ, какіе пришлось разсматривать вновь учрежденному Государственному Совѣту при императорѣ Александрѣ I; этотъ же самый вопросъ обсуждался на предпослѣднемъ засѣданіи Совѣта императора Павла. И, хотя судьба Грузіи была уже рѣшена Павломъ, а Александръ лишь не зналъ, какъ отнестись къ совершившемуся уже факту; но сановники Императора колеблющагося больше обнаружили вниманія и серіознѣе посмотрѣли на дѣло, чѣмъ совѣтники рѣшительнаго императора Павла.

Наканунѣ подписанія манифеста, 17 декабря 1800 г., читано въ Совѣтѣ представленіе графа Мусина-Пушкина о «удобности и выгодахъ присоединенія Грузіи къ Державѣ Россійской». Совѣтъ вполнѣ соглашался съ «удобностью» и не отрицалъ «выгодъ» такого шага. Болѣе того, онъ нашелъ, что званіе «покровителя тѣхъ земель», даетъ Импера-

тору *право* принимать необходимыя для безопасности края мѣры—поэтому, отъ Государя зависитъ, какъ достигнуть этого: увеличеніемъ ли своего вліянія во внутреннихъ дѣлахъ Грузіи, или же совершеннымъ ея присоединеніемъ къ Россіи. Обосновавъ юридически право присоединить Грузію, (именно, какъ вытекающее изъ протектората sic), Совѣтъ исчисляетъ выгоды, какія произойдутъ отъ этого для Россіи: здѣсь указываются «уступаемыя нынѣ царемъ Георгіемъ сокровища, тамъ въ богатыхъ нѣдрахъ заключающіяся»; затѣмъ, «вящщая удобность» обуздать хищныхъ горцевъ; наконецъ, знаменитый аргументъ насчетъ торговли «не токмо съ сосѣдями, но и *индѣйскими* народами», и стратегическія выгоды, въ случаѣ войны съ Портой или Персіей [1]).

Само собой разумѣется, что императоръ Але-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. II, стр. 881—882. Бутковъ со словъ Вейдемейера, тогдашняго правителя канцеляріи Государственнаго Совѣта, сообщаетъ, что, собственно, большинство членовъ Совѣта высказалось противъ присоединенія, но, пока изготовлялся въ этомъ смыслѣ журналъ, генералъ - прокуроръ Обольяниновъ объявилъ, что на присоединеніе Грузіи дано уже Высочайшее соизволеніе, и сообразно съ этимъ долженъ быть составленъ журналъ. Его и составили «сообразно». Матерьялы, т. III, с. 333. Обольяниновъ былъ типичный «угодникъ» Павловскаго времени, вмѣстѣ съ Архаровымъ, Аракчеевымъ etc. Ср. Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 56.

ксандръ, еще наслѣдникомъ, былъ знакомъ съ вопросомъ о Грузіи: журналъ только что упомянутаго засѣданія Совѣта подписанъ именно имъ [1]).

Вступивъ на престолъ, онъ нашелъ, строго говоря, Грузію уже присоединенной, т. е. воля присоединить ее была уже изъявлена, притомъ, въ авторитетной формѣ манифеста. Мы показали, что былъ, сверхъ того, сдѣланъ и рѣшительный шагъ къ исполненію этой воли, т. е. не допущено было провозглашеніе новаго царя.

Однако, многое изъ стараго сохраняло силу. Нуженъ былъ еще цѣлый рядъ мѣръ, чтобы осуществить рѣшеніе императора Павла. Но, въ щепетильной душѣ его сына нашлось мѣсто для колебаній.

Александръ, этотъ удивительный и капризный монархъ, переживавшій тогда пору благороднѣйшихъ и никогда не осуществленныхъ замысловъ, усумнился въ правомѣрности акта, на основаніи котораго Грузія присоединена къ Россіи. Онъ видѣлъ въ этомъ несправедливость по отношенію къ законнымъ наслѣдникамъ грузинскаго престола [2]).

Замѣчательно, что ни императоръ Павелъ, ни

---

[1]) Ib., 334 (Бутковъ).

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, томъ III, часть 2-я, стр. 1189.

его совѣтники не видѣли, что, упраздняя тронъ Багратидовъ, они нарушаютъ очевиднѣйшимъ образомъ принципъ, изъ-за котораго готовы посылать на смерть арміи и возводить китайскую стѣну между Европой и Россіей,—принципъ легитимизма. Впрочемъ, могло казаться неумѣстнымъ обсуждать «азіатскія» дѣла съ точки зрѣнія европейскихъ воззрѣній на богоустановленность монархій.

Въ виду сомнѣній Императора, вопросъ о Грузіи былъ предложенъ на обсужденіе вновь образованнаго Государственнаго Совѣта [1]). Въ числѣ членовъ его были теперь лица близко знакомыя съ дѣлами этой части Азіи, по опыту и по личной роли въ политикѣ—именно Платонъ и Валеріанъ Зубовы. При такихъ условіяхъ, при возбужденіи вопроса о правѣ рядомъ съ вопросомъ о выгодѣ, нельзя было уже ограничиться ссылками на хищниковъ-горцевъ и «индѣйскую» торговлю. Дѣйствительно, мы видимъ, что присоединеніе Грузіи къ Россіи вызвало въ Государственномъ Совѣтѣ настоящіе дебаты по вопросу внѣшней политики: рѣдкій примѣръ въ исторіи Совѣта за этотъ вѣкъ.

---

[1]) Первое образованіе Государственнаго Совѣта при Александрѣ I относится къ 30 марта 1801. Вопросъ о Грузіи разсматривался уже 11 апрѣля.

2.

Впервые при императорѣ Александрѣ I Совѣтъ занимался Грузіей въ собраніи 11 апрѣля 1801 г.

Читаны были бумаги о присоединеніи, и Совѣтъ нашелъ, что присоединеніе это имѣло двѣ причины. Во-первыхъ, донесеніе гр. Мусина-Пушкина объ обильныхъ рудникахъ; во-вторыхъ, объявленіе посланниковъ царя Георгія о желаніи его, чтобы царство поступило въ непосредственное подданство Россіи и тѣмъ избѣгло бы гибели въ виду неизбѣжныхъ раздоровъ. Пословъ отправили въ Грузію, чтобы они вернулись съ нужными полномочіями—для учиненія торжественной присяги [1]).

Мы подробно говорили о томъ, въ чемъ состояло «объявленіе» (т. е. просительные пункты) грузинскихъ уполномоченныхъ; извѣстно намъ и то, для чего ихъ отправили обратно (привезти отвѣтную грамоту и полномочія для заключенія «обоюднаго» акта). Повидимому, въ числѣ «бумагъ», читанныхъ въ Совѣтѣ, не оказалось главнѣйшихъ. Въ результатѣ, ни слова о миссіи уполномоченныхъ, ни слова о старыхъ обязательствахъ по трактату 1783 г., подтвержденному въ 1799 г.

---

1) Архивъ Г. С., ib.

По мнѣнію Совѣта, необходимо «удержать» Грузію подъ скипетромъ Россіи по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) чтобы избавить слабое царство отъ пагубныхъ междоусобій; 2) собственное достоинство Имперіи, издавней покровительницы царства, требуетъ сохраненія его въ цѣлости (а потому, присоединенія); 3) этого же требуетъ спокойствіе границъ. И необходимо не только оставить въ Грузіи занимающія ее войска, но и приступить къ организаціи временныхъ властей, прочно тамъ основаться,—такъ какъ съ занятіемъ Грузіи должно быть связано исполненіе екатерининскихъ плановъ 1796 г.[1]).

Легко узнать въ этихъ разсужденіяхъ сподвижниковъ Екатерины.

Государственный Совѣтъ, извращая самый вопросъ объ отношеніи Грузіи къ присоединенію, допуская такія разсужденія, какъ: царство грузинское должно быть сохранено въ цѣлости — поэтому его надо присоединить къ Россіи, едва ли стоялъ на высотѣ задачи, возложенной на него монархомъ.

Александръ не спрашивалъ: выгодно ли присоединить Грузію? Онъ спрашивалъ: нѣтъ ли въ этомъ несправедливости, т. е. не нарушается ли

---

[1]) Ib., стр. 1190—1191.

этимъ династическое право наслѣдниковъ? Еслибы существовалъ какой-либо актъ отреченія царя Георгія или его наслѣдниковъ отъ царственныхъ правъ въ пользу русскаго Государя, то, надо полагать, этотъ актъ былъ бы извѣстенъ монарху; и тогда ему не зачѣмъ было бы колебаться и сомнѣваться въ своемъ правѣ на Грузію. Тогда могла бы итти рѣчь о цѣлесообразности, о томъ, выгодно ли это, стоитъ ли брать на себя это бремя? Но, никакого подобнаго акта не существовало; для Александра ни откуда не было ясно, что Грузія дѣйствительно вступаетъ въ подданство по доброй волѣ; да и не могло быть ясно, такъ какъ обоюднаго акта, какого желали грузины, не было заключено, а манифестъ о присоединеніи былъ уже объявленъ. Значитъ, надо было помочь Государю выйти изъ его сомнѣній. Вмѣсто того, чтобы указать на единственно возможный путь правомѣрнаго рѣшенія вопроса—путь взаимнаго соглашенія, путь «обоюднаго» акта, казалось, освященный еще Павломъ, вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу грузинскимъ уполномоченнымъ, также желавшимъ болѣе правомѣрнаго исхода дѣла — Государственный Совѣтъ, вслѣдъ за вельможами — сторонниками присоединенія, игнорировалъ, собственно, желанія грузинъ, хотя вся рѣчь шла именно объ этихъ желаніяхъ.

Разъ отвергали путь обоюднаго разсмотрѣнія, то оставалось или доказывать, что всѣ грузины жаждутъ непосредственнаго подданства, или же настаивать на пользѣ, какая послѣдуетъ отъ присоединенія для грузинъ и для Россіи. Совѣтъ такъ и поступилъ: голословно утверждая о желаніи грузинъ быть въ подданствѣ Россіи, онъ не жалѣлъ красокъ, рисуя выгоды и пользу отъ присоединенія для обѣихъ сторонъ.

Однако, Государь не удовлетворился разсужденіями Совѣта въ этомъ засѣданіи.

3.

Черезъ 4 дня, въ засѣданіи 15-го апрѣля 1801 г., приступлено снова къ обсужденію грузинскихъ дѣлъ. Генералъ-прокуроръ Беклешовъ сообщилъ о «крайнемъ отвращеніи Государя къ принятію Грузіи въ подданство Россіи», такъ какъ онъ, Государь, «почитаетъ несправедливымъ присвоеніе чужой земли» [1]).

Въ засѣданіи 15-го апрѣля высказано много интереснаго; доводы становятся болѣе вѣскими. Но, опять-таки, вопросъ о «справедливости», т. е. правомѣрности, рѣшается далеко не убѣдительно.

Совѣтъ остался при первоначальномъ своемъ

---

[1]) Ib., 1191.

мнѣніи. Во-первыхъ, онъ доказываетъ, что изъясненное отъ всего народа желаніе быть подданными россійскими достаточно оправдываетъ присоединеніе, такъ какъ «устраняетъ отъ предпріятія сего всякій видъ несправедливости». Но, какого подданства желали — этого Совѣтъ не касался.

Затѣмъ, вторая серія доводовъ касается тѣхъ слѣдствій, которыя повлечетъ за собой непринятіе въ подданство. Слѣдствія эти двоякаго рода: а) непринятіе въ подданство—будетъ для Грузіи «конечною пагубою». Персіяне всегда вредили грузинамъ, и теперь жаждутъ лишь уличить благопріятную минуту, чтобы жестоко отомстить имъ за ихъ связь съ Россіей. Говоря объ этой постоянно угрожающей опасности, Совѣтъ высказалъ точку зрѣнія, имѣвшую рѣшительное значеніе на исходъ дѣла.

По его мнѣнію, если надо помогать Грузіи, то приходится выбирать одно изъ двухъ: или совершенно устраниться отъ нея, или же принять ее въ полное подданство. Или предоставленіе ея собственной судьбѣ—или полная инкорпорація—другого исхода нѣтъ. Tertium non datur.

«Покровительство, какое доселѣ Россія давала Грузіи, имѣетъ взаимныхъ неудобствъ столько, что между совершеннымъ оставленіемъ послѣдней и прлнятіемъ ея въ подданство первой—нѣтъ середины».

Чтобы прочнымъ образомъ обезпечить Грузіи спокойствіе — нужно держать тамъ постоянно такое количество войскъ, что это будетъ крайне дорого; если же ограничиваться присылкой помощи лишь по мѣрѣ надобности, то цѣль не будетъ достигнута, Кавказская линія отдѣлена отъ Грузіи труднопроходимыми горами, а персіяне въ какія-нибудь сутки могутъ быть уже у стѣнъ Тифлиса.

b) Но и самой Россіи неприсоединеніе Грузіи сулитъ огромный вредъ. Предоставленная себѣ, Грузія будетъ уничтожена, и вмѣсто христіанскаго владѣнія, на нашей границѣ окажутся заклятые враги—мусульмане. Между тѣмъ, и до сихъ поръ Грузія оказывала ту услугу Россіи, что мѣшала соединенію враждебныхъ намъ силъ въ краѣ, и горцы не могли дѣйствовать съ такой увѣренностью, имѣя Грузію у себя въ тылу.

Но если не присоединить это царство, грузины, чего добраго, предадутся Турціи, и тогда! тогда послѣдствія будутъ страшны для Россіи. Ей придется имѣть дѣло на разстояніи границы въ 800 верстъ съ враждебными силами Кавказа, объединенными Турціей. Не замедлятъ присоединиться сюда и внушенія другихъ державъ; тогда—ужасно даже подумать о томъ, что тогда будетъ. Въ силу всего этого, необходимо присоединить Грузію къ Россіи.

Но чтобы устранить послѣднія колебанія, Государственный Совѣтъ предлагаетъ слѣдующій, рѣшительный способъ дознанія истины. Пусть дадутъ секретное повелѣніе генералу Кноррингу ѣхать въ Грузію и «изыскать» на мѣстѣ: 1) можетъ ли быть Грузія царствомъ независимымъ, собственными силами противостоять врагамъ, смутамъ etc.? 2) дѣйствительно ли просьба о принятіи въ подданство опирается на единодушное желаніе всего народа? [1]).

Обратите вниманіе на ходъ разсужденій Государственнаго Совѣта. Онъ съ начала же установляетъ дилемму: или инкорпорація, или оставленіе на произволъ судьбы; затѣмъ, указываетъ на неисчислимыя бѣдствія, которыя послѣдовали бы при второмъ рѣшеніи вопроса (т. е. въ случаѣ непринятія въ подданство); остается *только* первый исходъ, т. е. полное присоединеніе, такъ какъ иныя комбинаціи Совѣтъ прямо замалчиваетъ. Вслѣдствіе такой постановки вопроса, и вышло, что ген. Кноррингъ долженъ рѣшить то, что было ясно уже съ давнихъ поръ.

Можетъ ли Грузія быть совершенно независимымъ царствомъ? Но она искала у Россіи помощи въ теченіе вѣковъ, и именно ради этого обмѣни-

---

[1]) Ib., стр. 1191—1194.

валась посольствами. Наконецъ, для чего-нибудь же искалъ Ираклій покровительства Екатерины?

Затѣмъ, дѣйствительно ли просьба о подданствѣ есть общая всѣхъ просьба?

Но, строго говоря, не въ этомъ было дѣло, а въ томъ, какого подданства искали. Желали, повторяемъ, подданства съ царемъ и двустороннимъ актомъ.

4.

Императоръ Александръ согласился съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и, согласно предположенію послѣдняго, поручилъ генералу Кноррингу ѣхать въ Грузію и удостовѣриться на мѣстѣ: 1) дѣйствительно ли внутреннее и внѣшнее положеніе страны таково, что она не можетъ собственными своими силами обезпечить себя извнѣ и искоренить внутреннія междоусобія? 2) единодушно ли и по собственному ли убѣжденію сословія искали подданства, или же это плодъ воздѣйствій и внушеній?

Такова была миссія, возложенная на генерала Кнорринга Высочайшимъ рескриптомъ 19-го апрѣля 1801 г.[1]).

Въ сущности, едвали не было странно поручать

---

[1]) Акты, т. I.

русскому генералу, притомъ несомнѣнному кандидату на постъ главнокомандующаго въ Грузіи,— какъ бы экспертизу того, что можетъ и чего хочетъ Грузія, когда, одновременно съ этимъ, въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ, грузинскіе уполномоченные вновь подавали ноту, выражавшую желанія уполномочившихъ ихъ, и тщетно добивались того, чтобы вопросъ рѣшенъ былъ съ ихъ участіемъ.

Пока генералъ Кноррингъ знакомился на мѣстѣ съ грузинскими дѣлами, въ Государственный Совѣтъ поступили на обсужденіе два важныхъ прошенія касательно Грузіи; именно, 3-го іюня, прошеніе вдовствующей грузинской царицы Дарьи о томъ, чтобы оставить Грузію на прежнемъ положеніи, по трактату 1783 г.; а 4-го іюня читано прошеніе царевича Давида о сохраненіи ему наслѣдства на царство Грузинское. Но разсмотрѣніе этихъ предметовъ Совѣтъ отложилъ до возвращенія изъ Грузіи генерала Кнорринга [1]).

22-го мая Кноррингъ въѣхалъ въ Тифлисъ, и началось его ознакомленіе съ Грузіей [2]). Оказа-

---

[1]) Архивъ, ib., 1195—1196.

[2]) «Пребываніе главнокомандующаго въ Грузіи было весьма кратковременно... Къ обозрѣнію сей области, къ Имперіи присоединенной, онъ времени нисколько не имѣлъ, проживъ все то время въ Тифлисѣ». Соколовъ, Путешествіе въ Имеретію

лось, что царевичъ Давидъ, «допущенный полномочными грузинскими къ участвованію въ правленіи, по послабленію мѣстнаго военнаго начальства, присвоилъ себѣ почти всѣ права прежней царской власти» [1]).

Теперь трудно представить себѣ, въ какомъ двусмысленномъ положеніи находилась Грузія въ это переходное время. Русскій оккупаціонный отрядъ не допустилъ бы провозглашенія кого-нибудь царемъ; но онъ не помѣшалъ Давиду стать временно «почти» царемъ.

Сторонники завѣщанія Ираклія, приверженцы Юлона, партія, вообще болѣе консервативная (и болѣе многочисленная), чѣмъ партія Давида — въ глазахъ русскаго начальства — были уже прямые бунтовщики [2]). Имъ объявляли, что царевичъ Давидъ есть Высочайше утвержденный наслѣдникъ, а Давиду, опять-таки по Высочайшему повелѣнію, не позволяли провозгласить себя царемъ. Затѣмъ, насчетъ присоединенія — полная неизвѣстность: манифестъ Павла былъ обнародованъ въ церквахъ,

---

съ Линіи кавказской etc., 118. Этотъ Соколовъ ѣздилъ съ секретнымъ порученіемъ въ Имеретію въ 1802 г.

[1]) Бутковъ, Матеріалы, т. II, гл. 261.

[2]) Впрочемъ, еще раньше установлена на нихъ эта точка зрѣнія. Вотъ воззваніе генерала Лазарева отъ 26-го января 1801 г.: «Священнѣйшее духовенство, сіятельнѣйшіе князья,

а, когда русскія войска присягали Александру, при его восшествіи на престолъ, грузинъ къ присягѣ не приводили. Многіе поняли это такъ, что Грузія будетъ опять вовсе очищена.

Примите въ разсчетъ броженіе въ сосѣднихъ странахъ, угрозы Персіи, Дагестана; припомните, что рѣчь идетъ о народѣ, уже неоднократно обманутомъ въ своихъ ожиданіяхъ, и искавшемъ подданства для улучшенія, а не ухудшенія своей судьбы; и вы поймете, что генералъ Кноррингъ не могъ найти въ Грузіи ничего, кромѣ той путаницы, какую онъ изобразилъ въ своемъ отчетѣ Государю.

Но, затѣмъ, онъ впадаетъ въ ту же ошибку, что и многіе другіе оффиціальные наблюдатели: ихъ глазъ, привыкшій къ порядкамъ плацъ-парада и

почтенные дворяне и народъ Карталинскій!... е. св. царевичемъ и наслѣдникомъ Давидомъ посланъ къ вамъ Манифестъ, въ силу Высочайше имъ полученной грамоты на имя покойнаго царя вашего, черезъ бывшихъ посланниковъ при Высочайшемъ дворѣ князей Авалова и Палавандова, по коей е. св. царевичъ управляетъ царствомъ Грузинскимъ до воспослѣдованія Высочайшей воли»... Но тамъ многіе не исполняютъ этого: «духовенство чинитъ поминовеніе царю, котораго нѣтъ (т. е. Юлону), ибо никто еще не назначенъ Г. И. и сіе совсѣмъ противно Его Высочайшей волѣ, почему и предлагаю вамъ всѣ таковыя дерзости, противныя благоустроенному порядку, оставить»... Непослушныхъ ожидаетъ принужденіе. Акты, т. I, № 363, стр. 298—299.

канцеляріи, видѣлъ въ Грузіи одинъ хаосъ и безпорядокъ. Однако, «иррегулярность» еще не означаетъ отсутствія жизнеспособности. Живописное сочетаніе варварства, патріархальности и патріотизма, вся картина жизни Грузіи, таившая въ себѣ вѣками неразрѣшенную политическую проблему,—оскорбляла хорошо дрессированныхъ служакъ, военныхъ и гражданскихъ.

Кноррингъ сообщаетъ о всяческихъ неустройствахъ въ Грузіи и, не говоря, собственно, ничего новаго, отвѣчаетъ *отрицательно* на вопросъ о томъ, можетъ ли Грузія устоять безъ помощи и *положительно* на вопросъ, единогласно ли желаютъ грузины подданства.

Постановка вопроса, допущенная Государственнымъ Совѣтомъ и перешедшая въ рескриптъ Императора, предрѣшила и исходъ миссіи Кнорринга.

Едва ли нужны были эксперты для засвидѣтельствованія незавиднаго положенія Грузіи. Не говоря о свѣдѣніяхъ, отъ обилія которыхъ ломились архивы Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ цѣломъ рядѣ грамотъ царей несчастія страны были изображены со всѣмъ краснорѣчіемъ патріотизма и страданія.

Но генералъ Кноррингъ, какъ и многіе другіе, пріѣхалъ—и увидѣлъ только безпорядокъ, безпо-

рядокъ вездѣ и во всемъ; отъ него нельзя было ожидать соображеній, основанныхъ на болѣе свободной оцѣнкѣ вещей, болѣе широкихъ политическихъ взглядахъ. Во что бы ни стало и какъ бы то ни было, насадить благочиніе — вотъ къ чему сводился для этихъ людей вопросъ о Грузіи. Онъ не могъ не замѣтить, какъ радовалось населеніе его пріѣзду, видя въ этомъ залогъ того, что войскъ не уведутъ. Но, онъ сдѣлалъ отсюда тотъ выводъ— что необходимо принятіе въ подданство полное и безусловное; выводъ этотъ, въ концѣ концовъ, получилъ и Высочайшее утвержденіе—но смуты ближайшихъ лѣтъ показали, что это было не такъ, что подданства искали, но не такого.

5.

Докладъ генерала Кнорринга былъ поданъ Императору 28-го іюля 1801 г. Но за четыре дня, 24-го іюля, представленъ былъ Государю документъ, представляющій большой историческій интересъ и ничего общаго не имѣющій со всѣмъ, что мы до сихъ поръ видѣли,—ни по глубинѣ, ни по ясности принциповъ и силѣ доводовъ. Нашлись государственные люди, которые въ присоединеніи Грузіи видѣли нѣчто болѣе сложное, чѣмъ выгодную для Россіи оккупацію страны, нуждающейся въ ея

помощи. Мы имѣемъ въ виду всеподданнѣйшій докладъ о Грузіи графа А. Воронцова и графа В. Кочубея [1]) (являвшихся выразителями мнѣній неоффиціальнаго комитета). Если колебанія императора Александра были лишь колебаніями щепетильнаго человѣка, то здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ какъ общихъ соображеній, такъ и спеціальныхъ доказательствъ.

Прежде всего, докладчики напоминаютъ Императору основной принципъ его политики: заботиться не о распространеніи предѣловъ и безъ того слишкомъ обширнаго государства, а объ его внутреннемъ благоустройствѣ. Этого принципіальнаго соображенія было бы достаточно, чтобы отвергнуть самую мысль «присвоить Грузію»; но существуютъ еще и многіе другіе доводы противъ этого.

Какова была политика Екатерины II—по отношенію къ Грузіи? Со времени присоединенія Крыма и гарантій Ясскаго трактата, кавказская граница могла считаться обезпеченной, и Императрица

---

[1]) Архивъ, ib., стр. 1200—1207. Напомнимъ, что этотъ гр. Воронцовъ былъ человѣкъ стараго поколѣнія, но во многомъ раздѣлявшій мнѣнія неоффиціальнаго комитета, а Кочубей—одинъ изъ главнѣйшихъ выразителей того освободительнаго теченія, которое заставило Россію забыть о превратностяхъ предыдущаго царствованія.

никогда не имѣла въ мысляхъ присоединять Грузію; а если она приняла ее подъ свое покровительство, то это въ интересахъ своего *вліянія* въ этой части Азіи, въ интересахъ престижа Россіи, какъ покровительницы христіанъ, наконецъ, чтобы тамъ не утвердилась Порта.

Императоръ Павелъ сначала относился довольно безразлично къ Грузіи и съ трудомъ согласился подкрѣпить ее двумя баталіонами, въ виду угрозъ Персіи. Но, затѣмъ, образъ мыслей его измѣнился, и онъ рѣшился присоединить Грузію къ Россіи, «вслѣдствіе, какъ кажется, разныхъ неосновательныхъ свѣдѣній и происковъ, увеличившихъ до крайности важность пріобрѣтенія сего».

Если сопоставить мотивы императора Павла и соображенія Госуд. Совѣта, высказанныя уже при имп. Александрѣ, въ пользу удержанія Грузіи подъ скипетромъ Россіи, то окажется, что присоединеніе Грузіи мотивируется, во-первыхъ, докладомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ имп. Павлу, получившимъ «аппробацію», въ которомъ, среди другихъ неправильностей, утверждается, будто въ Грузіи населенія до 800,000 чел., между тѣмъ какъ ген. Кноррингъ не ручается и за 160,000; во-вторыхъ, якобы общимъ желаніемъ народа; но какимъ образомъ могъ изъявить такое единодушіе народъ, разсѣянный по деревнямъ, и дворянство, раздѣленное

на партіи? и неужели можно повѣрить, что царевичи, имѣющіе права на престолъ, такъ просто ихъ уступаютъ?

Эти два пункта относятся еще къ манифесту имп. Павла. Затѣмъ, слѣдуютъ три мотива, выставленныхъ преимущественно Госуд. Совѣтомъ. Въ третьихъ—богатство рудниковъ въ Грузіи; въ четвертыхъ, удобство къ «обузданію» горскихъ народовъ; въ пятыхъ, опасность, что, по очищеніи Грузіи, она отдастся Портѣ, и тогда произойдетъ важный ущербъ для Россіи.

Но Совѣтъ желаетъ присоединеніе Грузіи связать съ возрожденіемъ старыхъ замысловъ насчетъ Персіи! Что такое прикаспійскіе берега—это Россія знаетъ по горькому опыту Петровскаго похода въ Персію, обошедшемуся намъ такъ дорого, когда множество солдатъ «находило гробъ свой» въ тамошнемъ климатѣ [1]). Не даромъ имп. Анна Іоанновна вернула Персіи всѣ завоеванія своего дяди. Говорятъ о торговлѣ съ Персіей и даже Индіей. Но развѣ не ясно, развѣ не признано наилучшими политиками, что всякое молодое государство должно заботиться о своей туземной промышленности, а не о рискованныхъ отдаленныхъ спекуляціяхъ?

---

[1]) Одинъ этотъ доводъ показываетъ, что говорятъ люди новой школы. Это не потемкинскія и не зубовскія рѣчи.

Жалкое и все ухудшающееся положеніе астраханской торговли достаточно подтверждаетъ это. Наконецъ, гдѣ эти купцы, и гдѣ эти капиталы? Ихъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ эти фантастическіе планы, имѣвшіе приверженцевъ въ лицѣ Зубовыхъ, докладчики приступаютъ къ политической оцѣнкѣ присоединенія Грузіи, помимо Персіи и Индіи. Необходимо разсмотрѣть выгоды и невыгоды этого пріобрѣтенія.

Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ грузинскими дѣлами, каждому очевидно, что охраненіе Грузіи, если она войдетъ въ составъ русской территоріи, будетъ стоить намъ несравненно дороже, чѣмъ если она будетъ лишь подъ нашимъ покровительствомъ. Потому что, въ первомъ случаѣ, вниманіе Персіи и Турціи привлечено будетъ въ гораздо бо́льшей степени.

Ссылаются на богатство рудниковъ. Но, во-первыхъ, «подобныя спекуляціи приличнѣе купеческой компаніи, нежели большому государству»; во-вторыхъ, предполагаемый доходъ такъ ничтоженъ (30,000 р. въ годъ!), что лучше предоставить дѣло частной предпріимчивости; наконецъ, вѣдь рудники уступаютъ намъ и такъ; значитъ, можно ихъ оборудовать, не касаясь самостоятельности Грузіи [1]).

[1]) Кочубей основательно опровергалъ преувеличенныя представленія Госуд. Совѣта о богатствѣ и доходахъ Грузіи. Ка-

Остаются соображенія о безопасности границъ. Но объ этомъ можно бы было говорить только въ случаѣ полнаго разоренія Грузіи; а если оставить ее, на прежнемъ положеніи, и подкрѣпить небольшимъ числомъ войскъ, то жаловаться на необезпеченность границъ нельзя будетъ.

Такова политическая аргументація авторовъ доклада. Они оцѣнивали присоединеніе Грузіи съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ Россіи, и отнеслись отрицательно къ этому присоединенію [1]). Что же касается точки зрѣнія права, то они, конечно, отлично знаютъ, что ни о какомъ правѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи [2]). Они прямо говорятъ: что достоинство Его Величества требуетъ отверженія всякой мѣры, несправедливость заключающей; и не только это, но и интересы государ-

---

кое богатство могло быть въ странѣ безъ населенія, въ пустѣ лежащей! Вообще, какъ это ни странно, но разбираемый докладъ изобличаетъ больше знанія, чѣмъ разсужденія Зубовыхъ, считавшихся спеціалистами по вопросу. Въ частности, богатыя руды существовали, кажется, болѣе въ представленіяхъ гр. Мусина-Пушкина, чѣмъ въ дѣйствительности.

[1]) Также отрицательно относится къ соображеніямъ Мусина-Пушкина и подвергаетъ ихъ солидной критикѣ авторъ «Разсужденія о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Иметіи и Одиши (Мингреліи)».

[2]) Гр. Кочубей близко зналъ ходъ дѣла о Грузіи, такъ какъ ему, въ качествѣ вице-канцлера, приходилось скрѣплять относящіяся сюда бумаги при императорѣ Павлѣ.

ственные (Россіи) требуютъ оставить Грузію на томъ положеніи, какое создано было при императрицѣ Екатеринѣ.

Однако, докладчики не ограничиваются критикой присоединенія Грузіи съ точки зрѣнія политическихъ нуждъ и задачъ Россіи. Они не забывали, что вопреки всему этому—вопреки праву и интересамъ Россіи «были учинены разныя распоряженія». Необходимо распутать фактическое положеніе, созданное неподавленными еще притязаніями царевичей и колеблющейся русской властью. Поэтому, предлагаются способы «основать какъ спокойствіе въ Грузіи, такъ и систему для ея будущаго состоянія».

Во-первыхъ, необходимо избрать на царство одного изъ царевичей, слѣдуя ли порядку наслѣдства, или же соображая его личныя свойства. Но, затѣмъ, утвердивши его напрестолѣ, удалить, если это понадобится, въ Россію другихъ претенден товъ, пока все успокоится и войдетъ въ колею.

Во-вторыхъ, для поддержанія нами поставленнаго царя оставить въ Грузіи небольшое количество войска, и, вообще, взять за правило, что нѣсколько баталіоновъ съ артиллеріей всегда тамъ должны быть «на продовольствіи земли».

Въ-третьихъ, привести населеніе къ присягѣ на

подданство и объявить Высочайшимъ манифестомъ, что Государь Императоръ оставляетъ попрежнему царство Грузинское въ вассальствѣ Россіи и не перестанетъ всегда и всѣми мѣрами защищать и покровительствовать Грузію.

Правда, возражаютъ, что если не удержать Грузію подъ скипетромъ Россіи, то царство это подвергнется мщенію отъ Турціи и Персіи. Но это не основательно. Слабость Турціи и неповиновеніе смежныхъ съ Грузіей пашей—гарантія того, что Порты нечего бояться. А что до Персіи, то всѣмъ извѣстно, что даже Ага-Магомедъ-ханъ не осмѣлился бы вторгнуться въ Грузію, если бы заблаговременно было послано на помощь ей хотя малое количество нашихъ войскъ.

Въ четвертыхъ, необходимо для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ этихъ плановъ, отправить въ Грузію военнымъ начальникомъ человѣка *безпристрастнаго,* а, кромѣ того, назначить, попрежнему, министра при царѣ. Наконецъ, въ пятыхъ, чтобы устроить судьбу царевичей, необходимо, при возвращеніи кому-нибудь изъ нихъ царства, выговорить для другихъ опредѣленное положеніе. Присутствіе русскаго главнокомандующаго и министра обезпечитъ ихъ отъ всякой опасности; но, на обязанности русскихъ властей, будетъ ле-

жать, между прочимъ, и противодѣйствіе проискамъ царевичей противъ царя, поставленнаго Россіей [1]).

6.

Государь передалъ вопросъ о Грузіи на обсужденіе неоффиціальнаго комитета, еще по полученіи первыхъ донесеній отъ генерала Кнорринга изъ Тифлиса [2]). Неоффиціальный комитетъ, въ противоположность Государственному Совѣту, пришелъ къ убѣжденію, что присоединеніе Грузіи и невыгодно Россіи, и не основано ни на какомъ правѣ. Разобранный докладъ графовъ Воронцова и Кочубея является именно формулировкой мнѣній неоффиціальнаго комитета.

---

[1]) Словомъ, докладчики желали возвращенія къ режиму 1783—1800 г.г., но требовали исполненія трактата bona fide. Въ разбираемомъ документѣ видно стремленіе согласовать интересы Имперіи съ желаніями и правомъ Грузіи. Онъ является какъ бы отвѣтомъ на давнишнія исканія грузинъ. «Просительные пункты», конечно, гораздо больше урѣзываютъ автономію Грузіи, но они явились именно потому, что трактатъ исполнялся не такъ, какъ могли того ожидать грузины — и какъ позже этого желали авторы доклада.

[2]) «Государственный Совѣтъ. 1801 — 1901». Составлено въ Государственной Канцеляріи, стр. 10 — 11. Членами знаменитаго «неоффиціальнаго комитета» были Строгановъ, Кочубей, Новосильцевъ и Чарторыскій. Собственно, Государь поручилъ разсмотрѣть вопросъ о Грузіи Воронцову и Кочубею, которыми и составленъ изложенный выше докладъ 24-го іюля.

8-го августа 1801 года произошло рѣшительное засѣданіе Государственнаго Совѣта относительно участи Грузіи.

Съ каждымъ днемъ неопредѣленнаго выжидательнаго состоянія, возрастала анархія въ странѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше можно было говорить о царствѣ Грузинскомъ, какъ о чемъ-то, еще не окончательно упраздненномъ; даже при благопріятномъ для самостоятельности Грузіи рѣшеніи вопроса, пришлось бы теперь *реставрироватъ* присоединенную уже Грузію. Это, конечно, увеличивало шансы сторонниковъ присоединенія, такъ какъ всякій совершившійся фактъ внушаетъ къ себѣ суевѣрное уваженіе, и передъ нимъ обыкновенно преклоняются.

Въ засѣданіи Совѣта 8-го августа 1801 г. [1]) выслушаны донесеніе генерала Кнорринга о состояніи Грузіи, въ какомъ онъ ее нашелъ, когда ѣздилъ туда по Высочайшему повелѣнію «для осмотра»; а также вышеизложенный докладъ дѣйств. тайн. сов. графа Воронцова и вице-канцлера гр. Кочубея.

Не надо ни на минуту сомнѣваться: засѣданіе это имѣло огромное историческое значеніе не потому только, что здѣсь окончательно рѣшена судьба

---

[1]) Архивъ, ib. стр. 1196—1200.

Грузіи; но еще больше потому, что здѣсь столкнулось два міровоззрѣнія, двѣ политическія концепціи, различіе которыхъ можно наблюдать во всѣхъ крупныхъ политическихъ обществахъ. Какая изъ этихъ концепцій восторжествуетъ въ данный моментъ въ Россіи — отъ этого зависѣло многое въ грядущихъ судьбахъ Азіи и Европы. Противъ имперіализма екатерининскихъ орловъ, не щадившихъ ни денегъ, ни людей для достиженія порой необходимыхъ, порой только величественныхъ политическихъ замысловъ, здѣсь выступаетъ столь характерное для перваго десятилѣтія царствованія императора Александра культурно-гражданственное направленіе.

Тогда какъ сторонники присоединенія Грузіи прямо ставятъ въ связь съ ея присоединеніемъ дальнѣйшее распространительное движеніе на Востокъ; противники присоединенія относятся отрицательно къ замысламъ на Переднюю Азію; ссылаясь на политическую экономію, они говорятъ, что такія страны, какъ Россія, не богатѣютъ отъ заморскихъ спекуляцій; персидскіе походы напоминаютъ имъ не о недобытыхъ лаврахъ, а о массѣ жертвъ, походами этими поглощенныхъ; ссылаясь на общіе политическіе принципы императора Александра, они указываютъ, что присоединеніе Грузіи свидѣтельствуетъ о такомъ теченіи, которое

не вяжется съ задачами культурнаго обновленія Россіи.

При другихъ условіяхъ, при бо̀льшей живости общественнаго мнѣнія, при наличности прессы и гласности, вопросы эти должны бы были повести къ грандіознымъ политическимъ дебатамъ. Въ Россіи, конечно, этого не было, но важность событія отъ этого не измѣняется, разногласіе въ Государственномъ Совѣтѣ остается фактомъ многозначительнымъ и крайне знаменательнымъ.

7.

Донесеніе генерала Кнорринга окончательно убѣдило Совѣтъ въ необходимости и неизбѣжности инкорпораціи Грузіи.

Къ соображеніямъ о пользахъ, высказаннымъ Совѣтомъ въ предыдущихъ разсужденіяхъ, присоединяется еще одинъ своеобразный доводъ. Въ интересахъ *достоинства* Россіи необходимо не отступать отъ сдѣланнаго уже пріобрѣтенія, извѣстнаго не только сопредѣльнымъ Грузіи странамъ, но уже и всей Азіи и всей Европѣ.

Совѣтъ обращаетъ особенное вниманіе на общую радость населенія, проявленную при въѣздѣ Кнорринга въ Тифлисъ. Онъ полагаетъ, что если среди членовъ царской семьи и среди вельможъ найдутся

нѣкоторые, которые посмотрятъ съ недовольствомъ на подчиненіе Грузіи россійскому скипетру — то неужели можно уважить ропотъ этого меньшинства и отдать «многочисленнѣйшую и лучшую часть на жертву мщенія и алчности нѣсколькихъ злонамѣренныхъ людей, изнурявшихъ доселѣ бѣдный край?»

Затѣмъ, Совѣтъ указываетъ, что, благодаря двумъ претендующимъ на корону царевичамъ, возникаетъ неразрѣшимое противорѣчіе; права Юлона установлены завѣщаніемъ царя Ираклія; права Давида — духовной царя Георгія. Правда, Георгій, назначеніемъ Давида въ наслѣдники, поступилъ вопреки волѣ Ираклія; но Давидъ получилъ Высочайшее утвержденіе, какъ наслѣдникъ. Итакъ, назначеніе Давида царемъ противорѣчило бы завѣщанію Ираклія и желаніямъ грузинъ; а назначеніе Юлона — Высочайшему утвержденію.

Наконецъ, повторяются соображенія объ удобствахъ къ «обузданію хищныхъ горскихъ народовъ», и необходимости предупредить турокъ и персіянъ, которые неминуемо захватятъ Грузію.

Все это ни мало не убѣдило авторовъ доклада. Графъ Воронцовъ объявилъ, что остается при своемъ мнѣніи, что не видитъ никакихъ основаній перемѣнить его.

Точно также вице-канцлеръ Кочубей, въ заключительнымъ словѣ повторилъ сказанное въ докладѣ

о невозможности для Россіи распространять свои границы, которыя и такъ изнурительно защищать; затѣмъ, онъ подчеркнулъ несправедливость присоединенія Грузіи съ точки зрѣнія началъ наслѣдственной монархіи;—а въ Грузіи цари правятъ именно наслѣдственно, а не по избранію; разъ представители династіи не только не отрекаются отъ своихъ правъ, но даже настаиваютъ на нихъ [1]), то присоединеніе Грузіи было бы «насильство, ихъ наслѣдному праву надъ Грузіей учиненное». Поэтому, графъ полагаетъ сохранить Грузію на положеніи вассальномъ, какъ было при Екатеринѣ II; задачи покровительства и интересы Россіи будутъ обезпечены войсками и полномочнымъ отъ Высо-

[1]) Въ какой фазисъ вступили отношенія Россіи къ старой грузинской династіи, можно видѣть изъ слѣдующаго діалога между гр. Мусинымъ-Пушкинымъ и царевичемъ Вахтангомъ. На вопросъ, не жалѣетъ ли царевичъ и мать его о грузинской коронѣ, изъ дому Багратіоновъ вышедшей, онъ подумалъ и отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ: «Не могу! жалѣемъ и сильно жалѣемъ! Заслуживали бы мы почтены быть безумными, если бы таковое сожалѣніе не существовало». «Не того ли же заслуживаете, представилъ ему графъ, если не дѣлаете разсчету, что всѣми покушеніями дома вашего и вооруженіями скитающихся хищниковъ и разслабленныхъ войскъ азіатскихъ (намекъ на лезгинъ и персіянъ), не можете противустоять могуществу Россійской Имперіи и войскамъ, отъ которыхъ неоднократно трепетала вся Европа?» Изъ письма гр. Мусина-Пушкина къ Д. П. Трощинскому. Акты, I, стр. 395, № 502.

чайшаго двора, который будетъ имѣть попеченіе и о мирѣ и тишинѣ среди членовъ царской фамиліи.

Но, ни политическіе доводы, ни указанія на неприкосновенность династическихъ правъ не поколебали давно сложившагося рѣшенія сильныхъ людей. Большинство Совѣта рѣшило утвердительно вопросъ о присоединеніи Грузіи, а Императору было угодно дать свою высокую санкцію мнѣнію Государственнаго Совѣта [1]).

VI.

Пока вопросъ о Грузіи обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, грузинскіе уполномоченные до послѣдней минуты старались добиться того, чтобы добровольное по существу присоединеніе Грузіи

[1]) Еще послѣ засѣданія 8 августа, уже внѣ стѣнъ Государственнаго Совѣта, продолжалась борьба мнѣній по вопросу о присоединеніи Грузіи. Государь все еще колебался. 12 августа онъ получилъ по этому предмету записку отъ гр. Валеріана Зубова и послалъ ее Новосильцеву для разсмотрѣнія вмѣстѣ съ Строгановымъ. На слѣдующій день, 13 августа, все засѣданіе неоффиціальнаго комитета прошло въ преніяхъ по вопросу о присоединеніи Грузіи. Члены комитета оставались при прежнемъ мнѣніи, но Государь постепенно склонился къ рѣшимости присоединить Грузію. См. извлеченіе изъ «засѣданій неоффиціальнаго комитета» въ приложеніяхъ къ I тому «Исторіи царств. имп. Александра I» Богдановича, стр. 47.

было и по формѣ дѣйствительно такимъ. Въ апрѣлѣ 1801 г. подана была пространная нота [1]), въ которой они утверждали, что всѣ сословія Грузіи имѣютъ твердое желаніе вступить въ подданство Имперіи, непосредственно подъ ея законы; они просили императора Александра—и этого желали особенно настойчиво—чтобы совершившееся уже принятіе въ подданство утвердить торжественнымъ обоюднымъ актомъ [2]). Они попрежнему ходатайствовали, чтобы кто-нибудь изъ царевичей былъ царемъ въ Грузіи [3]), т. е. назывался бы тамъ царемъ, а въ Россіи именовался бы императорскимъ намѣстникомъ; управлялъ бы совмѣстно съ россійскимъ вельможей, который имѣлъ бы второе послѣ

---

[1]) Нота эта, содержащая 20 пунктовъ, приведена цѣликомъ въ соч. Платона Іосселіани «Жизнь царя Георгія XIII» (на груз. яз.), 2-е изд., стр. 118—140, а также у проф. Цагарели, II, Грузинскіе тексты, № 181.

[2]) Этимъ актомъ Императоръ обѣщалъ бы за себя и за преемниковъ своихъ, что отеческое попеченіе ихъ не отнимется отъ грузинъ, добровольно вступившихъ въ подданство; что имъ будутъ даны тѣ же права и преимущества, какими пользуются старые подданные Е. И. В.; что царство и его предѣлы будутъ защищены отъ вторженій и пр. (ib. 119). Прил. J.

[3]) Этимъ разрѣшалось затрудненіе, которое такъ подчеркивалъ Госуд. Совѣтъ — соперничество двухъ претендентовъ. Въ концѣ-концовъ призракъ междоусобія былъ преувеличенъ; царевичъ, поддержанный русскимъ правительствомъ, былъ бы признанъ всей Грузіей. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

царя мѣсто; точно также и въ учрежденіяхъ быть первымъ грузинамъ, вторымъ—русскимъ чиновникамъ (п. 2-й).

Вообще же, они желали, что бы всѣ мѣропріятія касательно устроенія Грузіи, принимались бы съ ихъ совѣта и согласія, какъ представителей добровольно присоединяющагося грузинскаго народа.

Но, какъ обсужденіе вопроса о Грузіи въ Совѣтѣ, такъ и выработка организаціонныхъ актовъ (по устройству управленія въ Грузіи) происходили помимо всякаго ихъ участія [1]).

Въ концѣ 1801 г. всѣ трое грузинскихъ уполномоченныхъ удостоились представленія Государю Императору, «но отнюдь не на аудіенціи и не въ качествѣ посольскомъ, ибо предметъ ихъ дипломатическаго званія давно уже миновалъ, а партикулярно, какъ дворяне при отъѣздѣ изъ столицы въ свою землю», полагалъ тотъ же Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 9 декабря 1801 г. [2]).

Вопросъ былъ рѣшенъ или, вѣрнѣе, *не перерѣшенъ:* Грузія осталась присоединенной, какъ была присоединена императоромъ Павломъ. Только окончательно прекратилась неизвѣстность, въ которой

[1]) Бутковъ, матеріалы, т. II, стр. 473 и 485.

[2]) Архивъ, I, ib., стр. 1210.

томилось населеніе, и если не ясно еще было, что будетъ, то было видно, чего не будетъ.

Время отъ перваго до второго манифеста представляетъ лишь заминку въ осуществленіи того, что постановлено было 18 января 1801 г.

VII.

Но, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, столько было волненій, ожиданій; крупинки истины такъ легко выростали въ фантастическія лавины; сплетались, безъ конца, нити интригъ, и уныніе передъ утратой привычнаго ощущалось многими; обстоятельства дѣлали необходимымъ новое обнародованіе Высочайшей воли. Это и было исполнено достопамятнымъ манифестомъ 12-го сентября 1801 года, даннымъ Александромъ въ Москвѣ, наканунѣ коронованія, имѣвшаго мѣсто 15-го сентября. Этотъ прекрасный памятникъ оффиціальнаго краснорѣчія принадлежитъ перу кн. Платона Зубова.

Спустя семь мѣсяцевъ, 12-го апрѣля 1802 г. манифестъ этотъ обнародованъ въ Тифлисѣ. Онъ прочитанъ въ Сіонскомъ соборѣ, а, затѣмъ, приведены къ присягѣ царевичи, католикосъ, наконецъ, сословія Карталиніи и Кахетіи дали клятву въ вѣрности новому порядку.

Договорное отношеніе, опредѣлявшееся началами трактата 1783 г., уступило мѣсто оккупаціи, которая сопровождалась упраздненіемъ царской власти, носительницы политическаго бытія Грузіи, затѣмъ, оккупація эта замѣнилась распространеніемъ русскаго государственнаго порядка на страну, т. е. инкорпораціей. Вотъ схема присоединенія Грузіи къ Россіи.

Такъ была рѣшена судьба одного изъ древнѣйшихъ престоловъ христіанскаго міра, и произнесенъ суровый приговоръ исторіи надъ послѣдними, жалкими обломками нѣкогда сильной монархіи и народа, украсившаго свою родину и многія мѣста православнаго Востока забытыми теперь памятниками своего благочестія и христолюбія.

Но, ни христолюбіе, ни монастыри, ни несравненная воинственность не могли помочь этому народу выпутаться изъ чащи отсталости и бѣдствій, въ которой онъ блуждалъ.

Для того, чтобы дать этимъ странамъ самыя первыя условія гражданственности — сколько-нибудь обезпеченный порядокъ и замиренность, требовались такіе ресурсы, такія средства, которыхъ туземная жизнь не имѣла.

Кто могъ дать эти условія, тотъ приносилъ этимъ пользу не только странѣ, но и себѣ — такъ какъ

лишь этимъ путемъ власть пускаетъ корни въ чуждую почву.

И если самыя необходимыя требованія гражданской жизни осуществлены, то блѣднѣютъ и теряютъ важность шероховатости сближенія Грузіи съ Имперіей. Въ шероховатостяхъ этихъ никто не виновенъ; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ стихійнымъ различіемъ государственныхъ складовъ, которое, рано или поздно, должно было сказаться.

Наконецъ, раны эти давно закрылись подъ цѣлительнымъ бальзамомъ времени.

Прекрасная традиція «добровольнаго» присоединенія Грузіи вытекла не изъ фактовъ всецѣло, а изъ позднѣйшихъ настроеній и изъ общаго смысла событія. Традиція эта правильна въ томъ смыслѣ, что Грузія вѣками искала сближенія съ Россіей и желала тѣсной политической связи съ Имперіей. Но, условія самого присоединенія не вполнѣ соотвѣтствуютъ этой традиціи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Заключительная.

I.

1.

Совершенно праздно обсуждать въ настоящее время, что бы было, еслибъ русское правительство, вмѣсто того, чтобы присоединять Грузію, оставалось при протекторатѣ, и, отложивъ временно вопросъ о болѣе тѣсномъ единеніи, не мѣшало Давиду провозгласить себя царемъ, а, напротивъ, поддержало бы его, какъ наслѣдника, утвержденнаго въ этомъ достоинствѣ самимъ Императоромъ. Точно также, лишнее гадать, что бы произошло, еслибы, какъ одно время думали, тотчасъ послѣ смерти Георгія, были уведены русскія войска изъ

Грузіи [1]), и предоставлено было претендентамъ самимъ рѣшить—какъ имъ угодно—вопросъ о грузинскомъ престолонаслѣдіи.

Мы не касаемся всѣхъ этихъ споровъ между царевичами, дѣленій на партіи, исканія помощи извнѣ и т. д. — основныя черты этой пестрой картины тянутся черезъ всю грузинскую исторію за послѣдніе вѣка; предпріимчивые царевичи, стремящіеся добыть престолъ съ помощью персіянъ или лезгинъ; эти дяди, оспаривающіе корону у племянниковъ—все это старыя, давно знакомыя грузинамъ, вещи; все это связано съ тѣмъ уровнемъ общественности, на которомъ стояла Грузія; любая страна переживала, въ свое время, эти распри. Но Грузія издавна искала такихъ условій, при которыхъ можно бы было перейти къ болѣе высокимъ формамъ гражданственности. Такъ что, тѣ неурядицы которыя въ глазахъ Россіи дѣлали присоединеніе Грузіи политически необходимой мѣрой, тѣ невзгоды, которыя какъ бы служили оправданіемъ русскому правительству, вынужденному, для ихъ устраненія, уничтожить самостоятельность Грузіи—эти неурядицы и невзгоды существовали искони,

[1]) Въ этомъ смыслѣ данъ былъ Высочайшій рескриптъ Кноррингу 29-го октября 1800 г., т. е. незадолго до ноябрьскихъ рескриптовъ, приведенныхъ выше. См. Бутковъ, т. III, стр. 324.

и они-то и побуждали Грузію, въ теченіе вѣковъ, искать русскаго подданства, какъ она его понимала.

Мы уже не разъ говорили, что внѣшняя необезпеченность и внутренняя шаткость — взаимно обусловливали другъ друга.

Политическая обстановка Грузіи 1800—1801 г. не представляетъ чего-нибудь чрезвычайнаго, невиданнаго до того. Конечно, страна, особенно за послѣднюю четверть вѣка, вынесла много испытаній и стала много слабѣе; но не это является новостью, а то, что теперь явилась съ твердымъ намѣреніемъ упрочиться въ Грузіи уже не Персія и не Турція, а Имперія съ европейски организованными военной силой и администраціей. Каждое изъ государствъ, желавшихъ обосноваться въ Грузіи, примѣняло для достиженія этой цѣли тѣ средства—военныя и административныя—какими оно располагало. Благодаря несовершенству этихъ средствъ у персіянъ, никогда ихъ власть въ Грузіи, даже послѣ опустошительныхъ походовъ лучшихъ шаховъ, не могла быть прочной. Но Россія, съ ея знаменитой арміей, и съ ея развитой, при всей односторонности, техникой управленія, очевидно примѣнила къ Грузіи тѣ пріемы, къ которымъ издавна привыкла обращаться у себя дома. Она не могла дать Грузіи ни хановъ, ни резидентовъ на

англійскій ладъ,—она прислала генералъ-губернаторовъ, генераловъ и капитанъ-исправниковъ.

Опредѣлять права Имперіи къ подвластному народу [1]) двустороннимъ соглашеніемъ — это нѣчто предполагающее либо слабость, либо очень высокую культуру. А тогда еще не возвысились даже до пониманія необходимости опредѣлять отношеніе власти къ подданнымъ закономъ, а если и возвысились, то не умѣли и не желали осуществить этотъ принципъ на дѣлѣ.

Такъ что, между тѣмъ, чего Грузія ожидала отъ Россіи, тѣмъ способомъ соединенія, который Грузія считала для себя необходимымъ—и тѣмъ, что Россія могла ей дать, тѣмъ, какъ она могла отвѣтить на ея исканія, не только не было предустановленной гармоніи, а, напротивъ, было явное несоотвѣтствіе.

2.

Прослѣдите исторію грузино-русскихъ сношеній за рядъ вѣковъ и вы увидите, что основная идея грузинскихъ просьбъ—это идея *подданства.* Ищутъ подданства у Россіи. Это «подданство»—стерженъ,

---

[1]) Въ данномъ случаѣ имѣется въ виду отношеніе къ Грузіи правительства императора Александра I, при вступленіи на престолъ котораго Грузія была уже присоединена и, въ этомъ смыслѣ, подвластна.

вокругъ котораго повернулась Грузія въ 1801 году, чтобы изъ царства стать провинціей.

Просили подданства въ 1800 и въ 1801 году также, какъ и въ концѣ XVI вѣка, какъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ — подданства съ царемъ. Россія же приняла эту просьбу, но въ ея русской редакціи: какъ просьбу о подданствѣ полномъ. Отсюда произошло присоединеніе безусловное, annexion pure et simple [1]).

Но вѣками выработанная идея не сразу забывается, и въ 1802 году грузины еще разъ формулировали свое завѣтное, но не отвѣчавшее уже обстоятельствамъ желаніе; мы приведемъ цѣликомъ этотъ замѣчательный документъ, отголосокъ многовѣковой исторіи, отчетливо выражающій политическое воззрѣніе старыхъ грузинъ-легитимистовъ на ихъ присоединеніе къ Россіи.

Прошеніе на Всевысочайшее Е. И. В. имя. «Всѣ Кахетинскіе жители, духовные и свѣтскіе, на колѣняхъ стоя, просимъ у В. И. В. Всемилостивѣйшаго покровительства.

Всемилостивѣйшій Государь! когда мы прися-

[1]) Собственно, въ 1801 году желали осуществленія того, что номинально существовало уже давно: чтобы Императоръ сталъ дѣйствительно «*Государемъ Иверскія земли и грузинскихъ царей*», какъ сказано въ титулѣ и какъ цари русскіе именуются съ *1586 г.*

гали на вѣрность В. И. В., тогда объявленъ былъ намъ Высочайшій Манифестъ, въ которомъ между прочимъ изображено, якобы мы донесли Высочайшему двору, что царя не желаемъ имѣть и будто безъ царя поступили мы подъ покровительство Е. И. В.

Сіе было бы съ нашей стороны республиканство на французскій ладъ! Наши цари предъ нами никакой вины не сотворили и намъ отъ нихъ не для чего отрекаться. Болѣе 1000 лѣтъ, какъ родъ Багратіоновъ есть царственный; многіе изъ нихъ за Христа и за насъ мученіе воспріяли и кровь свою проливали, и мы при нихъ умирали.

Итакъ, отрицаніе отъ нихъ не есть наше дѣло, а выдумка обманщиковъ; наше желаніе и просьба въ томъ состоитъ, чтобъ духовное завѣщаніе ознаменовавшаго себя великими подвигами на пользу отечества, покойнаго царя Ираклія было утверждено и по силѣ его данъ бы былъ намъ царь, съ которымъ оставались бы мы подъ Высочайшимъ покровительствомъ Вашимъ и по мѣрѣ силъ нашихъ употребили бы себя на службу В. В. Сего просимъ отъ В. И. В. съ колѣнопреклоненіемъ и воздыханіемъ» [1]).

Шероховатости и конфликты, сопровождавшие

---

1) Акты, I, стр. 387.

введеніе русскихъ порядковъ, вслѣдъ за паденіемъ царства Грузинскаго, должны были быть тѣмъ сильнѣе, непріятности и разочарованія тѣмъ ощутительнѣе, что, не смотря на многовѣковое общеніе, грузины имѣли самое смутное представленіе о Россіи. Добиваясь ея поддержки, они не старались— да и не могли бы отдать себѣ отчета въ томъ, чтò сулитъ имъ помощь Россіи, чѣмъ все это можетъ кончиться, каковы, вообще, строй Россіи, ея государственные порядки и т. д. Грузины хорошо знали, были наслышаны, о могуществѣ Россіи, затѣмъ, глядѣли на нее суевѣрными глазами православныхъ людей, ищущихъ спасенія отъ «агарянъ» въ третьемъ Римѣ. Впрочемъ, мы уже говорили о несложности и нехитрости ихъ политики. Далѣе, этотъ народъ, состоявшій изъ дворянства, духовенства и крестьянъ—всѣхъ одинаково порабощенныхъ всяческой рутиной — такъ привыкъ къ формамъ и явленіямъ жизни, не измѣнявшимся вѣками; этотъ консервативный, въ силу этого народъ, говорю я, не могъ предвидѣть, какая коренная и всесторонняя ломка его ожидаетъ; поэтому, не удивительно, что грузины почувствовали себя на первыхъ порахъ очень жутко, когда очутились лицомъ къ лицу съ государственностью иного масштаба и иного пошиба, чѣмъ привычные для нихъ.

Народъ во всѣхъ отношеніяхъ «иррегулярный»,

они не могли сразу сжиться со строгостями такого полицейскаго государства, какимъ была Россія; вдумайтесь въ это обращеніе кахетинскаго дворянства къ ген. Гулякову, лѣтомъ 1802 г. — сопоставьте его съ приведеннымъ выше адресомъ Государю и міровоззрѣніе тогдашнихъ грузинъ будетъ у васъ на ладони [1]).

Но, времена измѣнились, и это обращеніе, въ каждой строкѣ котораго чувствуется старина, съ

---

[1]) Отъ дворянства Кахетіи къ ген. Гулякову отъ 21-го іюля хроникона 490 (1802).

«Первый нашъ докладъ таковъ: Мы, Грузины, составляемъ одну маленькую землю. Съ нами воевалъ султанъ, который есть великій государь; съ нами воевалъ шахъ, и мы бывали его подвластными; съ нами воевалъ Дагестанъ,—тоже большая земля, но ни одному изъ нихъ мы не покорились. Хотя они дѣлали намъ насиліе, иногда и забирали насъ, но мы ни одному не сдались, ибо они были язычники. Когда они насъ покоряли, ни тогда, ни послѣ того они *не отмѣняли у насъ царскаго званія, не отмѣняли архіерейства,* не отмѣняли княжества, не отмѣняли крестьянства — что видятъ ваши собственные глаза. Не имѣя покоя отъ столь сильныхъ враговъ, мы многократно оборонялись отъ нихъ и шашкой, и словомъ то правымъ, то ложнымъ и уплатой дани Дагестану удаляли его отъ себя. Будучи въ такомъ стѣсненіи, наши цари умоляли Всемилостивѣйшаго Государя, чтобы онъ ради христіанства сдѣлалъ милость, принявъ насъ подъ покровительство Россіи, дабы и царямъ нашимъ прибавилось чести и славы, и церквамъ, архіереямъ, князьямъ, крестьянамъ и пребывали бы мы въ безопасности...»

Акты, т. I, стр. 388.

ея наивной пластикой словъ и убѣжденій, цѣльныхъ, какъ глыба, выкованная молотомъ исторіи на наковальнѣ временъ, — это обращеніе пріобщено было къ дѣлу о бунтѣ. И, конечно, хотя мало соотвѣтствія между благороднымъ стилемъ этихъ заявленій и тѣми героями военной и гражданской службъ, которые призваны были судить ихъ авторовъ, но именно послѣдніе были представителями умирающаго прошлаго, осужденнаго исторіей, а первые, или, вѣрнѣе, тотъ порядокъ, представителями котораго они являлись, открывалъ для Грузіи двери если не лучшаго, то болѣе регулярнаго будущаго.

Какъ совершалось водвореніе и упроченіе русскихъ властей въ краѣ; какъ постепенно Грузія стала на новыя рельсы, и какъ старая лойяльность переродилась въ иную, имперскую лойяльность — это выходитъ за предѣлы нашей темы и относится къ исторіи Кавказа въ XIX вѣкѣ.

Но не сразу рушились всѣ элементы старой Грузіи: сначало пало царство и царь, затѣмъ самостоятельная церковь, наконецъ, медленно, но все ускоряясь, шло и идетъ распаденіе старыхъ сословій, старыхъ формъ хозяйства, старыхъ суевѣрій, нравовъ, обычаевъ.

II.

Императрица Екатерина II, какъ мы показали, смотрѣла на Грузію съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ Турціи и Персіи. Для чего нужны были грузины въ 1769—74 годахъ; и какое отношеніе имѣлъ трактатъ 1783 г. къ персидскимъ предпріятіямъ Россіи — все это нами разсмотрѣно.

Спрашивается, что побудило императора Павла такъ неожиданно присоединить Грузію? Присоединеніе это не входило въ планы екатерининскихъ вельможъ перваго и второго призыва, конечно, не изъ уваженія къ «правамъ народовъ», а просто потому-что объ этомъ не думали, это не стояло на очереди. Правда, когда между графомъ Тотлебеномъ, начальникомъ экспедиціоннаго отряда, и царемъ Ираклiемъ произошли крупныя разногласія, дѣло дошло до того, что Тотлебенъ сталъ приводить населеніе къ присягѣ на вѣрность Императрицѣ и собирался низложить Ираклія; когда посылали въ Грузію и снабжали инструкціей гвардіи офицера Языкова — для разслѣдованія дѣла — то ему давали указанія и на тотъ случай, если *Ираклій уже лишенъ Тотлебеномъ владѣнія* [1]).

---

[1]) Въ случаѣ, если Т. «лишилъ уже Ираклія его владѣнія и пожалованной отъ насъ ему кавалеріи ордена св. Андрея»,

Такъ широко понимали въ Петербургѣ полномочія русскаго генерала, и такъ мало значили тамъ права царя, приглашеннаго, въ качествѣ единовѣрца, дѣйствовать въ борьбѣ съ общимъ непріятелемъ [1]).

Но позже преемнику Тотлебена, генералу Сухотину, внушали, что не имѣютъ въ виду пріобрѣтенія Грузіи [2]).

то необходимо разсмотрѣть «сколь нужно примиреніе Ираклія съ генераломъ, или возстановленіе его въ лишенныя владѣнія и возвращеніе кавалеріи». Предусматривали и такую комбинацію, что Ираклій низложенъ, но грузины все же продолжаютъ военныя дѣйствія вмѣстѣ съ Тотлебеномъ. Цагарели, Грамоты etc., № 59, п. 1-й Инструкція Языкову.

[1]) Зато Екатерина хорошо понимала, что «безъ сумазбродства Ираклію не можно вздумать себѣ присвоивать власть поставить командировъ надъ моими войсками». См. письма ея къ Панину (1760 г.) въ Сборн. Русск. Истор. Общества, т. X, стр. 442. Письмо это вызвано извѣстіемъ о готовившемся заговорѣ съ цѣлью арестовать Тотлебена.

[2]) «Не проча мы... Грузіи въ непосредственную собственность имперіи нашей», ib., № 218, п. 3-й. Инструкція ген. Сухотину. 13 янв. 1771 г. Впрочемъ еще 16-го іюля 1770 г. Панинъ писалъ Тотлебену, что если приводъ къ присягѣ грузинъ происходить безъ принужденія, и отъ этого лучше будутъ идти военныя предпріятія, то можно и продолжать; думать же о бо̀льшемъ теперь не время; «сверхъ того, прибавляетъ Панинъ, отдаленность Грузіи и трудность проѣздовъ — два обстоятельства, которыя присвоеніе сей земли также непрочнымъ дѣлаютъ. *Можетъ статься, что въ продолженіе времени представятся и средства, по которымъ сіи неудобности не будутъ больше такими казаться*»... ib. № 65.

Въ 1783 году начинается протекторатъ Россіи надъ Грузіей; рушатся предположенія Потемкина насчетъ овладѣнія персидскими провинціями — и протекторатъ осуществляется вяло, чтобы не сказать бо̀льшаго. Съ предпринятіемъ похода въ Персію 1796 года, Грузія опять привлекаетъ вниманіе; и не только не думаютъ присоединять ее, но, напротивъ, мечтаютъ объ ея усиленіи, объ увеличеніи ея территоріи, объ упроченіи тамъ царской власти. Но это желаніе видѣть Грузію сильной имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и желаніе Панина, чтобы всѣ грузинскіе владѣтели дѣйствовали дружно, за-одно: пока смотрятъ на Грузію, какъ на орудіе, предпочитаютъ, чтобы оно было въ полной исправности.

Что это именно такъ, слѣдуетъ изъ того, что, какъ было указано, тѣ же самые Зубовы, которые убѣждали Ираклія въ преимуществахъ единовластія и остерегали его дѣлить царство на удѣлы, были въ 1801 г. главными сторонниками присоединенія Грузіи.

Когда походъ 1796 г. окончился отозваніемъ войскъ обратно, то ушелъ и отрядъ, находившійся въ Грузіи. Отношеніе Павла къ Грузіи начались съ полной индифферентности. Если въ 1798—99 годахъ трактатъ 1783 года какъ бы возобновленъ во всей своей силѣ, если присланъ былъ резидентъ

и проч.—то это потому, что, въ противномъ случаѣ, можно было ожидать со стороны Грузіи какого-нибудь соглашенія съ одной изъ двухъ мусульманскихъ державъ. Такъ, что въ этихъ актахъ императора Павла нѣтъ ничего, кромѣ желанія сохранить уже добытыя связи и вліяніе, не уступать ихъ другимъ. Инструкція, данная резиденту—совершенно дипломатическаго характера; предписывается оберегать силу русскаго вліянія отъ всякихъ на него покушеній; до полнаго присоединенія еще такъ далеко, что предлагается поощрять грузинъ къ устройству регулярной арміи и артиллеріи [1]).

Но ужъ такова была полная неожиданностей политика императора Павла: начавъ съ отозванія вспомогательныхъ войскъ изъ Грузіи, онъ кончилъ ея присоединеніемъ.

Съ двухъ сторонъ его вниманіе привлекалось и сосредоточивалось на Грузіи.

Во-первыхъ, исканія царя Георгія, желавшаго самаго тѣснаго единенія съ Россіей; мы говорили уже, въ чемъ заключались эти желанія. Форма и содержаніе «просительныхъ пунктовъ» были таковы, что не оставалось сомнѣнія въ серіозности и искренности исканій Грузинскаго царя.

---

[1]) Инструкція Коваленскому, т. II, Акты, стр. 93—95.

Къ этому присоединились и одновременно вліяли на Императора донесенія графа Мусина-Пушкина. Этотъ искатель рудъ и политикъ-доброволецъ исчерпалъ рѣшительно всѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можно говорить о желательности, пользѣ, выгодности, необходимости и неизбѣжности присоединенія Грузіи — и все это съ такой наглядностью, такой увѣренностью, что, можно положительно утверждать, именно эти донесенія, подкрѣпляя и восполняя просьбу грузинскихъ уполномоченныхъ, побудили Павла рѣшиться на присоединеніе Грузіи [1]). А разъ эта мысль запала въ его душу, то съ такой же судорожностью, съ какой онъ отозвалъ за четыре года назадъ свои войска изъ Грузіи — онъ торопится не упускать изъ рукъ того, что такъ неожиданно добыто. И вотъ, не ожидая исполненія программы, имъ же начертанной, насчетъ двухсторонняго соглашенія, онъ порывисто произноситъ свое рѣшительное и окончательное слово, и вмѣсто того, чтобы начать съ пріема депутатовъ выслушать ихъ, а затѣмъ манифестомъ объявить о присоединеніи Грузіи, онъ поступаетъ какъ разъ

1) Ср. Бутковъ, т. II, гл. 255 и собственныя слова графа Мусина-Пушкина въ письмѣ къ Трощинскому. Акты I, 395. То же самое говоритъ авторъ «Разсужденія о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши (Мингреліи)», написаннаго въ началѣ XIX вѣка.

наоборотъ: начинаетъ съ манифеста, а затѣмъ вызываетъ депутатовъ, желаетъ принять ихъ въ торжественной аудіенціи, и даже готовитъ для этого особый костюмъ. Прибавимъ сюда намѣреніе—сдѣлать Грузію великимъ пріорствомъ ордена іоаннитовъ,—и согласимся, что стиль царствованія императора Павла Петровича соблюденъ вполнѣ. Въ Грузіи не сталкивались интересы европейскихъ державъ; ее можно было присоединить, ничѣмъ не рискуя. Философія ея присоединенія императоромъ Павломъ не сложнѣе, чѣмъ философія любого выгоднаго и легкаго, ничѣмъ не грозящаго пріобрѣтенія — всеравно, частнаго или государственнаго. Итакъ именно *это стеченіе обстоятельствъ вліяло на то, какъ была присоединена Грузія при Павлѣ.*

При восшествіи на престолъ Александра, дѣло уже было сдѣлано. Сомнѣній Императора хватило на то, чтобы отложить на нѣсколько мѣсяцевъ рѣшительныя дѣйствія, но и только. Достаточно, однако, этихъ сомнѣній, чтобы предположить, что, на мѣстѣ отца, Александръ поступилъ бы иначе.

Затѣмъ, торжество въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣній гр. Зубова очень понятно: дѣйствительно, наконецъ-то добились серьезнаго успѣха въ этой части Азіи. Подумать, чего стоили предпріятія въ Персіи, и какъ мало они дали результатовъ. Теперь, съ присоединеніемъ Грузіи, начинается но-

вая эра въ исторіи Передней Азіи. Попытки утвердиться на южномъ берегу Каспія не увѣнчались успѣхомъ, потому что базой не могла же быть Астрахань! Безкровное пріобрѣтеніе Грузіи, съ точки зрѣнія цѣнности и выгоды—нѣчто легендарное, случающееся въ тысячелѣтіе разъ. Вѣдь очутившись въ центрѣ Закавказья, на равномъ разстояніи отъ двухъ морей, Россія уже и не замѣтитъ, какъ овладѣетъ всѣми землями между этими морями. Округленіе новыхъ границъ, созданіе, постепенно, изъ первоначальнаго пріобрѣтенія цѣлаго огромнаго края—все это уже шло само собой.

Ослабленіе Турціи, униженіе Персіи, превращеніе Каспійскаго моря въ русское озеро — и дальнѣйшее распространеніе колоній и владѣній въ Среднюю Азію; власть надъ прекрасными странами и приливъ силъ, благодаря позиціямъ и шансамъ, выгоды которыхъ и теперь далеко еще не исчерпаны; словомъ, могущество Россіи въ этой части Азіи —вотъ что, въ конечномъ результатѣ, означало и значило для Россіи пріобрѣтеніе Грузіи, рѣшительный шагъ на этомъ пути.

И что особенно важно: Грузія пріобрѣтена, такъ сказать, заблаговременно; еще немного, и, быть можетъ, въ эти суровые края проникли бы агенты державы, которой присоединеніе Грузіи грозило въ будущемъ осложненіями и тревогами.

Итакъ, въ общемъ итогѣ, даровое пріобрѣтеніе это съ избыткомъ покрывало безплодныя траты прежняго времени — стоимость персидскихъ затѣй Петра и Екатерины. Русскіе политики стучались не въ ту дверь; а когда, неожиданно для нихъ, открылась по сосѣдству другая, и увидѣли, какія за ней открываются заманчивыя перспективы; то стремительно бросились внутрь, сбивъ съ ногъ довѣрчиваго гостепріимнаго хозяина; на минуту стало неловко и подумывали даже уйти обратно, но, затѣмъ, предпочли остаться — и ужъ навсегда.

III.

Крайне своеобразно было положеніе Грузіи въ международномъ оборотѣ. Въ XVIII стол. разныя грузинскія владѣнія, сосѣднія ханства и пашалыки — представляютъ особый мірокъ «международныхъ» отношеній, съ договорами, коалиціями, войнами, дипломатіей, посольствами и проч. Эта плеяда политическихъ единицъ какъ бы заслоняла Грузію отъ болѣе широкой арены международнаго общенія. Попытки ея завязать сношенія съ державами Европы не удавались—державы эти не имѣли съ ней никакого соприкосновенія [1]). Съ торговлей

[1]) Не забудемъ, что Черное море до послѣдней четверти XVIII в. было сплошь турецкимъ моремъ. Надо прочесть о мытарствахъ, какія испыталъ Саба-Сулханъ-Орбеліани въ началѣ

вывозной Грузія не имѣла ничего общаго. Грузинскія земли, прилегающія къ Черному морю вели мѣновой торгъ съ турецкими купцами—поставляя невольниковъ [1]) и всякое сырье. Классическое описаніе этого хозяйства, гдѣ не имѣютъ примѣненія деньги, находимъ у Шардена, бывшаго въ Грузіи во 2-ой половинѣ XVII-го вѣка. Торговые люди Восточной Грузіи, преимущественно армяне, были, конечно, и тогда умѣлыми коммерсантами—но еще въ восточномъ стилѣ. Европейскія торговыя сношенія съ Персіей были очень живы при Сефевидахъ; въ томъ Испаганѣ, который намъ описали многочисленные путешественники, можно было встрѣтить купцовъ всѣхъ европейскихъ національностей. Тогда и Восточная Грузія съ ея сравнительно болѣе сложной цивилизаціей [2]), вела ожи-

---

XVIII вѣка, когда ѣздилъ завязывать сношенія съ Европой—чтобы видѣть всю непреодолимость стѣны, отдѣлявшей Грузію отъ Европы. Еще наканунѣ заключенія трактата, съ Россіей, Ираклій обращался къ правительству Людовика XVI, но безуспѣшно.

[1]) Съ работорговлей боролись лучшіе цари и іерархи церкви, какъ въ Восточной, такъ и Западной Грузіи. Иногда широкій кругъ лицъ связывалъ себя взаимной клятвой—не продавать въ рабство людей. Въ XVIII ст. работорговля значительно ослабѣваетъ въ Западной Грузіи, совсѣмъ уничтожается въ Восточной. Развращающее вліяніе на Западную Грузію оказывала близость турецкихъ невольничьихъ рынковъ. Окончательное искорененіе этого торга относится къ XIX ст.

[2]) Персіяне были, повидимому, болѣе культурными сосѣдями, чѣмъ турки.

вленную торговлю съ Персіей; но это была пора царей мусульманъ и наибольшаго иранскаго вліянія. Позже, въ XVIII ст., возродились національныя стремленія въ Грузіи, но въ эту эпоху безконечныхъ гражданскихъ войнъ въ Персіи, падаетъ ея торговля съ Европой; благодаря отсутствію всякой обезпеченности, европейскіе товары не направляются уже туда въ такомъ количествѣ, страна бѣднѣетъ, пустѣетъ.

Поэтому, условія для сближенія Грузіи съ Европой въ XVIII ст. едва ли не хуже, чѣмъ въ XVII. Европейскія вліянія могли придти еще путемъ католической пропаганды; и, дѣйствительно, миссіонеры не мало принесли пользы грузинамъ, но католицизмъ не получилъ большого распространенія. Такъ что, не будучи рынкомъ ни для вещественныхъ, ни для духовныхъ продуктовъ, отдаленная изолированная Грузія мало занимала Европу.

Въ концѣ концовъ, Грузія имѣла дѣло только съ восточными государствами и съ Россіей. Мы подробно говорили о томъ, какъ складывались ея отношенія къ сосѣдямъ, и какъ это завершилось протекторатомъ Россіи.

Протекторатъ этотъ своеобразенъ потому, что былъ съ самаго начала какъ бы домашнимъ дѣломъ между Россіей и Грузіей; но это трогательное единеніе не было выгодно для послѣдней. Если-

бы протекторатъ этотъ осуществлялся въ условіяхъ международнаго общенія — въ атмосферѣ взаимодѣйствія нѣсколькихъ, притомъ цивилизованныхъ государствъ, дѣло приняло бы другой оборотъ. Тогда пришлось бы исполнять обязательства, лежащія на сюзеренѣ, съ гораздо бо́льшей точностью; иначе, конкурирующимъ державамъ открывался бы поводъ привлекать на свою сторону недовольное сюзереномъ, подначальное государство. Именно этой обстановки не было въ нашемъ случаѣ; и именно поэтому протекторатъ Россіи осуществлялся такъ, какъ мы видѣли.

То же самое надо сказать и о присоединеніи. Что оно совершилось такъ, а не иначе, это прямо зависѣло отъ того, что Россія, рѣшая судьбу Грузіи, считалась только со своими интересами — и своей щепетильностью; ей не приходилось бороться съ встрѣчными вліяніями одинаково сильныхъ и культурныхъ государствъ. Если бы это было такъ, то, конечно, присоединеніе Грузіи, чреватое огромными послѣдствіями, произошло бы въ иной обстановкѣ и въ другихъ формахъ.

Но, повторяемъ, моментъ присоединенія былъ чрезвычайно удачный для Россіи — этихъ краевъ еще не коснулась стихія стяжанія съ разныхъ концовъ, соперничества разныхъ народовъ — стихія,

родившая изъ себя такъ часто оклеветанное, но все же необходимое международное право.

Немного позже, обстоятельства уже усложняются. Споръ Персіи съ Россіей изъ-за Закавказья былъ сначала, по выраженію одного автора, поединкомъ безъ свидѣтелей, пока не выступили на сцену, въ качествѣ секундантовъ Франція и Англія [1]). Наполеонъ въ своемъ грандіозномъ планѣ борьбы съ Англіей остановился на смѣломъ замыслѣ — нанести ей ударъ въ чувствительномъ мѣстѣ — Индіи. Черезъ Персію думалъ онъ двинуть свои арміи—и вотъ что привело его агента Жобера (Jaubert) ко двору Фетали-шаха, съ подарками и предложеніемъ союза. Передъ Персіей явилась сладкая надежда вернуть Грузію и отнятыя уже Россіей ханства, при посредствѣ французскаго императора. Въ 1807 г., въ лагерѣ Наполеона при Финкенштейнѣ, заключенъ былъ между Франціей и Персіей оборонительный и наступательный союзъ.

Какъ французскіе инструкторы муштровали войска Аббасъ-мирзы, сына Фетали-шаха, заклятаго врага Россіи и правителя Адербейджана; какъ окончилась неудачно миссія генерала Гардана и какъ, послѣ Тильзитскаго мира, соглашеніе съ Россіей

[1]) v. Schlechta-Wssehrd. Die Kämpfe zwischen Persien und Russland in Transkaukasien. Sitzungsberichte der Wiener Akademie Phil. Hist. Cl. Bd. 46 (1864).

не позволило Франціи исполнить обѣщанное ею Персіи; какъ этимъ ловко воспользовалась англо-индійская дипломатія, и французское вліяніе уступило мѣсто англійскому, изложеніе всего этого выходитъ за предѣлы нашей темы.

Россія остановилась у Аракса, и эта рѣка, съ помощью международнаго права и политическихъ балансовъ, стала границей Россіи, вмѣсто такой «естественной» преграды, какъ Кавказскій хребетъ.

Присоединеніе Грузіи и было тѣмъ событіемъ, которое, наперекоръ разсчетамъ природы и людей, привело къ неожиданному и до сихъ поръ еще не исчерпанному циклу явленій.

IV.

Мы видѣли, какъ исторія навязала Грузіи связь съ Ираномъ, и какъ, уходя отъ этой связи, страна эта обращалась къ Россіи. Мы видѣли, какъ до самаго послѣдняго времени смотрѣла Персія на Грузію; видѣли и то, что Россія всегда знала Грузію, какъ православное царство, ищущее ея поддержки. Никогда Россія не считала его частью Персіи.

Къ этимъ двумъ воззрѣніямъ на Грузію — грузино-русскому и персидскому примыкаютъ два ряда

политическихъ событій въ дальнѣйшемъ. На почвѣ перваго рождается сперва протекторатъ, затѣмъ полное политическое сліяніе.

Европейскія же державы, Англія и Франція, не знавшія Грузію, смотрѣвшія на нее глазами Персіи [1])—проглядѣли присоединеніе ея къ Россіи. А позже, съ упроченіемъ Россіи въ краѣ, притязаніе Персіи на Грузію и надежда вернуть ее съ помощью Франціи и Англіи — были несбыточной мечтой. Гюлистанскимъ трактатомъ 1813 г., Персія отказалась отъ того, что утратила уже очень давно, задолго до присоединенія Грузіи—отъ своихъ «правъ» на эту страну; «правъ» которыя христіанская Грузія никогда не переставала, съ оружіемъ въ рукахъ, отрицать и во время ихъ силы.

---

[1]) Точка зрѣнія Малькольма, дипломата и историка, на Грузію, въ его извѣстной History of Persia, есть точка зрѣнія персидскихъ шаховъ. Малькольмъ былъ современникомъ присоединенія Грузіи. Но и теперь Керзонъ, тоже писатель и политикъ, серьезно думаетъ, что по Гюлистанскому трактату Россія получила отъ Персіи — Грузію, Имеретію, Мингрелію, сверхъ того, что ей было и могло быть дѣйствительно уступлено Персіей. Curzon, Persia and the pers. question, vol. II. p. 589. На самомъ дѣлѣ «уступка» грузинскихъ земель Персіей въ Гюлистанскомъ трактатѣ просто наборъ словъ, имѣющій историческій смыслъ, но не юридическое содержаніе.

V.

—

1.

Для освѣщенія многихъ фактовъ, изложенныхъ въ этомъ очеркѣ и для бо̀льшаго уясненія того, почему мы такъ мало встрѣчались съ примѣрами соблюденія простѣйшихъ истинъ международнаго права, не лишнее будетъ привести замѣчательное изложеніе принциповъ русской азіатской политики, сдѣланное самимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ въ 1816 году. По мнѣнію гр. Нессельроде, «отношенія Россіи къ государствамъ и народамъ Азіи, находящимся въ этой части свѣта у нашихъ границъ, *до такой степени своеобразны, что подвергаешься величайшимъ неудобствамъ, примѣняя къ нимъ начала, на которыхъ основываются политическія отношенія въ Европѣ*. Тутъ все основывается на взаимности и добросовѣстности; у народовъ азіатскихъ, напротивъ, только страхомъ можно себя обезпечить, и святости трактатовъ у нихъ не существуетъ».

Но и страхъ перестанетъ быть для нихъ сдерживающимъ стимуломъ, если явится надежда, съ помощью третьей державы, противостоять интересамъ другой стороны. Поэтому-то твердо усвоенъ

въ русской азіатской политикѣ принципъ: никогда не допускать ни посредничества, ни вмѣшательства, ни даже добрыхъ услугъ иностранныхъ державъ и «разсматривать эти отношенія скорѣе какъ дѣла домашнія».

Принципъ этотъ обратился въ Россіи въ политическую аксіому, и «если имѣется держава, которая наилучшимъ образомъ въ состояніи понять причины, непозволяющія отступать отъ этой аксіомы, то это Англія, отношенія которой съ народами Индіи представляютъ столько сходства и аналогіи съ нашими азіатскими сношеніями» [1]).

Въ данномъ случаѣ, рѣчь шла о «народахъ Азіи», враждебныхъ Россіи. Но не трудно понять, что подъ категорію «домашнихъ дѣлъ», отношенія къ Грузіи подходили больше, чѣмъ что бы то ни было. Грузія была клочкомъ Азіи, «домашнее» отношеніе къ которому усугублялось его единовѣріемъ и дружественностью.

Благодаря азіатству, православію и дружественности, дѣла Грузіи и рѣшались такъ патріархально (недаромъ Екатерина изъявляла грузинамъ «матернее» благоволеніе, а уполномоченные просили у императора Александра «отеческаго благопризрѣнія»).

---

[1]) Писано Нессельроде гр. Ливену (послу въ Лондонѣ) по поводу русско-персидскихъ отношеній, приведено у Мартенса, Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. XI, стр. 265.

2.

Однако, въ вопросѣ о протекторатахъ разница между Англіей и Россіей особенно велика. Почти одновременно съ присоединеніемъ Грузіи, въ Индіи усвоена и стала въ большихъ размѣрахъ примѣняться система превращенія независимыхъ до того туземныхъ государствъ въ *подвластныхъ союзниковъ* (subject-allies или какъ ихъ еще называютъ «Subsidiary Allies»). Англія содержитъ войска въ такихъ государствахъ и защищаетъ ихъ, съ отнесеніемъ расходовъ на счетъ туземныхъ принцевъ. Послѣдніе сохраняютъ за собой внутреннее управленіе цѣликомъ—но, понятно, въ дѣйствительности, агентъ британской власти, имѣющій пребываніе въ столицѣ каждаго такого государства, вліяетъ и на внутреннее управленіе [1]).

Система эта, связанная съ именемъ лорда Корнваллиса, является, конечно, разумнымъ примиреніемъ англійскихъ интересовъ въ Индіи, и, неполной хотя бы, независимости туземныхъ государей. Иначе, для Англіи было бы немыслимо распространять власть на такое огромное и такъ населенное

---

[1]) Creasy. The imperial and colonial constitutions of the Britannic Empire, 231.

пространство Индіи, при ограниченности вооруженныхъ силъ и малочисленности тамъ англичанъ. Россія же не могла усвоить такой системы, потому что для этого она должна была быть, во-первыхъ, слабѣе, во-вторыхъ, она слишкомъ привыкла у себя къ всестороннимъ, всепоглощающимъ способамъ управленія.

Соотношеніе силъ и административныя традиціи Россіи не благопріятствовали протекторатамъ надъ грузинскими владѣніями. Роль сюзерена никогда не нравилась Россіи, и все феодальное, «иррегулярное», отнюдь не прельщало тѣхъ, кто прошелъ школу Руси Московской и Петра Великаго.

VI.

Два теченія, столкнувшіяся въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу вопроса о Грузіи, одинаково исходили изъ того, что этотъ шагъ неминуемо повлечетъ за собой большое напряженіе военныхъ и финансовыхъ силъ Россіи, что онъ разрастется въ цѣлую новую отрасль русской политики.

Но одни открыто говорили, что съ присоединеніемъ Грузіи свяжется исполненіе завѣтныхъ плановъ относительно Азіи, и привѣтствовали это присоединеніе, другіе считали такой шагъ уклоненіемъ

отъ задачъ гражданской культуры и внутреннихъ улучшеній [1]).

Въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣніе гр. Кочубея оказалось въ меньшинствѣ; какъ и вообще люди этой полосы составляли меньшинство въ Россіи, скоро увидѣвшей паденіе и ссылку Сперанскаго. Были ли они не правы? Нельзя этого сказать. Но ихъ противники, очевидно, ближе стояли къ истинному духу русской политики. Тѣ методы разрѣшенія вопроса о Грузіи, которые предлагались противниками ея полнаго присоединенія — едва ли когда-нибудь примѣнялись Россіей. Напротивъ, сторонники присоединенія говорили языкомъ и тономъ, какіе Россіи пришлось слышать очень часто.

Теченіе, побѣдившее въ разобранномъ нами случаѣ, побѣждало почти всегда и позже. Очевидно,

---

[1]) Отмѣтимъ, что позже именно гр. Кочубей, принципіальный противникъ такого присоединенія Грузіи, какое состоялось, съ особенной энергіей настаивалъ на смѣщеніи Кнорринга. Кочубей находилъ, что разъ Грузія занята, то надо изъ этого пріобрѣтенія извлечь наибольшія выгоды, но для достиженія этой цѣли необходимо имѣть тамъ способнаго человѣка, а не такого, какъ Кноррингъ. См. Извлеченія изъ «Засѣданій неоффиціальнаго комитета» въ приложеніяхъ къ І-му тому «Исторіи царствованія императора Александра I» Богдановича, стр. 76 — 77. Это было въ засѣданіи 31-го марта 1802 г. Чудовищныя злоупотребленія при Кноррингѣ вызвали назначеніе, вмѣсто него, въ Грузію князя Циціанова.

за него стоитъ «исторія», и сочетаніе широкаго «имперіализма» съ «гражданскими» стремленіями— повидимому, примиряетъ два, въ сущности и не противорѣчащія взаимно, направленія.

Императоръ Александръ I очень благожелательно относился къ народамъ не-русской національности, которымъ довелось стать при немъ русскими подданными. Нежеланіе Императора доводить до конца оккупацію Грузіи и лишать ее всякой независимости, противъ воли ея населенія, вполнѣ вытекаетъ изъ его характера и тѣхъ убѣжденій, съ которыми онъ выступилъ на свое политическое поприще. Правда, на этотъ разъ, точка зрѣнія государственнаго интереса взяла верхъ надъ нерѣшительностью, проявленной было монархомъ; и первоначальное настроеніе его не принесло Грузіи осязательныхъ результатовъ. Зато, восемь лѣтъ позже, финляндцамъ явлены были въ полной мѣрѣ знаки расположенія Императора, желавшаго нравственной связи съ новыми своими подданными, а не одной матерьяльной, основанной (въ данномъ случаѣ) на завоеваніи. Всѣмъ извѣстно, что̀ отсюда послѣдовало для Финляндіи.

Еще позже, послѣ Вѣнскаго конгресса, Александръ даровалъ конституцію русской Польшѣ, учреждая сперва въ завоеванной странѣ предста-

вительный порядокъ правленія, который онъ думалъ ввести затѣмъ и во всей Имперіи.

Въ отношеніи Императора къ финляндцамъ и полякамъ, легко узнать Александра, не пожелавшаго, по вступленіи на престолъ, согласиться на присоединеніе Грузіи, считая такое присоединеніе несправедливостью. Тотъ же человѣкъ, то же настроеніе; и если такъ различны результаты, то виной этому, прежде всего, обстановка при которой разрѣшались вопросы: «домашніе» пріемы, умѣстные по отношенію къ Грузіи, не годились, когда дѣло происходило на глазахъ всей Европы.

Конечно, многое надо отнести и на счетъ разницы культуръ: но мы видѣли, что грузины не были отнюдь безгласны, и держались опредѣленной, вѣками выработанной почвы.

Именно, въ условіяхъ международнаго оборота, различныхъ для Грузіи и ея европейскихъ товарищей по судьбѣ, надо искать разгадку того, страннаго на первый взглядъ, явленія, что больше вниманія было удѣлено желаніямъ завоеванной шведской провинціи, и русской части разсѣченной натрое Польши, чѣмъ просьбамъ единовѣрнаго, искони-дружественнаго народа, имѣвшаго, вдобавокъ, старинную, хотя и крайне отсталую, государственную организацію.

Послѣ паденія царства Карталино-кахетинскаго, присоединеніе остальныхъ грузинскихъ владѣній было дѣломъ лишь времени. Мы знаемъ, какъ широки были планы, подсказавшіе инкорпорацію Грузіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Чернаго моря, Россія не могла остановиться—а остановить ее не могли владѣтели, съ упоеніемъ терзавшіе другъ друга. Въ интересахъ культуры, могущества Россіи, въ интересахъ грузинскаго народа, какъ бы то ни было сплоченнаго теперь подъ одними законами, владѣнія Западной Грузіи постепенно лишились автономіи, путемъ отчасти добровольнымъ, отчасти manu militari, притомъ, не безъ «авангарда» изъ благородныхъ металловъ.

Золотое руно Колхиды нашло, наконецъ, своего хозяина; явился онъ изъ Скиѳіи, а не изъ Эллады. Но, безчисленные аргонавты разныхъ породъ и разныхъ вѣковъ, много вырвали клочьевъ изъ этого руна, — и въ какомъ поврежденномъ видѣ попало оно въ руки Россіи! Какъ оно износилось со временъ Язона!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Трактатъ 1783 года.

(Полное Собраніе Законовъ, т. XXI, № 15.835).

Іюля 24. Договоръ, постановленный между Ея Императорскимъ Величествомъ и Царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ Іракліемъ Вторымъ.

Отъ давняго времени Всероссійская Имперія, по единовѣрію съ Грузинскими народами, служила защитою, помощію и убѣжищемъ тѣмъ народамъ и Свѣтлѣйшимъ владѣтелямъ ихъ противъ угнетеній, коимъ они отъ сосѣдей своихъ подвержены были. Покровильство Самодержцами Царямъ Грузинскимъ, роду и подданнымъ ихъ даруемое, произвело ту зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, которая наипаче оказывается изъ самаго Россійско-Императорскаго титула. Ея Императорское Величество, нынѣ благополучно Царствующая, достаточнымъ образомъ изъявила Монаршее Свое къ симъ народамъ благоволеніе и великодушный о благѣ ихъ промыслъ сильными Своими стараніями, приложенными о

избавленіи ихъ отъ ига, рабства и отъ поносной дани отроками и отроковицами, которую нѣкоторые изъ сихъ народовъ давать обязаны были, и продолженіемъ Своего Монаршаго призрѣнія ко Владѣтелямъ оныхъ. Въ семъ самомъ расположеніи, снизходя на прошенія, къ Престолу Ея пренесенныя отъ Свѣтлѣйшаго Царя Карталинскаго и Кахетинскаго Ираклія Теймуразовича, о принятіи его со всѣми его наслѣдниками и преемниками, и со всѣми его Царствами и Областями въ Монаршее покровительство Ея Величества и Ея Высокихъ Наслѣдниковъ и Преемниковъ, съ признаніемъ Верховной власти Всероссійскихъ Императоровъ надъ Царями Карталинскими и Кахетинскими, Всемилостивѣйше восхотѣли поставить и заключить съ помянутымъ Свѣтлѣйшимъ Царемъ дружественный договоръ, посредствомъ коего съ одной стороны Его Свѣтлость именемъ своимъ и своихъ преемниковъ, признавая Верховную власть и покровительство Ея Императорскаго Величества и Высокихъ Ея Преемниковъ надъ владѣтелями и народами Царства Карталинскаго и Кахетинскаго и прочихъ областей, къ нимъ принадлежащихъ, ознаменилъ бы торжественнымъ и точнымъ образомъ обязательства свои въ разсужденіи Всероссійской Имперіи; а съ другой Ея Императорское Величество также де могла бъ ознаменить торжественно, каковыя преимущества и выгоды отъ щедрой и сильной Ея десницы даруются помянутымъ народомъ и Свѣтлѣйшимъ ихъ Владѣтелямъ.

Къ заключенію таковаго договора Ея Императорское Величество уполномочить изволила Свѣтлѣйшаго Князя Римскія Имперіи Григорья Александровича Потемкина, войскъ Своихъ Генералъ Аншефа, повелѣвающаго легкою конницею

регулярною и нерегулярною и многими другими военными силами, Сенатора, Государственной Военной Коллегіи Вице-Президента, Астраханскаго, Саратовскаго, Азовскаго и Новороссійскаго Государева Намѣстника, Своего Генералъ-Адъютанта и Дѣйствительнаго Камергера, Кавалергардскаго Корпуса Поручика, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Подполковника, Главнаго Начальника Мастеровой Оружейной Палаты, кавалера орденовъ Святыхъ Апостоловъ Андрея, Александра Невскаго, Военнаго Святаго Великомученика Георгія и Святаго Равноапостальнаго Князя Владиміра большихъ крестовъ; Королевскихъ, Прусскаго чернаго и Польскаго бѣлаго Орловъ, и Святаго Станислава, Шведскаго Серафимовъ, Датскаго слона и Голстинскаго Святыя Анны, со властію, за отсутствіемъ Своимъ избрать и снабдить полною мочью отъ себя, кого онъ за благо разсудитъ; который потому избралъ и уполномочилъ Превосходительнаго Господина, отъ арміи Е. И. В. Генералъ-поручика, войсками въ Астраханской Губерніи командующаго, Е. И. В. Дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Россійскихъ Св. Александра Невскаго, военнаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія и Голстинскаго Св. Анны кавалера Павла Потемкина; а Его Свѣтлость Карталинскій и Кахетинскій Царь Ираклій Теймуразовичъ избралъ и уполномочилъ съ своей стороны Ихъ Сіятельствъ своего Генерала отъ лѣвой руки Князя Ивана Константиновича Багратіона, и Его Свѣтлости Генералъ-Адъютанта Князя Гарсевана Чавчавадзева. Помянутые полномочные, приступивъ съ помощію Божіею къ дѣлу и размѣнявъ взаимныя полномочія, по силѣ ихъ постановили, заключили и подписали слѣдущіе артикулы.

Арт. 1. Его Свѣтлость Царь Карталинскій и Кахетинскій, именемъ своимъ, наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ торжественно навсегда отрицается отъ всякаго вассальства, или подъ какимъ бы то титуломъ ни было, отъ всякой зависимости отъ Персіи или иной Державы; и симъ объявляетъ предъ лицемъ всего Свѣта, что онъ не признаетъ надъ собой и преемниками инаго Самодержавія, кромѣ Верховной власти и покровительства Ея Императорскаго Величества и Ея Высокихъ Наслѣдниковъ и Преемниковъ Престола Всероссійскаго Императорскаго, обѣщая тому Престолу вѣрность и готовность пособствовать пользѣ Государства во всякомъ случаѣ, гдѣ отъ него то потребовано будетъ.

Арт. 2. Ея Императорское Величество, пріемля со стороны Его Свѣтлости столь чистосердечное обѣщаніе, равномѣрно обѣщаетъ и обнадеживаетъ Императорскимъ Своимъ словомъ за Себя и Преемниковъ Своихъ, что милость и покровительство ихъ отъ Свѣтлѣйшихъ Царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ никогда отъемлемы не будутъ. Въ доказательство чего, Ея Величество даетъ Императорское Свое ручательство на сохраненіе цѣлости настоящихъ владѣній Его Свѣтлости Царя Ираклія Теймуразовича, предполагая распространить таковое ручательство и на такія владѣнія, кои въ теченіи времени и по обстоятельствамъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ за нимъ утверждены будутъ.

Арт. 3. Въ изъявленіе того чистосердечія, съ каковымъ Его Свѣтлость Царь Карталинскій и Кахетинскій признаетъ верховную власть и покровительство Всероссійскихъ Императоровъ, постановлено, что помянутые Цари, вступая наслѣдственно на Царство ихъ, имѣютъ тотчасъ извѣщать о

томъ Россійскому Императорскому Двору, испрашивая чрезъ Посланниковъ своихъ Императорскаго на царствѣ подтвержденія съ инвеститурою, состоящею въ грамотѣ, знамени съ гербомъ Всероссійской Имперіи, имѣющимъ внутри себя гербъ помянутыхъ Царствъ, въ саблѣ, въ повелительномъ жезлѣ и въ мантіи, или епанчѣ горностаевой; сіи знаки или Посланникамъ вручены будутъ, или же чрезъ пограничное начальство доставлены будутъ къ Царю, который при полученіи ихъ, въ присутстіи Россійскаго Министра долженствуетъ торжественно учинить присягу на вѣрность и усердіе къ Россійской Имперіи и на признаніе верховной власти и покровительства Всероссійскихъ Императоровъ по формѣ, прилагаемой при семъ трактатѣ. Обрядъ сей и нынѣ исполненъ да будетъ со стороны Свѣтлѣйшаго Царя Ираклія Теймуразовича.

Арт. 4. Для доказательства, что намѣренія Его Свѣтлости въ разсужденіи толь тѣснаго его соединенія со Всероссійскою Имперіею и признанія верховной власти и покровительства Всепресвѣтлѣйшихъ тоя Имперіи Обладателей суть непорочны, обѣщетъ Его Свѣтлость безъ предварительнаго соглашенія съ главнымъ пограничнымъ Начальникомъ и Министромъ Ея Императорскаго Величества, при немъ акредитуемымъ, не имѣть сношенія съ окрестными Владѣтелями; а когда отъ нихъ пріѣдутъ посланцы или присланы будутъ письма, оныя принимая, совѣтовать съ главнымъ пограничнымъ Начальникомъ и Министромъ Ея Императорскаго Величества о возвращеній таковыхъ посланцевъ и о надлежащей ихъ Владѣтелямъ отповѣди.

Арт. 5. Чтобъ удобнѣе имѣть всякое нужное сноше-

ніе и соглашеніе съ Россійскимъ Императорскимъ Дворомъ, Его Свѣтлость Царь желаетъ имѣть при томъ Дворѣ своего министра или Резидента, а Ея Императорское Величество милостиво то пріемля обѣщаетъ, что оный при дворѣ Ея принимаемъ будетъ на ряду съ прочими Владѣтельныхъ Кнзяей Министрами равнаго ему характера, и сверхъ того соизволяетъ и съ Своей стороны содержать при Его Свѣтлости Россійскаго Министра или Резидента.

Арт. 6. Е. И. В., пріемля съ благоволеніемъ признаніе верховной Ея власти и покровительства надъ Царствами Карталинскимъ и Грузинскимъ (sic), обѣщаетъ Именемъ Своимъ и преемниковъ своихъ: 1) народы тѣхъ Царствъ почитать пребывающими въ тѣсномъ союзѣ и совершенномъ согласіи съ Имперіей Ея и, слѣдственно непріятелей ихъ признавать за своихъ непріятелей; чего ради миръ съ Портою Оттоманскою, или Персіею, или иною державою и областію заключаемый, долженъ распространяться и на сіи покровительствуемые Ея Величествомъ народы, 2) Свѣтлѣйшаго Царя Ираклія Теймуразовича и его дому наслѣдниковъ и потомковъ сохранять безпеременно на царствѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ, 3) Власть, со внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей представить Его Свѣтлости Царю въ полную его пользу, запрещая своему Военному и Гражданскому начальству вступаться въ какія либо распоряженія.

Арт. 7. Его Свѣтлость Царь, пріемля съ достодолжнымъ благоговѣніемъ толь милостивое со стороны Ея Императорскаго Величества обнадеживаніе, обѣщаетъ за себя и потомковъ своихъ: 1) быть всегда готовымъ на службу Ея Вели-

чества съ войсками своими, 2) Съ начальниками Россійскими, обращаяся во всегдашнемъ сношеніи по всѣмъ дѣламъ до службы Ея Императорскаго Величества касающимся, удовлетворять ихъ требованіямъ и подданыхъ Ея Величества охранять отъ всякихъ обидъ и притѣсненій, 3) Въ опредѣленіи къ мѣстамъ и возвышеніи ихъ въ чины отмѣнное оказывать уваженіе на заслугу предъ Всероссійскою Имперіею, отъ покровительства коея зависитъ спокойствіе и благоденствіе Царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго.

Арт. 8. Въ доказательство особливаго Монаршаго благоволенія къ Его Свѣтлости Царю и народамъ его, и для вящщаго соединенія съ Россіею сихъ единовѣрныхъ народовъ, Ея Императорское Величество соизволяетъ, чтобы Католикосъ, или начальствующій Архіепископъ ихъ состоялъ мѣстомъ въ числѣ Россійскихъ Архіереевъ въ восьмой степени, именно, послѣ Тобольскаго, Всемилостивѣйше жалуя ему навсегда титулъ Святѣйшаго Синода Члена. О управленіи же Грузинскія церкви и отношеніи, каковое долженствуетъ быть къ Синоду Россійскому, о томъ составится особливый артикулъ.

Арт. 9. Простирая милость свою къ подданымъ Его Свѣтлости Царя, Князьямъ и Дворянамъ, Е. И. В. установляетъ, что оные во Всероссійской Имперіи будутъ пользоваться всѣми тѣми преимуществами и выгодами, кои Россійскимъ благороднымъ присвоены; а Его Свѣтлость, пріемля съ благодарностью толь милостивое къ подданнымъ снизхожденіе, обязывается прислать ко двору Е. В. списки всѣхъ благородныхъ фамилій, дабы по онымъ можно было знать въ точности, кому таковое отличное право принадлежитъ.

Арт. 10. Постановляется, что всѣ вообще уроженцы Карталинскіе и Кахетинскіе могутъ въ Россіи селиться, выѣзжать и паки возвращаться безвозбранно; плѣнные же, если оные оружіемъ или переговорами у Турокъ и Персіянъ, или другихъ народовъ освобождены будутъ, да отпустятся во свояси по ихъ желаніямъ, возвращая только издержки на ихъ выкупъ и вывозъ; сіе самое и Его Свѣтлость Царь обѣщаетъ исполнять свято въ разсужденіи Россійскихъ подданныхъ, въ плѣнъ къ сосѣдамъ попадающихся.

Арт. 11. Купечество Карталинское и Кахетинское имѣетъ свободу отправлять свои торги въ Россіи, пользуясь тѣми же правами и преимуществами, коими природные Россійскіе подданные пользуются; взаимно же Царь обѣщаетъ постановить съ главнымъ начальникомъ пограничнымъ или съ Министромъ Ея Величества о всемѣрномъ облегченіи купечества Россійскаго въ торгѣ ихъ въ областяхъ его, или въ проѣздѣ ихъ для торгу въ другія мѣста, ибо безъ таковаго точнаго постановленія и условіе о выгодахъ его купечества мѣста имѣть не можетъ.

Арт. 12. Сей договоръ дѣлается на вѣчныя времена; но ежели что либо усмотрѣно будетъ нужнымъ перемѣнить, или прибавить для взаимной пользы, оное да возъимѣетъ мѣсто по обостороннему соглашенію.

Арт. 13. Ратификаціи на настоящій трактатъ долженствуютъ размѣнены быть въ шесть мѣсяцевъ отъ подписанія его, или и скорѣе, буде возможно.

Въ достовѣреніе чего, нижеподписавшіеся полномочные, по силѣ ихъ полныхъ мочей, подписали сіи артикулы и при-

ложили къ нимъ свои печати въ Георгіевской крѣпости, Іюля 24 дня 1783 года.

(Далѣе слѣдуетъ образецъ присяги, приносимой царями).

Высочайше утвержденный дополнительный Артикулъ къ договору съ Царемъ Иракліемъ II. 30 сентября 1783 года (П. С. З. № 15. 840).

О вѣнчаніи и помазаніи на Царство Царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ.

Какъ Карталинскіе и Кахетинскіе цари отъ древнихъ временъ вѣнчаются Царскимъ вѣнцомъ и помазуются на Царство Святымъ миромъ; то Е. И. В. именемъ Своимъ и Преемниковъ своего Императорскаго престола не только Всемилостивѣйше дозволяетъ помянутымъ Царямъ употребленіе сего Священнаго обряда, но еще въ вящщее доказательство отличнаго Своего благоволенія, жалуетъ имъ сверхъ прочихъ знаковъ Императорской на Царство инвеституры въ договорѣ положенныхъ обыкновенную Царскую корону, которую какъ Его Высочество нынѣ владѣющій Царь Ираклій вторый употреблялъ, такъ Свѣтлѣйшіе Его преемники тою же вѣнчаемы быть долженствуютъ.

Его Высочество Царь Ираклій сію Высочайшую милость Е. И. В. съ достодолжнымъ благоволеніемъ и благодарностью обѣщаетъ именемъ своимъ и преемниковъ своихъ, что обрядъ Священнаго тѣхъ преемниковъ Его на Царство вѣнчанія и помазанія не прежде совершаемъ будетъ, какъ по учиненіи положенной трактатомъ присяги на вѣрность Всероссійскому Императорскому Престолу и по полученіи утвердительной Императорской грамоты съ инвеститурой.

Сей Артикулъ имѣетъ почитаемъ быть принадлежащимъ

къ числу другихъ, трактатъ составляющихъ. Въ достовѣріе чего уполномоченные къ подписанію того трактата по данной имъ довѣренности оный подписали и печатьми укрѣпили.

В.

Представленіе отъ царя Георгія имп. Павлу (Октябрь 1798 года).

(Грузинскій текстъ этого «представленія» во II-мъ томѣ «Грамотъ» проф. Цагарели, № 143).

Проситъ восшедшій на законный царскій престолъ свой, по кончинѣ отца своего царя Ираклія II, царь Карталинскій и Кахетинскій *Георгій* тринадцатый о нижеслѣдующемъ:

а.

Въ 1783 году данъ нами обѣтъ, извѣстить по восшествіи на престолъ Грузіи, Ваше Императорское Величество о воспріятіи законнаго и наслѣдственнаго нашего престола и испросить отъ Вашего Императорскаго Величества подтвержденія.

б.

Нынѣ, восшедъ на свой законный и наслѣдственный престолъ Грузіи и Кахетіи, нижайше прошу В. И. В. о подтвержденіи сего, а также о признаніи и утвержденіи наслѣдникомъ по мнѣ перворожденнаго сына моего *Давида*, достославной службы В. И. В. генералъ-маіора.

Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйше прошу удовлетворенія этой моей просьбы. Октябрь 1798 года. Подписалъ царь Карталиніи, Кахетіи и прочихъ Георгій XIII.

C.

Утвердительная Е. И. Е. грамота царю Грузинскому Георгію отъ 18-го апрѣля 1799 года С. П. (по большомъ Е. И. В. титулѣ).

(Акты, собранные Кавказскою Археограф. Комиссіею. т. II, стр. 1147, № 24).

Его Высочеству свѣтлѣйшему Карталинскому и Кахетинскому царю Георгію XIII Наша Императорская милость и поздравленіе. По поданному отъ вашего высочества всеподданнѣйшему прошенію пребывающимъ при Императорскомъ дворѣ Нашемъ полномочнымъ министромъ вашимъ кн. Гарсеваномъ Чавчавадзе, коимъ вы по силѣ священныхъ обѣтовъ заключеннаго въ 1783 году трактата, по восшествіи вашемъ по родителѣ на прародительскій наслѣдственный царскій Карталинскій и Кахетинскій престолъ, просить изволите о утвержденіи васъ преемникомъ онаго царства нынѣ и такомъ же утвержденіи будущимъ по васъ того же царства наслѣдникомъ старшаго сына вашего, Императорской службы Нашей генералъ-маіора Давида,—Мы, пріемля оное со всемилостивѣйшей благоугодностью и на основаніи того-жъ трактата 3-ей статьи, сею Нашею Императорскою грамотою

утверждаемъ Васъ нынѣ преемникомъ онаго царства, а сына вашаго Давида будущимъ по васъ наслѣдникомъ»...

(По полученіи вновь посылаемыхъ инвенститурныхъ знаковъ, царь долженъ учинить присягу по формѣ).

Подписано «Павелъ». Контрасигновалъ вице-канцлеръ гр. Кочубей.

D.

Полномочіе, данное царемъ Георгіемъ посланникамъ своимъ, отправляемымъ имъ въ С.-Петербургъ.

(Ориг. текстъ во II-мъ томѣ «Грамотъ» проф. Цагарели, № 175, стр. 187).

1799 г. 7 сентября. Касательно представленій, имѣющихъ быть сдѣланными Его Иператорскому Величеству, преподаемъ слудующее вѣрноподданнымъ нашимъ, господамъ посланникамъ, отправленнымъ отъ насъ:

Царство и владѣніе мое отдайте непреложно и по христіанской правдѣ и поставьте его не подъ покровительство Императорскаго Всероссійскаго престола, но отдайте въ полную его власть и на полное его попеченіе, такъ чтобы отнынѣ царство Грузинское было бы въ Имперіи Россійской на томъ же положеніи, какимъ пользуются прочія провинціи Россіи.

Затѣмъ, нижайше представьте Императору Всероссійскому, чтобы, принимая царство Грузинское въ полную свою власть, онъ обнадежилъ бы меня Всемилостѣйшимъ пись-

меннымъ обѣщаніемъ, что достоинство царское не будетъ отнято у дома моего, но что оно будетъ передаваться изъ рода въ родъ, какъ при предкахъ моихъ.

Точно также преподнесите Всемилостивѣйшему Государю нижайшую просьбу о пожалованіи мнѣ и дѣтямъ моимъ, въ предѣлахъ Россійской Имперіи, подходящихъ деревень, въ полное и наслѣдственное обладаніе, каковое пожалованіе будетъ для меня знакомъ окончательнаго подчиненія.

Царь всея Грузіи Георгій.

Испросите также, пристойнымъ образомъ, по удовлетвореніи вышеписаннаго, содержаніе.

Царь Георгій.

Князь Гарсеванъ Чавчавадзе.

Е.

Просительные пункты.

(Акты Кавказ. Археограф. Комиссіи, т. I, стр. 179—181. Нота Грузинскаго посольства о Грузіи).

Е. И. В. въ 19-й день ноября сего 1800 г. Всемилостивѣйше апробовать соизволилъ по всѣмъ пунктамъ нижеписанную ноту, врученную высокому Его министерству уполномоченными его высочества Карталинскаго и Кахетинскаго царя, князьями Гарсеваномъ Чавчавадзе, Георгіемъ Аваловымъ и Елеазаромъ Палавандовымъ, въ силу данной имъ отъ

него, царя, уполномочіи, кои пункты, за подписаніемъ перваго присутствующаго Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ графа Ростопчина съ двумя изъ вышеозначенныхъ уполномоченныхъ князьями Георгіемъ Аваловымъ и Елеазаромъ Палавандовымъ отправляются къ е. в. царю, съ тѣмъ что, буде онъ донынѣ остается въ прежнихъ мысляхъ своихъ непоколебимъ быть единожды навсегда принятымъ въ покровительство и подданство Высочайшаго Всероссійскаго двора подъ всѣми тѣми правами и выгодами, каковыми подданные Е. И. В. пользуются, то слѣдуетъ е. в. царю на принятіе сей Высокомонаршей милости прислать къ Г. И. съ сими-жь посланными благодарительную грамоту, наименовавъ всѣхъ трехъ уполномоченныхъ, какъ отъ себя, такъ и отъ всего царства своего послами, по возвращеніи коихъ и будетъ по всѣмъ онымъ прошеніямъ его заключенъ обоюдный Императорскій актъ.

«Е. в. царь, нашъ государь, еще при жизни родителя своего царя Ираклія, будучи наслѣдникомъ, имѣлъ въ мысляхъ съ приверженными къ нему особами до сего времени въ тайнѣ предать себя и царство свое великому Всероссійскому Государю на всегда въ полную зависимость и подданство и оставаться во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи и зависимости.

«По кончинѣ блаженной памяти родителя его царь нашъ оставался въ прежнихъ своихъ мысляхъ, но еще не объявляя оныхъ, ожидалъ отъ находящагося при Высочайшемъ дворѣ министра своего князя Чавчавадзе присылки Всемилостивѣйшаго отвѣта, отъ коего и присланъ былъ нарочный съ письмами къ нему, царю, въ коихъ князь Чавча-

вадзе доносилъ, чтобы онъ, царь, вспомнилъ прежнее свое желаніе и прислалъ бы письменно, но е. в. царь нужнымъ счелъ, во первыхъ, принять наслѣдственный царскій престолъ, получить признаніе Е. И. В., яко верховнаго своего властителя, потомъ поспѣшить отправить къ помянутому своему министру донесенія на Высочайшее Е. В. имя и просить о утвержденіи его на царствѣ, яко законнаго наслѣдника, и о пожалованіи царской инвеституры и въ тожъ время объ обнародованіи всему царству по обычаю, чтобъ признавали его природнымъ своимъ государемъ царемъ. Получа отъ великаго и Богомъ избраннаго Монарха и покровителя православія подтвержденіе, царскіе знаки съ отправленнымъ тогда ко двору его министромъ Коваленскимъ, а бывшій при Высочайшемъ дворѣ министръ родителя его князь Чавчавадзе отправленъ впередъ съ грамотою и поздравленіемъ съ вступленіемъ на царство.

«Царь, получа оныя высокомонаршія отъ великаго Государя милости и покровительство, принеся теплыя молитвы ко Всевышнему, назначилъ насъ троихъ и, уполномочивъ, отправилъ къ Высочайшему двору, съ тѣмъ, чтобъ, во первыхъ, пасть къ освященнымъ стопамъ Е. И. В. и принесть всеподданнѣйшую благодарность за оказанныя высокія Императорскія ему, царю, и народу его милости и во вторыхъ, представить слѣдующія прошенія:

1) «Е. в. царь Георгій Грузинскій, Кахетинскій и прочихъ, нашъ государь, вельможи, духовенство и народъ его желаетъ единожды навсегда принять подданство Всероссійской Имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ

*

законовъ и повелѣній, сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца.

2) «Всеподданѣйше проситъ, чтобъ при врученіи царства его былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его на престолѣ съ титуломъ царей, добровольно подвергши себя и царство подданству Всероссійской Имперіи и имѣть имъ, царямъ, главное въ своемъ царствѣ правленіе по тѣмъ законамъ, кои отъ Всевысочайшаго двора даны быть имѣютъ. Отъ себя жъ имъ безъ особаго повелѣнія никакихъ узаконеній не вводить.

3) «Для наивящщаго и дѣйствительнаго себѣ узаконенія и приверженности къ подданству е. в. царь проситъ къ доказательству вѣрности своей Всемилостивѣйше опредѣлить ему жалованье и содержаніе и пожаловать въ Россіи деревни. Доходы же царства Грузинскаго е. в. царь, такъ какъ подданный, представляетъ въ полную власть Г. И. обратить куда Е. В. благоугодно, на содержаніе войскъ и на другія тамошнія надобности для первыхъ временъ, какъ то: къ обращенію тамошнихъ земледѣльцевъ въ вящщую любовь и приверженность своему Г. И. Всемилостивѣйше дать, на сколько лѣтъ благоудно будетъ, льготу въ податяхъ.

4) «По принятіи въ Высокороссійское подданство царя и царства его на первыя времена необходимо нужно въ тѣхъ мѣстахъ имѣть до 6,000 человѣкъ войска, коимъ занять всѣ тѣ мѣста, гдѣ заблагопринято будетъ главноначальниками тѣхъ войскъ, къ защищенію отъ сосѣдственныхъ бродягъ, также нужна принадлежащая къ онымъ артиллерія и съ прочимъ оружіемъ.

5) «Всѣ находящіяся нынѣ въ Грузіи крѣпости и укрѣпленія заняты должны быть Россійскими войсками и комендантами оныхъ; а буде благоугодно будетъ Императору нашему, то нѣкоторыхъ чиновниковъ изъ природныхъ Грузинскихъ благородныхъ присовокупить къ онымъ и съ нѣкоторымъ числомъ людей.

6) «Прислать людей знающихъ фортификацію и буде гдѣ надобность будетъ вновь сдѣлать какія либо крѣпости и укрѣпленія, Всемилостивѣйше приказать оныя возстановить; относительно же до рабочихъ людей могутъ быть по наряду тамошнихъ начальниковъ изъ природныхъ Грузинъ и прочихъ, платя имъ положенную плату.

7) «Дать Высочайшее повелѣніе увѣщательнымъ образомъ на первой случай какъ благороднымъ, такъ и прочимъ, чтобы они вступали въ высоко-Императорскую службу по примѣру въ Имперіи узаконенному, кои для защищенія и содержанія карауловъ служили-бы своему царству съ обыкновеннымъ жалованіемъ и аммуниціею и дабы ихъ на первый разъ по непривычкѣ ободрить — объявить, что обмундированіе ихъ будетъ національное.

8) «Находящіяся въ Грузіи разныя руды, серебряныя, золотыя и прочихъ металовъ, кои по причинѣ иновѣрныхъ и непріязненныхъ сосѣдей находятся закрытыми, на открытіе ихъ благоволить прислать людей знающихъ сіе ремесло, а рабочихъ испытанныхъ къ сему въ царствѣ найдется довольное число, коихъ опредѣлить къ работѣ съ положеніемъ къ содержанію ихъ жалованья мѣсячнаго или годоваго.

9) «Царь проситъ, чтобы находящійся тамо монетный дворъ увеличить или оставить по прежнему дѣлать по

нынѣшнему образцу золотую, серебряную и мѣдную монету, со изображеніемъ знаковъ: на правой сторонѣ вензеля Императорскаго съ надписью Россійской, а на другой герба Грузинскаго царства — съ Грузинскою, изъ тѣхъ самыхъ, кои въ царствѣ получаемы будутъ и изъ покупаемыхъ изъ сосѣдственыхъ мѣстъ привозимыхъ металловъ.

10) «Во избѣжаніе и предосторожность нареканій на первыя времена, пока все устроено и приведено будетъ въ совершенное состояніе, нужное число провіанта для находящагося въ тѣхъ мѣстахъ вышесказаннаго войска покупать по состоящей тамо рыночной цѣнѣ или сдѣлать здѣсь съ полномочными оному положеніе.

11) «Со времени вступленія царя Ираклія мирнымъ договоромъ утвержденнымъ подъ покровительство Всероссійской Имперіи, буде кто нынѣ изъ сосѣдей дерзнетъ напасть на тѣ границы подъ какимъ либо предлогомъ, то дано было-бъ повелѣніе военнымъ начальникамъ совокупно съ грузинцами возбранять таковыя наглости, до совершенія нынѣ благоугоднаго дѣла, по окончаніи коего не преминетъ царь изъяснить въ подробности все то, до какихъ мѣстъ простирались въ древнія времена границы царства Грузинскаго.

12) «Сосѣдствующіе намъ Адзербейджанскіе ханы, какъ то Ганджинскій и Эриванскій, изъ древнѣйшихъ временъ всегда были въ преданности и повиновеніи Грузинскихъ царей, коими и защищаемы были отъ разныхъ ихъ непріятелей, что́ и поднесь продолжается. Въ знакъ же ихъ приверженности къ царямъ Грузинскимъ они ежегодную дань или даръ присылаютъ царямъ, и противу непріятелей царей нерѣдко и вооружались; но какъ нынѣ они, узнавъ совершен-

ное и непоколебимое покровительство великой Имперіи, для своихъ выгодъ за благо сочтутъ, для благоденствія своего быть приверженными царству Грузинскому, постановленіе коихъ оставить до прибытія къ царю отъ Императорскаго двора назначенной особы, которая по совѣту съ царемъ можетъ сдѣлать и положеніе о нихъ, но до прибытія и утвержденія всего выше сказаннаго благоволено-бъ было ему царю, въ случаѣ нужды, тѣмъ ханамъ дѣлать вспомоществованія отъ прочихъ ихъ сосѣдей имъ равныхъ, хотя Грузинскимъ войскомъ.

13) «Не токмо вышеупомянутые, но и прочіе прилеглые къ Грузіи Персидскіе ханы, узнавъ таковую Государеву милость, черезъ Грузинъ и себѣ для обезпеченія своего народа искать не преминутъ.

14) «Черезъ находящагося начальника Россійскихъ войскъ въ Грузіи дать знать Турецкому и Ахалцихскому пашѣ, дабы онъ пріудержался въ пропускѣ черезъ владѣнія Оттоманской порты Лезгинцовъ въ Грузинскія границы и у себя оныхъ Лезгинцовъ не содержать.

15) «Всѣ подданные царя Грузинскаго, какъ дворянство, духовенство, купечество, такъ и прочій ремесленный народъ имѣетъ быть на равныхъ правахъ и законахъ, какъ и Россійскіе подданные.

16) «Но какъ у насъ не въ обычаѣ переписывать народъ нашъ по-душевно, то и мы не можемъ донести, сколько каждаго рода душъ князей, дворянъ, духовенства, купечества, цеховыхъ и крестьянъ во всемъ царствѣ находится; но отправленный отсюда вельможа съ помощію царя подробную опись всему можетъ сдѣлать и представить Г. И.

«Буде чего въ сихъ нашихъ, подносимыхъ по повелѣнію царя нашего, пунктахъ не достаетъ къ дополненію, то оное по прибытіи туда отъ Высочайшаго двора посланнаго, въ силу повелѣнія, безоттоворочно учреждено быть имѣетъ, безъ всякаго упущенія, а нынѣ мы, будучи отдалены отъ царства нашего, о всѣхъ прочихъ малозначущихъ вещахъ припомнить не можемъ.

Подлинный подписалъ графъ Ростопчинъ.

F.

Рескриптъ Е. И. В. Павла I, данный въ С.-Петербургѣ 23 ноября 1800 г.

Ib. 181 (№ 122).

Свѣтлѣйшій царь, всеподданнѣйшее благодареніе ваше за утвержденіе на царство и за пожалованіе вамъ царскихъ знаковъ, прибывшими ко двору Нашему в. в. уполномоченными, князьями Гарсеваномъ Чавчавадзе, Георгіемъ Аваловымъ и Елеазаромъ Палавандовымъ Намъ изъявленное, приняли мы съ Высокомонаршимъ Нашимъ благоволеніемъ и удостоивъ также Всемилостивѣйшей апробаціи Нашей поданную ими высокому Нашему министерству ноту о прошеніяхъ вашихъ къ принятію васъ въ подданство Наше, повелѣли первому присутствующему Нашей Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ графу Ростопчину сообщить вамъ о Высокомонаршемъ Нашемъ благорасположеніи къ особѣ вашей и ко всему царству вашему, узнавъ же, что в. в. находитесь

нездоровы, не можемъ не изъявить чувствительное наше о томъ соболѣзнованіе, желаемъ чтобы грамота сія нашла васъ въ совершенномъ здравіи. Впрочемъ, увѣряя о Высокомонаршемъ Нашемъ къ вамъ благоволеніи, пребываемъ Императорскою Нашею милостью къ вамъ благосклонны.

G.

Рескриптъ генералу Кноррингу отъ 15-го ноября 1800 г.

(Акты, т. I, 177—8, № 116).

Господинъ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ 2.

Царь Грузинскій Георгій Ираклієвичъ, видя угроженнымъ царство свое сколько внѣшними непріятелями, столько же, а можетъ быть еще и больше отъ возникающихъ въ собственной семьѣ его междоусобій касательно наслѣдства къ престолу, поручилъ посольству своему, здѣсь находящемуся, изъявить Намъ желаніе видѣть земли Грузинскія въ непосредственномъ Намъ подданствѣ; входя въ важность дѣла сего, сколько въ отношеніе земли той самой по себѣ, столько и по соображеніямъ спокойства границъ нашихъ, повелѣваемъ вамъ представить Намъ немедленно мнѣніе ваше, сколько изъ ввѣренныхъ вамъ войскъ можно отдѣлить для занятія Грузіи и пребыванія въ оной, присоединя къ войскамъ тамъ уже находящимся, не ослабя кордона противъ горскихъ народовъ. Ослабленіе здоровья царева даетъ поводъ ожидать его кончины; почему и отправьте, коль скоро оная послѣ-

дуетъ, немедленно туда объявленіе отъ имени Нашего, чтобы до полученія отъ Насъ соизволенія даже не было приступаемо къ назначенію преемника на царство Грузинское. Дѣло сіе трактуется здѣсь и въ скоромъ времени отправленъ будетъ изъ полномочныхъ Грузинскихъ здѣсь находящихся, для принесенія Намъ отъ царя и народа Грузинскаго грамоты и желаніи ихъ быть въ Нашемъ подданствѣ и подъ управленіемъ нашихъ законовъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Е. И. В. рукою тако: Павелъ.

Н.

Манифестъ Имп. Павла 18 января 1801 года.

(Подписанъ 18 декабря 1800 г.)[1].

Съ давныхъ уже временъ Грузинское Царство, угнетаемое иновѣрными сосѣдями, истощало силы свои непрестаннымъ ратованіемъ въ собственную оборону, чувствуя неизбѣжныя слѣдствія войны, почти всегда несчастливой. Къ симъ присовокупились несогласія въ домѣ Царскомъ, угрожающія довершить паденіе Царства сего, возродя въ немъ междоусобную войну. Царь Георгій Ираклієвичъ, видя приближающуюся кончину дней его, знатные чины и самъ народъ грузинскій прибѣгли нынѣ къ покрову Нашему, и не предвидя инаго спасенія отъ конечной гибели и покоренія врагамъ ихъ, просили чрезъ присланныхъ полномочныхъ о принятіи

---

[1]) П. С. З. № 19,721.

областей Грузинскому Царству подвластныхъ въ непосредственное подданство Императорскому Всероссійскому Престолу.—Внимая прошенію сему по сродному Намъ ко всѣмъ единовѣрцамъ Нашимъ милосердію и по всегдашнему Нашему о пользахъ Грузинскаго народа попеченію, опредѣлили Мы исполнить Царя Георгія Ираклієвича и Грузинскаго народа желаніе, и для того повелѣли, сколько для удержанія внутренняго въ землѣ устройства, столько для огражденія оной отъ внѣшнихъ нападеній ввести войска Наши въ области Грузинскія. И симъ объявляемъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, что по присоединеніи Царства Грузинскаго на вѣчные времена подъ Державу Нашу не только предоставлены и въ цѣлости соблюдены будутъ, Намъ любезновѣрнымъ новымъ подданнымъ Нашимъ Царства Грузинскаго и всѣхъ оному подвластныхъ областей, всѣ права, преимущества и собственность, законно каждому принадлежащая, но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться тѣми правами, вольностями, выгодами и преимуществами, каковыми древніе подданные Россійскіе по милости Нашихъ предковъ и Нашей наслаждаются подъ покровомъ Нашимъ. Впрочемъ пребудемъ удостовѣрены, что сіи новые подданные Наши и ихъ потомки сохраненіемъ непоколебимой вѣрности Намъ и Преемникамъ Нашимъ и усердіемъ къ пользѣ Имперіи Нашей, коей по всеблагому промыслу Всевышняго учинились сочленами, потщатся заслуживать Монаршее благоволеніе Наше.

I.

Изъ ноты, поданной грузинскими полномочными въ апрѣлѣ 1801 г.

(Груз. текстъ у Пл. Іосселіани (Жизнь ц. Георгія) и во II-мъ томѣ «Грамотъ» проф. А. Цагарели).

1.

По силѣ пункта перваго перваго прошенія поданнаго нами еще до кончины е. в. царя Грузинскаго, государя нашего, отъ его имени высокому министерству, каковое прошеніе, согласно повелѣнія Е. И. В., послано было въ Грузію; имѣемъ честь всеподданнѣйше доложить о нижеслѣдующемъ: вельможи Грузіи, духовенство и народъ желаютъ единожды навсегда принять подданство великой Россійской имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца. Въ виду того, что какъ этотъ, такъ и прочіе пункты вышеозначенной ноты были разсмотрѣны, по Высочайшему соизволенію, и царство сіе на вѣки было принято въ подданство Всероссійскаго Императорскаго Престола, посему всеподданнѣйше просимъ Е. В. Всемилостивѣйшаго Государя нашего, дабы Онъ подтвердилъ принятіе царства сего въ подданство заключеніемъ торжественнаго Императорскаго акта, причемъ обнадежены будутъ новые подданные, что отеческое благопризрѣніе какъ Его самого, такъ и

Преемниковъ Его отъ нихъ не отнимется; равно какъ и попеченіе о благосостояніи народа, который по собственной своей волѣ отдался на вѣки въ подданство; и что дарованы будутъ имъ тѣ же права, преимущества и выгоды, коими старые подданные Е. И. В. пользуются; что царство и предѣлы его будутъ защищены отъ вторженія всѣхъ сосѣдственныхъ враговъ, ущерба и всякихъ супротивностей; и установлены такія повинности, какія посильно будетъ новымъ подданнымъ нести и исполнять.

2.

На основаніи сего пункта, которому мы согласны придать распространительное толкованіе, да соблаговолитъ Е. И. В. назначить кого ему угодно изъ царевичей правителемъ царства Грузинскаго, съ тѣмъ чтобы онъ носилъ званіе Императорскаго намѣстника и считался царемъ Грузіи...

J.

Манифестъ 12-го сентября 1801 г.

(П. С. З. № 20,007).

Божіею милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ обывателямъ Царства Грузинскаго, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Покровительство и Верховная власть Россійской Имперіи надъ Царствомъ Грузинскимъ

всегда налагали на Монарховъ Россійскихъ и долгъ защиты. Въ 1796 году противъ сильнаго впаденія къ вамъ Аги-Магометъ-хана, въ Бозѣ почивающая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна послала часть войскъ своихъ. Столь успѣшное тогда не токмо спасеніе Царства Грузинскаго, но и счастливое покореніе всѣхъ Областей и народовъ отъ береговъ Каспійскаго моря до рѣкъ Куры и Аракса; ограждали васъ отъ всякихъ опасностей; оставалось токмо внутреннимъ благоучрежденіемъ благоденствіе ваше утвердить на вѣки. Но внезапное и скоропостижное отступленіе войскъ Россійскихъ изъ Персіи, Арменіи и изъ предѣловъ вашихъ, изпровергли справедливое ожиданіе ваше. — Всѣ потомъ претерпѣнные Вами бѣдствіи, нашествіе невѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, раззореніе городовъ и селеній, порабощеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей вашихъ,—наконецъ раздоръ Царской Фамиліи, и раздѣленіе народа между разными искателями Царскаго достоинства влекли васъ въ междоусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на Царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединеніемъ всѣхъ сихъ золъ не токмо народъ, но даже и имя народа Грузинскаго, храбростью прежде столь славнаго во всей Азіи, потребилось бы отъ лика земли. Стоя въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство Россійское. Вступленіе войскъ Нашихъ и пораженіе Омаръ-Хана Аварскаго пріостановили гибель вашу, устрашивъ всѣхъ хищниковъ наполняющихъ горы Кавказскія и тѣхъ кои раздираютъ область Персіи и Великой Арменіи; затихли крамолы посредѣ васъ и всѣ вы единодушно и торжественно воззвали власть

Россійскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на Всероссійскій Престолъ, обрѣли царство Грузинское присоединенное къ Россіи, о чемъ и Манифестъ въ 18 день Генваря 1801 года изданъ былъ во всенародное извѣстіе.— Вникая въ положеніе ваше, и видя, что посредство и присутствіе войскъ Россійскихъ въ Грузіи и до нынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови Намъ единовѣрныхъ, и конечную гибель уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали Мы испытать еще нѣтъ ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ Нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и безопасности.—Но ближайшія по сему изслѣдованія наконецъ убѣдили Насъ, что разныя части народа Грузинскаго, равно драгоцѣнныя Намъ по человѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти.— Поелику противъ всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ себя обнаружила.—Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобій и кровопролитія; сверхъ того бывшее правленіе даже и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности. Напротивъ столь кратно вовлекало васъ въ бездну золъ, на краю коей и нынѣ вы стоите, и въ которую по всѣмъ соображеніямъ должны вы будете низвергнуться, если мощная рука справедливой власти отъ паденія сего васъ не удержитъ. Сила обстоятельствъ сихъ, общее по сему чувство ваше, и гласъ Грузинскаго народа, преклонилъ Насъ не оста-

вить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великодушной защитѣ Россіи.—Возбужденная надежда ваша сей разъ обманута не будетъ.—Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго.—Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи Правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона.— А по сему избравъ Нашего генералъ-лейтенанта Кнорринга быть Главноуправляющимъ посредѣ Васъ, дали Мы ему полныя постановленія открыть сіе Правленіе отъ Имени Нашего объявленіемъ и привесть въ силу и дѣйствіе предначертанное отъ Насъ постановленіе,къ исполненію коего пріобщая избранныхъ изъ васъ по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы ввѣряясь Правленію сему, несомнѣнно подъ сѣнію онаго начально спокойствіе и безопасность обрящете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе.

Всѣ подати съ земли вашей повелѣли Мы обращать въ пользу вашу, и что за содержаніемъ Правленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе раззоренныхъ городовъ и селеній. Каждой пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободнымъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранятъ удѣлы свои кромѣ отсутствующихъ; а симъ годовой доходъ съ удѣловъ ихъ ежегодно производимъ будетъ деньгами, гдѣ бы они ни обрѣтались, лишь бы сохраняли долгъ при-

сяги.—Во взаимность сихъ великодушныхъ попеченій Нашихъ о благѣ всѣхъ и каждаго изъ васъ, Мы требуемъ, чтобы вы для утвержденія постановленной надъ вами власти дали присягу въ вѣрности по формѣ при семъ приложенной. Духовенство, яко Пастыри душевные, первые должны дать примѣръ. Наконецъ, да познаете и вы цѣну добраго Правленія, да водворится между вами миръ, правосудіе, увѣренность какъ личная, такъ и имущественная, да пресѣкутся самоуправство и лютыя истязанія, да обратится каждый къ лучшимъ пользамъ своимъ и общественнымъ, свободно и невозбранно упражняясь въ земледѣліи, промыслахъ, торговлѣ, рукодѣліяхъ подъ сѣнію законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ. Избытки и благоденствіе ваше будетъ пріятнѣйшею и единственною для Насъ наградою. Данъ въ Престольномъ градѣ Москвѣ, Сентября 12 дня 1801 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько историческихъ замѣчаній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношенія Восточной Грузіи и Персіи при Сефевидахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Между Персіей и Россіей.

*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Грузія и Персидскій походъ Петра Великаго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Надиръ-шахъ и возвышеніе Грузіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Участіе грузинъ въ первой турецкой войнѣ при императрицѣ Екатеринѣ II.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъ Кучукъ-Кайнарджи до трактата 1783 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Грузино-русскій трактатъ 1783 г.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Грузія подъ протекторатомъ Россіи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Наканунѣ присоединенія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Присоединеніе Грузіи къ Имперіи.

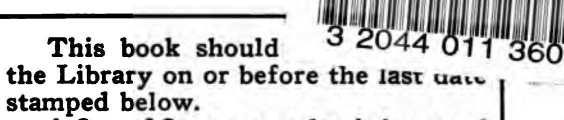
ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

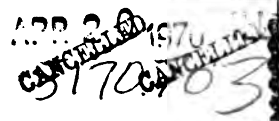
Заключительная.

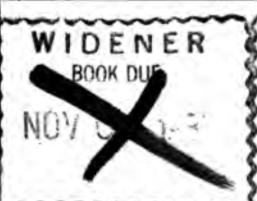
ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Должно быть.*
31	1	снизу	исторія	историкъ
53	2	»	поступила	поступала
55	14	сверху	пришлось бы	пришлось
103	17	»	русскіе	русскія
124	8	»	отрицательно	отрицательно.
124	16	»	приводится	проводится
125	1	»	особенное	особенно
278	5	»	пренесенныя	принесенныя
287	1	заглав.	Е. И. Е.	Е. И. В.
288	12	снизу	слудующее	слѣдующее

3 2044 011 360

CANCELLED
CANCELLED

WIDENER
BOOK DUE